

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ГУМАНИТАРНОМ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДЫ, ПРАКТИКИ

Министерство образования и науки Российской Федерации

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Оксфордский Российский Фонд

**ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ГУМАНИТАРНОМ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ
ИССЛЕДОВАНИИ:
ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДЫ, ПРАКТИКИ**

Материалы Всероссийской научной конференции
студентов-стипендиатов Оксфордского Российского Фонда
(Екатеринбург, 24 апреля 2017 г.)

Екатеринбург
УрФУ
2017

УДК 3+7/8(06)
ББК 6/8я431
Т65

Члены редколлегии

Председатель

Князев С. Т., проректор по учебной работе УрФУ

Координатор проекта

Квашнина Г. М., начальник управления по учебно-методической работе УрФУ, координатор фонда «Оксфорд-Россия» в УрФУ

Редакционная коллегия

Бурнасов А. С., канд. ист. наук, доц. каф. теории и истории международных отношений ИСПН

Деменова В. В., канд. иск., доц. каф. истории искусств ИГНИ

Ершова И. А., канд. филос. наук, доц. каф. психологии развития и пед. психологии ИСПН

Зырянова С. Ю., замдиректора департамента «Исторический факультет» ИГНИ

Кунышиков С. В., канд. полит. наук, доц. каф. политических наук ИСПН

Слаутина М. В., канд. филол. наук, доц. каф. современного русского языка ИГНИ

Смирнова О. Г., канд. социол. наук, доц. каф. прикладной социологии ИСПН

Черепанова Е. С., д-р филос. наук, проф. каф. истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры ИСПН

Шорохова И. С., старш. препод. каф. экономики и статистики ВШЭМ

Секретари оргкомитета

Гудова Ю. В., аспирант УрФУ (ответственный за выпуск)

Драницина К. Г., студент УрФУ

Назарова И. А., аспирант УрФУ

Т65 Традиции и новации в гуманитарном и социально-экономическом исследовании: проблемы, методы, практики : материалы Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского Фонда (Екатеринбург, 24 апреля 2017 г.). – Екатеринбург : УрФУ, 2017. – 280 с.

ISBN 978-5-321-02531-4

В сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского Фонда по актуальным проблемам истории, искусствоведения, культурологии, социологии, политологии, психологии, филологии, философии, экономики. Сборник предназначен для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей.

Организаторы конференции благодарят за финансовую поддержку Оксфордский Российский Фонд и проректора по науке УрФУ В. В. Кружаева.

УДК 3+7/8(06)
ББК 6/8я431

Ответственность за содержание и оформление материалов несут авторы статей. Статьи публикуются в авторском оригинале.

Научное издание

**Традиции и новации в гуманитарном и социально-экономическом исследовании:
проблемы, методы, практики**

Подписано в печать 24.08.17. Формат 60×84/16. Бумага писчая. Цифровая печать.

Усл. печ. л. 16,3. Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 105 экз. Заказ 272.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, <http://print.urfu.ru>

ISBN 978-5-321-02531-4

© Уральский федеральный университет, 2017

Оглавление

<i>Баранникова Д. А.</i> Новый объект в культурологическом исследовании: анализ демотиваторов как способ изучения этностереотипов.....	8
<i>Белоруссова Т. Е.</i> Союз династии Гийомов из Монпелье с Генуэзской республикой во второй половине XII в.	11
<i>Березина В. А.</i> Образ Бодхидхармы в живописи Китая и Японии	14
<i>Благовестный М. Б.</i> Холистический подход в исследовании личности	17
<i>Бредихина А. В., Баранова Л. Я.</i> Роль гуманистической деятельности Л. З. Копелева в российско-немецких отношениях	20
<i>Величко В. В.</i> К проблеме изучения цвето-музыкальных ассоциаций.....	23
<i>Вербицкая Т. В.</i> Совершенствование механизма участия Российской Федерации в борьбе против международного терроризма с точки зрения совершенствования российского законодательства	25
<i>Винокурова Н. В.</i> Роль этнометодолога как странная участь	32
<i>Вишневская А. В.</i> Феномен принятия православия взрослыми в начале XX в. по материалам метрических книг Екатерининского собора г. Екатеринбурга	36
<i>Галенкова А. Д.</i> Эконометрическое моделирование факторов притока прямых иностранных инвестиций: роль институтов.....	39
<i>Гильманова Е. М.</i> Политическая коммуникация в зеркале политического плаката военного времени.....	42
<i>Гладкая В. Э.</i> Анализ процессов регионализма на Ближнем Востоке: регион как потенциальный актор международных отношений.....	45
<i>Глазырин В. А.</i> Макро- и микроструктура авторского идеографического словаря (на материале книги стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень»)	47
<i>Голуб Е. А.</i> Экстериорность случая как условие фотопроцесса	50
<i>Градковская Е. В.</i> Образ идеальной жены эпохи Токугава (1603–1868), отраженный в «Онна Дайгаку».....	54
<i>Звонарева А. П.</i> Применение нормы об экспроприации иностранной собственности в целях политического давления	56
<i>Зиннатуллина Р. М.</i> Синтез традиции и новации в художественном творчестве.....	59
<i>Зиннатуллина Р. М.</i> Возникновение понятия «перформативность» в научном дискурсе XX века.....	62

<i>Зыкова Н. Е.</i> Специфика гражданского общества в СССР	65
<i>Илиных В. А.</i> Некоторые особенности политической элиты в России при В. В. Путине.....	68
<i>Ильичев Д. В.</i> Проблема технико-технологического изучения копии и подлинника в музейных собраниях Урала на материале живописно-графического наследия музеев Нижнего Тагила, Ирбита, Челябинска	73
<i>Казакова К. И.</i> Арт-кластер как инструмент продвижения современного искусства ..	77
<i>Карпова В. Н.</i> Имидж КНР в американских средствах массовой информации	80
<i>Каиштанов Д. Д.</i> Практики формирования общественного сознания на страницах газеты «Уральский рабочий» в 1934–1935 гг.	83
<i>Каяво В. А.</i> Новаторство Герберта Уэллса: исследование социальных проблем общества в научно-фантастических произведениях.....	86
<i>Кизюн Е. В.</i> Русские традиции в культурной среде эмигрантов Харбина.....	89
<i>Козлова А. А.</i> Эксплицитные и имплицитные способы реализации речевого акта предостережения.....	92
<i>Козынцева У. Н.</i> Социальный компонент семантики слова	95
<i>Козырева О. А.</i> Проблема языка в философии Ж. Делеза: субъективность и ее отсутствие.....	98
<i>Козырева О. А.</i> К вопросу о практике конструирования нарративов в психоанализе	101
<i>Кокин Д. И.</i> Республиканизм: от традиции к новации?.....	105
<i>Кокоулина А. М.</i> Влияние институциональной среды на приток трансграничных сделок слияния и поглощения.....	108
<i>Красногорцев М. А., Быкова С. И.</i> Эволюция исторической памяти в ФРГ: изменение отношения к «дезертирам вермахта»	111
<i>Куликов С. П.</i> Политические причины сирийского конфликта	114
<i>Кунникова К. И.</i> Особенности окулomotorного поведения у младенцев с недоношенностью	117
<i>Кустов С. А.</i> Венский кружок: интерсубъективность науки.....	120
<i>Лабутина Н. А.</i> Структура организации акционеров в корейских конгломератах на примере компании Samsung	123
<i>Маринович А. Н.</i> Информационно-коммуникационная составляющая современных политических процессов.....	125

<i>Маукин В. Р., Быкова С. И.</i> Противопоставление духовных и материальных ценностей в тетралогии «Кольцо Нибелунга» как центральная тема творчества Р. Вагнера.....	128
<i>Мельник Т. В.</i> Отражение миропонимания древних обществ в погребальном обряде	132
<i>Мешалкина С. С.</i> Декрет о печати от 27 октября (9 ноября) 1917 года как исторический источник.....	134
<i>Мингалева А. Д.</i> Проблемы формирования статистической базы для сравнительного международного анализа инновационной деятельности	137
<i>Миронов Н. А.</i> Информационный поворот в философии	140
<i>Мишина С. Г., Победаш Д. И.</i> Публичная дипломатия – новое оружие в информационной войне?	143
<i>Морозова Л. О.</i> Проблемы археографического описания электронных копий архивных документов в виртуальных архивах	146
<i>Москалев Н. А.</i> Кризис индивидуализма в современном мире как симптом отторжения глобализма	149
<i>Назаров А. Д.</i> Позднеримские императоры в военных кампаниях: аспекты и практики лидерства в армейском социуме	152
<i>Назарова И. А.</i> Специфика изменения образа будущего: ретроспектива вопроса.....	155
<i>Накишова М. Т.</i> Челобитные сибирских служилых людей: проблемы и конфликты (по материалам Сибирского приказа)	159
<i>Нургалиев Т. Ф.</i> Личностные особенности пользователей компьютерных онлайн- и офлайн-игр	163
<i>Огуренко Е. В.</i> Работа местного комитета Свердловского областного государственного архива в 1941 г.	166
<i>Перкина А. К.</i> Религия и война в философских концепциях рубежа XIX–XX веков ..	169
<i>Перфильева А. С.</i> Пограничность VS ограниченность субъекта в «воображаемой логике» Н. А. Васильева	172
<i>Пименов П. С.</i> О наступлении «эпохи морских офицеров» в истории Русской Америки.....	175
<i>Подкорытова Е. В.</i> Анализ сквозной модели целей устойчивого развития в рамках глобальной экономики	178
<i>Пологова Е. В.</i> Общий взгляд на содержание документа о корпоративной культуре в системе государственной гражданской службы Свердловской области.....	181

<i>Попович А. И.</i> Исследовательский вектор памятников Борисоглебского цикла: интерпретация мотива гибели.....	184
<i>Рождкова П. А.</i> Новаторы в рекламе. Языковое и иллюстративное выражение суггестивного компонента в рекламных текстах рубежа XIX-XX вв. (на примере рекламных текстов фирмы Ван Гутена «C. J. van Houten & Zoon, Weesp»)	187
<i>Романенко Л. В.</i> Политика «мягкой силы» в отношениях между Россией и странами СНГ	190
<i>Сараждинова Д. К.</i> История глобализации мирового финансового рынка	194
<i>Свердлов С. А.</i> Исходы дидактогенического воздействия и их влияние на профессиональные характеристики человека	197
<i>Сенокосова А. Н.</i> Религиозные основания танца Кечак в постановке В. Шписа	201
<i>Соколова Е. А.</i> Цвет и фактура в японской архитектуре второй половины XX века..	207
<i>Старикова Л. В.</i> Роль испано-марокканского соглашения о реадмиссии 1992 года как одного из главных инструментов испанской политики экстернализации пограничного контроля.....	210
<i>Стасюк К. В.</i> Форма Белой башни как новация в авангардном строительстве	213
<i>Султанов Д. М.</i> Католическая Реформация: исторический контекст и проблема человека	216
<i>Тереханов И. А.</i> Применение политических технологий в Интернете (на примере социальной сети Twitter).....	219
<i>Тимошенко Е. В.</i> Личность художника в качестве контекста исследования наивного искусства	222
<i>Тутикова З. В.</i> Ментальная структура «склеенного» концепта ВИНА – РАСКАЯНИЕ – ПОКАЯНИЕ – СОЖАЛЕНИЕ.....	225
<i>Тупоногова К. Ю.</i> Международная защита коренных народов	228
<i>Умеренкова А. А.</i> Кодекс министра Великобритании как этический кодекс госслужащего.....	230
<i>Фейзилова С. Ф.</i> Визуальный образ города Екатеринбурга (на примере социальной сети Instagram)	233
<i>Фокеев М. А.</i> Ключевые факторы инновационного развития регионов России.....	236
<i>Фомин Г. А.</i> Междисциплинарность и проблема метода в искусствознании	239
<i>Чаусова А. А.</i> Народная кукла как носитель культурной памяти: проблема аутентичности	241

<i>Чекулаев С. В.</i> Концептуализация понятия публичного пространства в работах И. Канта и Ю. Хабермаса	245
<i>Чувашиева А. С.</i> Идеальный брак Юлия Агриколы	248
<i>Чукаева В. А.</i> Традиции и новации в экономическом исследовании на примере сравнения работ нобелевских лауреатов	251
<i>Шакирова Ю. А.</i> Интроверты и экстраверты в современном обществе: философский аспект	254
<i>Шевченко М. А.</i> Конструирование идентичности в современном мире и актуальность данной проблемы для России (на примере Кубанского казачества)	257
<i>Шенгелия Т. Г.</i> Семантические дериваты этнонима «русский» в названиях игр, игрушек, развлечениях	260
<i>Шульпин П. А.</i> Содержательный минимум концепта «работа» во французском языке	263
<i>Шурупова М. В.</i> Неклассическая философская антропология в понимании Ф. Гиренка	266
<i>Щекотова Е. С.</i> Телепрезентация: проблема дистанции между реальным и виртуальным мирами	269
<i>Щекотова Е. С.</i> Травма как условие формирования национальной идентичности ...	272
<i>Эльстон-Бирон И. О.</i> «Мы с тобой» как форма внутреннего монолога в поэзии позднего О. Мандельштама	275
<i>Якимов А. Е.</i> Репрезентация феноменологической концепции повседневности в фильме Д. Джармуша «Паттерсон»	278

Новый объект в культурологическом исследовании: анализ демотиваторов как способ изучения этностереотипов

Стремительное распространение цифровых медиа затронуло многие стороны культуры, возникли новые культурные феномены и практики, в которые вовлечены тысячи людей. Благодаря сети Интернет, способной проникать во многие области социальной деятельности, человек становится не только потребителем информации, но и постоянным ее производителем. Такая ситуация требует применения новой оптики при изучении давно сложившихся культурных феноменов. Для этого исследователям приходится использовать новые подходы аналитики новых групп объектов.

Благодаря возросшей роли изображений, как наиболее доступной для потребителя формы передачи информации, особое значение для межкультурных коммуникаций в современную эпоху обретает интернет-мем, в частности, одна из его самых популярных разновидностей – так называемый демотиватор. «Демотиваторы имеют четкую композицию и содержат три основных элемента: изображение в черной рамке; слоган или лозунг, набранный крупным шрифтом с засечками; пояснительную надпись к лозунгу, набранную более мелким шрифтом» [1].

Анализ демотиваторов представляется эвристичным для различных культурологических исследований, например, в изучении проблематики этностереотипов. Создание этностереотипов является традиционным механизмом формирования собственной коллективной идентичности через принцип противопоставления и конструирования образа внешнего врага. «По механизму функционирования этнические стереотипы подразделяют на устойчивые и подвижные. Этнические стереотипы второй группы формируются в процессе межкультурной коммуникации, этнических

столкновений, с помощью средств массовой коммуникации и являются подвижными, изменчивыми» [2]. Этнические стереотипы, созданные при помощи демотиваторов, можно отнести ко второй группе. Благодаря особой демократичности демотиваторов доступ к созданию и трансляции все новых и новых стереотипов получает каждый пользователь сети Интернет.

На примере анализа посвященных США и американцам современных российских демотиваторов можно показать потенциал включения новых объектов в поле культурологических исследований. Нам удалось составить представленную ниже предварительную типологию [3].

1. *Американская «бездуховность».* Демотиваторы, которые направлены на то, чтобы показать «бездушность и духовную неразвитость» американцев. Показательным для этой группы является демотиватор, где изображена кукла Барби, замотанная в американский флаг, только вместо звезд на синем поле флага помещены различные логотипы американских брендов наподобие «Coca-Cola» и «Apple». Снизу подпись: *«АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА / длинноногая блондинка без сердца и с пустотой в голове».* Этот разряд визуальных объектов можно условно классифицировать на три подгруппы.

2. *Американский патриотизм.* Другая весьма многочисленная группа демотиваторов, это сетевые плакаты, эксплуатирующие американский патриотизм. Здесь визуальный материал несет основную смысловую нагрузку, а текст, как правило, несущественен и сводится к фразе *«Американский патриотизм».* На черном фоне представлены изображения, где американский флаг в определенных ситуациях был использован не по назначению.

3. *Телесные и интеллектуальные характеристики американской культуры.* Третья группа демотиваторов связана с представлениями русских о том, что американцы – это нация толстых, необразованных, ленивых, людей, которые всегда и во всем стараются окружить себя комфортом.

4. *Американцы vs русские.* В последнюю группу сетевых плакатов на тему «стереотипы об американцах» включены демотиваторы, касающиеся противоречий между русскими и американцами и их представлениями друг

о друге. Здесь встречаются плакаты патриотического толка, смысловым ядром которых является слоган: *«АМЕРИКАНЦЫ ЛЮБЯТ СВОЮ СТРАНУ / русские любят свою родину»*.

Анализ демотиваторов показывает конструирование образа врага, в данном случае – «культурного врага», которому приписываются все черты, присутствующие в российской культуре со «знаком минус». В данном случае сеть Интернет предстает как специфическая форма информационно-коммуникативного пространства, а также как транслятор новых возможностей для расширения методологического поля в различных областях гуманитарного исследования.

Литература

1. Бугаева И. В. Демотиваторы как новый жанр в Интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика. URL: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/10Bugaeva.pdf> (дата обращения: 06.04.2016).
2. Гладких С. В. Этнические стереотипы как феномен духовной культуры. Ставрополь, 2001. С. 32.
3. Баранникова Д. А., Рабинович Е. И. «Американцы, верните нам нашу зиму»: американская культурная идентичность в российских демотиваторах // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всерос. науч. конф. XI Колосницынские чтения. Екатеринбург, 2016. С. 235–241.

**Союз династии Гийомов из Монпелье с Генуэзской республикой
во второй половине XII в.**

XII в. стал эпохой итальянкой торговой колонизации побережья Южной Франции. Свидетельства о присутствии генуэзцев в Монпелье имелись еще при графе Гийоме V, который правил до 1120 г. Однако дипломатические контакты между Генуей и Монпелье установились только к 40-м гг. XII в. Во время восстания горожан граф Гийом VI был вынужден просить военную поддержку у генуэзцев, пизанцев и графа Барселоны. В благодарность за помощь в подавлении восстания в 1143 г. он предоставил генуэзским и пизанским купцам широкие торговые привилегии на территории сеньории, в частности, право беспошлинной торговли, защиту их купцов, а также поддержку генуэзцев в противостоянии с графом Тулузы [1].

Восстание 1141–1143 гг. стало отправной точкой для установления генуэзской торговой гегемонии на территории Монпелье. С этого времени Генуя стремилась ограничить торговлю Монпелье в Западном Средиземноморье, но конечной ее целью было установление контроля над контактами Средиземноморской Франции с рынками Леванта. Около 1150 г. генуэзцы в новом соглашении потребовали для себя дополнительные привилегии, а также наложили определенные географические ограничения на торговлю: отныне купцам из Монпелье запрещались поездки дальше Генуи, а с 1155 г. – дальше Испании. Необходимо отметить, что данные запреты не распространялись на перевозку паломников в Сирию [2].

Ко времени правления Гийома VII (1149–1179 гг.) династия существенно увеличила свое влияние по сравнению с началом XII в. В частности, граф Монпелье вступил в брак с сестрой Эда II, герцога Бургундского. Заключение этого династического союза, вероятно, отражало смещение торговых интересов

Монпелье на север, к ярмаркам в Шампани [3]. Поскольку генуэзцы переправляли товары на север через Юг Франции, не исключено, что именно союз с ними способствовал расширению торговых связей Монпелье.

Наиболее ранние тексты, характеризующие торговое сотрудничество Генуи и Монпелье, сохранились в первом нотариальном регистре Генуи, составителем которого считается Джованни Скриба. В документах 1156–1164 гг. о прибытии и продаже генуэзских товаров в Монпелье упоминается 8 раз. Записи нотариусов также свидетельствуют, что в Западном Средиземноморье генуэзцы играли обычную для себя роль торговых посредников. Они вывозили в Южную Францию, Испанию, Сардинию и Корсику североευропейские ткани, левантйские товары, медь, железо и строевой лес. Больше всего сведений имеется о торговле тканями [4].

В 60-е гг. XII в. Монпелье также был местом погашения финансовых обязательств для генуэзцев. Наличие монетного двора графства Мельгей рядом с Монпелье, несомненно, способствовало усилению его экономической роли. В 1165 г. Вениамин из Туделы назвал генуэзцев в числе частых посетителей города Монпелье. В своей «Книге странствий» он также характеризовал Монпелье как крупный город, связанный морской торговлей с Магрибом, Египтом, Сирией и Византийской империей [5].

Усилия генуэзцев по установлению экономической гегемонии в регионе Южной Франции оказались сорванными из-за событий, предшествующих Третьему крестовому походу (1187–1192 гг.), когда Конрад Монферратский даровал горожанам Сен-Жиля, Монпелье, Марселя и Барселоны ряд привилегий, чтобы заручиться их помощью в защите Тира. Торговцы из Монпелье получили такие же права от Ги де Лузиньяна в отношении Акры и Иерусалимского Королевства. Очевидно, с этого времени генуэзские ограничения в отношении торговли с Левантом были отменены. С 1180-х гг. начинается новый этап в торговом сотрудничестве Генуи и Монпелье, который характеризуется наибольшей свободой передвижения для купцов из Монпелье: договоры 1202 и 1205 гг. больше не включали пунктов об ограничении

торговли [2]. В конце XII в. в целом можно констатировать сокращение объема генуэзской торговли в европейской части Западного Средиземноморья. Прежде всего, это касалось Южной Франции и Испании. Особенно сильно генуэзская торговля в регионе сократилось в начале XIII в., поскольку многие генуэзские торговцы стремились в это время обосноваться в Сирии [4].

Можно констатировать, что в середине XII в. сеньоры Монпелье были заинтересованы в поддержании союзнических отношений с Генуей. Помимо того, что при их поддержке Гийом VI одержал победу в борьбе с городской знатью, дальнейшее сотрудничество способствовало активизации внешней торговли сеньории. Однако тот факт, что с 80-х гг. XII в. в торговых отношениях Генуи и Монпелье начинается новый этап, свидетельствует, что Монпелье достаточно окреп в экономическом плане, чтобы выступать как самостоятельная сила в средиземноморской внешней торговле.

Литература

1. *Reyerson K. L.* The art of the deal: intermediaries of trade in medieval Montpellier. Leiden; Boston, 2002. P. 30–31.
2. *Reyerson K. L.* Montpellier and Genoa: the dilemma of dominance // *Journal of Medieval History*. 1994. Vol. 20. P. 359–363.
3. *Lewis A. R.* The Guillems of Montpellier: a Sociological Appraisal // *Viator: Medieval and Renaissance studies*. Ann Arbor. 1971. Vol. 2. P. 162–163.
4. *Чурсина С. А.* Торговля генуэзцев в европейской части Западного Средиземноморья в конце XII – первой половине XIII вв. // *Страны Средиземноморья в эпоху феодализма: межвузовский сборник*. Горький. 1973. Вып. 1. С. 32–36.
5. *Пушар Ж.* Латино-Иерусалимское королевство / пер. с франц. А. Ю. Карачинского; вступ. ст. С. В. Близнюк. СПб., 2002. С. 254.

Образ Бодхидхармы в живописи Китая и Японии

Чань-буддизм – одна из значительнейших школ буддизма, зародившаяся в Китае и оказавшая большое влияние на культуру и искусство Китая и Японии. К середине X–XI вв. Чань превращается в одну из ведущих школ Китая, а в XII в. проникает в Японию и закрепляется там в форме дзен-буддизма (Дзен – японское название Чань). Появление Чань-буддизма связывают с именем Бодхидхармы – буддийского учителя из южной Индии, который в VI в. прибывает в Китай.

Для Чань-буддизма характерен не столько опора на тексты – сутры, сколько важна непосредственная передача Учения от учителя к ученику. Особенностью этой школы является то, что Учение проявляется различных формах искусства – это искусство создания дзенского сада, поэзия, музыка, живопись.

Чаньская школа живописи окончательно оформляется в XIII в., в это время сама китайская школа Чань еще существует, но она уже прошла период своего расцвета. Чаньская школа живописи в китайской культуре возникла как раз в тот момент, когда были определены сами закономерности развития живописи. Чаньские мастера начали трансформировать существующую живопись, привнося в нее свои элементы. Чань-буддийская живопись отличается тем, что использует существующие в живописи темы и приемы, но при этом если традиционно художник всю свою жизнь посвящал работе в одном жанре, то чаньский живописец мог работать с разными жанрами. Смысл воплощался в любом из уже существующих мотивов, но читался уже иначе. Таким художником был Му Ци, который считается основателем чаньской школы живописи. Особым пластом среди чаньской живописи являются изображения Будд и Патриархов.

Фигура Бодхидхармы значима для Чань-буддизма, так как он является основателем этой школы. Образ Бодхидхармы – это образ самого учения Чань. Развитие иконографического образа не идет равномерно: параллельно могут существовать разные типы изображений. Прямосидящие фигуры тяготеют в характере изображения к скульптурам. Лицо дано реалистично, а фигура очерчена непрерывным контуром. Подобная традиция изображений существует с XIII века и необычайно ярко проявляется в изображениях Бодхидхармы XX века. В портретных изображениях можно проследить трансформацию в живописном понимании образа.

Любой образ, будь то Будда, монах или патриарх, изображается чаньскими монахами, отлично от идеально выверенных изображений в классическом буддизме. Образы, в которых подчеркиваются характерные черты индивидуальности изображаемой личности, не идеализированные, но максимально человеческие. Му Ци изображает человека в состоянии напряженной духовной работы, суровое лицо дано лишь несколькими уверенными линиями, которые создают узнаваемый и характерный образ. Изображенный Учитель производит впечатление сильного духом просветленного человека. Подобная живопись как встреча человека с человеком, здесь происходит непосредственная передача от учителя к ученику. В дальнейшей изобразительной традиции выразительные черты практически превращаются в гротеск (дзенский монах Хакуин создает мощный и очень выразительный образ, но в нем сложно узреть почтительное отношение к изображаемому Первопатриарху). В своих работах Хакуин выражает истинный дух Дзен-буддизма, который не приемлет формальности. Хакуин поступает как иконоборец, изображая основателя учения в комичном виде, он возвращается к истокам и показывает, что само учение важнее изображения, сакральный образ не отрицается полностью, а требует каждый раз своего рессоздания. Иконоборческая традиция Хакуина проявляется в усилении характерных черт Бодхидхармы и низвержении образа посредством дзенского

смеха, но существует другая линия изображений Бодхидхармы со спины, где не показано лицо, а дано лишь общее очертание его фигуры.

Это новый виток развития иконографии, где изображение доходит до знака, иероглифа. Чаньский художник творил спонтанно, почти не ориентируясь на зрительское восприятие. На живописных свитках, в том числе на изображениях Бодхидхармы, мы видим и сам процесс создания изображения, и то состояние мира, которое не воплощается в видимых формах. Здесь оно проявляется, фиксируется живописной пустотой, незаполненным пространством свитка и является его важным элементом. Мир внешних форм лишь подчеркивает пустотную природу человеческого сознания, а образ изображенного мира – это образ мышления человека. Изображенное на свитке в процессе медитации преобразовывалось, теряло свое значение для мастера, становилось для него лишь внешним, превращалось в знак. И с этого момента начинался новый процесс – процесс созерцания этого произведения «зрителем», медитация, нацеленная на постижение того, что стоит за каждым чаньским свитком.

Холистический подход в исследовании личности

Для полноценного изучения личности человека, по мнению А. Маслоу, малоэффективны редукционистски-ориентированные методы, сводящие всю сложность и многомерность исследуемого объекта к простым схемам, например, к стимулу и реакции, к диалектике «эроса» и «танатоса» и т. д.

Редукционистские методологические установки допускают возможность изучения частей изолированно от целого. Такой подход также связан с механистическим представлением о человеке, из которого следует допустимость мнения о функционировании его личности по аналогии с функционированием механизма, подчиняющегося точным законам. Из естественных наук эти установки перешли в некоторые гуманитарные дисциплины и продолжают оказывать влияние на них до сих пор.

Для понимания полноценно функционирующей личности механистически и редукционистски ориентированных методик совершенно недостаточно. Они неплохо справляются с изучением патологий личности, но малопригодны для описания здоровой личности. Методология нуждается в обновлении, в подходе, способном восполнить ограниченность редукционизма. В качестве новой методологической основы Маслоу предлагает холистический подход.

Холистический подход, применяемый Маслоу для исследования личности человека, исходит из сложности и многомерности человеческого существа и, как следствие, невозможности его сведения к схемам, которые успешно применяются при описании более простых форм жизни (бихевиористский подход) или неодушевленных предметов (механистический подход).

Само понятие «холизм» вводится в научный оборот в 20-е гг. XX века Сметсом Я., который сформулировал основы научного подхода или принципа, названного им *холизмом* (от англ. *whole* – целое, целый, цельный): «Мы находим, таким образом, всеобъемлющую творческую тенденцию, присущую целостному характеру вселенной, управляющую и поддерживающую деятельные силы природы, жизни и разума, и усиливающую специфику целостного характера вселенной. Эту творческую тенденцию или принцип мы называем Холизмом. Холизм во всех его бесконечных формах является принципом, который из сырья или неорганизованной энергии частиц мира, используя, усваивая и организуя их, придает им специфическую структуру, характер, индивидуальность, и, наконец, преобразует их в личность и создает красоту, истину и ценность из них» [1].

Маслоу предлагает рассматривать человека как целостную психофизическую структуру, принципиально не сводимую к простой сумме составляющих ее систем и подсистем, существующую и функционирующую как целое – личность. «Личность представляет собой интегрированное, организованное целое» и потому «мотивирована скорее личность в целом, нежели отдельная ее часть» [2].

Одно из ключевых преимуществ, открывающихся благодаря холистическому подходу для исследователя, – это возможность понимать наивысшие возможности человеческой природы. Пожалуй, впервые в истории, которая представляется «хроникой подрыва авторитета человеческой природы» [3], Маслоу обращает внимание на самоактуализирующегося индивида – объект, репрезентирующий лучшие и высшие качества личности.

Однако применение холистического подхода к изучению самоактуализирующихся личностей сталкивается с серьезными трудностями: необходимо пересмотреть не только соотношение нормы и патологии, оставаясь в рамках психологической тематики, но вновь актуализировать проблему соотношения между должным и сущим. Столкновение с этой философской проблемой выводит теоретические построения Маслоу, которые

принято считать относящимися к психологии, в междисциплинарное поле исследований.

Актуальность холистического подхода, предложенного А. Маслоу, подтверждается широким распространением его идей в научной среде, а также в бизнесе. Среди психологов, использующих его наследие в части применения холистического подхода, можно указать на Антонио Менегетти с его онтопсихологической теорией. У Менегетти холистический подход является не только составляющим теоретического фундамента для анализа личности, но и отправной точкой для терапевтических практик. Также он развивает учение о самоактуализирующейся личности, формируя собственную концепцию лидера, представляющего собой «иерарха функций», преобразующего реальность в таком качестве и в таком масштабе, что его действия способны влиять на ход истории и эволюцию всего человечества [4].

Литература

1. *Smuts J. C.* Holism and Evolution. New York : The Macmillian Company, 1926. P. 106–107.
2. *Маслоу А. Г.* Мотивация и личность. СПб. : Питер, 2006. С. 46.
3. *Маслоу А. Г.* Новые рубежи человеческой природы. М. : Смысл : Альпина нон-фикшн, 2011. С. 14.
4. *Менегетти А.* Психология лидера. М. : БФ «Онтопсихология», 2010. С. 21–22.

**Роль гуманистической деятельности Л. З. Копелева
в российско-немецких отношениях**

«Мир или война. Соглашение или война. То или иное должны были выбирать люди с тех пор, как они стали людьми. И войны, и героев войн они прославляли куда более красноречиво, многокрасочно, чем защитников мира и миротворцев. На востоке и на западе издавна слагались прекрасные песни о военных подвигах, о русских богатырях, о немецких рыцарях, о французских шевалье. У писателей и художников духи войны имели куда больший успех, чем тихая Эйрена – богиня мира» [1]. Именно так писал Лев Зиновьевич Копелев – писатель, германист и гуманист второй половины XX века. Для него определяющим, конечно же, являлось понятие «мир», ведь вся его деятельность имела гуманистическую направленность.

Благодаря воспитанию, которое будущему писателю дали преподаватели из Германии, он рано заинтересовался немецким языком, особенностями менталитета его носителей и литературой. Творческий путь германиста начался с участия в литературных объединениях молодежи, где Лев Копелев получил свой первый писательский опыт. Человека, который испытывал непреодолимую тягу к справедливости и не принимал насилие, не могли не привлекать коммунистические идеи и сначала, он, как и многие его современники, разделял их с восторгом, о чем впоследствии рассказывал в своих автобиографических повестях.

Великая Отечественная война красной нитью проходит через жизнь писателя. С ее началом он уходит на фронт добровольцем, однако боевые действия не ожесточают сердце гуманиста, несмотря на обстоятельства он видит в немецких солдатах, которые зачастую поневоле оказались на фронте, прежде всего людей. Благодаря выдающимся знаниям в области немецкого

языка он служит в переводческих и пропагандистских отделах: пишет листовки, готовит звуковые передачи на линии фронта, работает с немецкими военнопленными и перебежчиками, воспитывает из них антифашистов. Особенно важно, что Лев Зиновьевич Копелев рассказывает немцам историю их страны, говорит о культуре, которая существовала до прихода национал-социалистов к власти. Однако, как отмечает Яков Самойлович Дабкин: «В действительности мы не могли представить себе, насколько нацистская идеология извратила немецкий народ – этот народ, который мы судили по произведениям его классиков и идеализировали» [2, с. 13].

Именно за свои гуманистические убеждения и сострадание к окружающим, расцененные как «буржуазный гуманизм», Лев Копелев был осужден на десять лет и направлен в спецтюрьму № 16. Писатель не мог безмолвно наблюдать за преступлениями, насилием, причиняемым обычному населению со стороны некоторых советских солдат в период вступления в Пруссию. Лев Зиновьевич пишет жалобу в штаб, ссылаясь на то, что такое поведение несовместимо с понятием «народ-освободитель». На эти действия немедленно поступает ответ, непонимание со стороны правительства того, как можно препятствовать священной ненависти к врагу, и арест писателя.

Судьбоносной для германиста является встреча с Генрихом Беллем, известным немецким писателем, членом литературного объединения в Германии «Группа 47». Их знакомство состоялось в 1962 г. на приеме в журнале «Иностранная литература». Очевидно, что эти два человека, несмотря на огромное расстояние между ними, на вражду их родных стран были очень близки по моральным принципам, в течение двадцати лет они вели оживленную переписку в условиях недоступности простой почты.

В ноябре 1980 г. Копелев вместе с женой получают разрешение на выезд в ФРГ для научной работы, в это время они гостят у Генриха Белля в Кельне. Уже через два месяца, невзирая на все уверения не беспокоиться на этот счет, они будут лишены советского гражданства. Лишение родины, имущества, общения с детьми оба супруга воспринимают как удар. В 1982 г. Лев

Зиновьевич Копелев начинает работу над грандиозным Вуппертальским проектом, когда его приглашают в Бергский университет в качестве профессора, что дает ему возможность собрать группу немецких энтузиастов широкого профиля – историков, филологов, искусствоведов. Проект был призван воссоздать картину тысячелетнего процесса развития российско-немецких духовных и культурных контактов, его результатом являются две серии книг: «Немцы и Германия. Взгляд русских» и «Русские и Россия. Взгляд немцев», где наиболее тщательно исследуются истоки образа врага в немецко-русских отношениях. Говорить о вкладе Льва Копелева в русско-германские отношения и не сказать о том, что германист являлся одним из немногих писателей, кого заинтересовала жизнь доктора Федора Гааза, невозможно. Свой труд, посвященный этому выдающемуся человеку, он назвал «Святой доктор Федор Петрович Гааз», в нем он описал борьбу немецкого врача за улучшение положения заключенных в России. Именно после выхода в свет его работы в Германии было учреждено общество Гааза.

В заключении хотелось бы отметить, что вклад Льва Зиновьевича Копелева в русско-немецкие отношения неоценим, это подтверждает, в том числе премия имени о. Александра Меня за особый вклад в духовное и культурное сближение народов России и Германии в интересах мирного и гуманного построения Европейского Дома. «Чтобы все народы любили друг друга – это вряд ли вероятно, даже невозможно, – говорил Лев Копелев, – однако быть толерантным очень важно» [2].

Литература

1. *Drabkin J., Maurer B.* Im Glauben an eine bessere Zukunft. Einblicke – Lew Kopelew. Köln : ICS, 2002. С. 86.
2. *Денхофф М.* Лев Копелев: «Отвечаю только перед моей совестью» // Иностранная литература. Журнальный зал. М. : Денхофф. 1998. № 2. С. 2.

К проблеме изучения цвето-музыкальных ассоциаций

Рассмотрение различных систем цвето-музыкального соответствия (Л.-Б. Кастеля, Н. А. Римского-Корсакова, А. Н. Скрябина и др.) позволяет сделать вывод: системы цвето-музыкального соответствия имеют индивидуальную структуру в зависимости от предпочтений их создателя [1]. Цель нашего исследования: проверить данное утверждение К. Ю. Герлах и установить, имеется ли общая закономерность в соотношении звука и определенного цвета у разных испытуемых, и происходят ли изменения цветов от октавы к октаве.

Актуальность исследования связана с попыткой создания универсальной системы цвето-музыкального соответствия, стремлением расширить научные данные о восприятии [2], которые могут быть использованы в коррекционно-развивающей работе с людьми, имеющими ограниченные возможности здоровья, а также быть полезны музыкантам и художникам.

Нами был составлен опросник, который включал в себя цветовую таблицу и аудиозаписи нот первой и второй октав фортепиано. Респондентам (двадцать шесть человек разного возраста и пола) было предложено прослушать аудиозаписи и соотнести звучание каждой ноты с определенным цветом в соответствии со своими ассоциативными ощущениями.

Полученные данные были в процентах распределены на пять основных групп оттенков, которые прослеживались в ответах респондентов: сине-фиолетовые, красные, зеленые, желтые и черно-белые тона.

Для статистической обработки данных был выбран критерий Спирмена.

Результаты:

- 1) прослеживается четкий цветовой переход от синих оттенков к желтым: синие оттенки преобладают в первой октаве, к середине второй октавы сине-фиолетовый тон сменяется на желтый;

- 2) звучание некоторых нот разных октав воспринимается испытуемыми в одинаковом цвете: ноты «фа» первой и второй октавы ассоциируются у испытуемых преимущественно с оттенками желтого цвета, при восприятии ноты «ре» первой октавы и ноты «до» второй октавы преобладают ассоциации с сине-фиолетовым спектром оттенков;
- 3) с помощью корреляционного анализа установлена связь между нотами «фа» первой и второй октавы и желтым цветом в ассоциативном ряду респондентов (0,97467), между нотами «ре» первой октавы и «до» второй октавы и сине-фиолетовым спектром оттенков в ассоциативном ряду респондентов (0,974679).

Таким образом, исследование показало наличие взаимосвязи между некоторыми музыкальными звуками и цветовыми ассоциациями, возникающими у испытуемых. Возможно, общность цветовых ассоциаций у респондентов является признаком существования связи между высотой звучания ноты и цветовой ассоциацией. Однако выборка была недостаточной для создания более детальной картины цвето-музыкального соответствия, что не исключает возможности создания его универсальной системы.

Литература

1. *Герлах К. Ю.* Звуко-цветовая ассоциативность: основные этапы и результаты исследований // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014. № 9–10.
2. *Прокофьева Л. П.* Синестезия в современной научной парадигме // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*. 2010. Т. 10. № 1.

**Совершенствование механизма участия Российской Федерации
в борьбе против международного терроризма с точки зрения
совершенствования российского законодательства**

Прежде всего, необходимо отметить положительное значение мер (которые в том числе содержатся в законах), принимаемых в целях борьбы с терроризмом, организованной преступностью. Данные меры введены на основании Федерального закона от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559. Принятие данных мер является остроактуальным в современных международных реалиях Российской Федерации, осуществляющей значительные усилия по борьбе с указанными преступлениями международного характера. Однако нельзя не отметить некоторые проблемные аспекты законодательства, направленного на внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности.

Проблемным аспектом является различие в п. 4 ст. 1 данного закона вооруженного конфликта и военных действий. Употребление в указанном пункте Закона союза «или» означает, что военные действия могут осуществляться как в условиях вооруженного конфликта, так и вне его.

Между тем в соответствии со ст. 2 Первой Женевской Конвенции от 12 августа 1949 года «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», ч. 1 ст. 1 Дополнительных Протоколов к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающихся защиты жертв международных

и немеждународных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года, данные акты применяются в случае объявления войны или возникновении всякого другого вооруженного конфликта даже тогда, когда государство не признает состояния войны.

Вооруженный конфликт представляет собой любое вооруженное насилие: а) между вооруженными силами государств, б) между вооруженными силами государства и неправительственными организованными вооруженными силами или в) между неправительственными организованными вооруженными силами [1]. В случаях г) и д) такое насилие должно осуществляться длительное время (оценочный критерий).

При этом правомерные военные действия – это любые действия, направленные на выведения из строя неприятеля (в том числе посредством причинения вреда его военным служащим, объектом военной инфраструктуры).

Иными словами, для того, чтобы военные действия, в которых участвуют вооруженные силы государства, носили правомерный характер, они должны осуществляться в соответствии с вышеприведенными нормами международного права, регламентирующими вооруженные конфликты. Женевские конвенции и Дополнительные Протоколы к ним не допускают проведение военных действий вне рамок вооруженного конфликта, поскольку таким образом создается препятствие к соблюдению законов и обычаев войны, поэтому проведение военных действий влечет за собой возникновение вооруженного конфликта и применение указанных норм международного права.

Далее, положительное значение имеет введенное в п. 27 ст. 1 Закона определение акта международного терроризма – «совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угроза совершения указанных действий». Однако отдельные формулировки данного определения вызывают вопросы.

Во-первых, в определении содержится указание на то, что перечисленные в нем действия совершаются вне пределов территории Российской Федерации. Иными словами, если данные действия совершаются в пределах территории России, то они будут квалифицированы по ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации. Между тем, если исходить из формулировки «международный терроризм», то речь идет о действиях, представляющих собой посягательство на международный правопорядок, которые осуждаются и пресекаются сообществом государств в целом, «где бы такие действия не осуществлялись», в соответствии с Разделом I Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма, принятой резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года. Кроме того, возникает вопрос о квалификации указанных деяний в случае, если они были совершены в пределах территорий, на которых Российская Федерация обладает суверенными правами. Следует отметить также, что поскольку акт международного терроризма направлен, в том числе на посягательство против интересов России, Российская Федерация защищает от актов международного терроризма не только собственных граждан, но также и иностранных граждан и апатридов.

Во-вторых, в определении разделены цели нарушения мирного сосуществования государств и народов и нарушение интересов Российской Федерации. Исходя из п. 30 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ 2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212) одним из интересов Российской Федерации является поддержание стратегической стабильности в условиях полицентричного мира, что невозможно в условиях, при которых происходит нарушение мирного сосуществования государств. Поэтому в данное определение необходимо внести уточнение «либо иным способом направленные против интересов Российской Федерации». Далее, акты международного терроризма могут быть направлены не только против мирного

сосуществования государств и народов, но и посягать на саму возможность существования государств и народов (посягать на суверенитет). Следует отметить, что в определении не отражены посягательства на международные организации, которые также являются одним из субъектов международного права.

В отечественной доктрине, в рамках которой проблемы международного терроризма были исследованы детально, выделены и другие признаки международного терроризма.

В частности, Л. В. Корбут под международным терроризмом понимает наиболее опасную организованную противоправную систематическую деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских организаций международного характера, средствами которой создается атмосфера страха, а целью является смена политических режимов, получение контроля над природными ресурсами и т. д. [2]. В определении Л. В. Корбут следует подчеркнуть такие признаки международного терроризма, как экстремизм (идеологический характер), использование средств запугивания людей (способ совершения преступления), цель – нарушение суверенитета государства (в том числе смена политического режима, получение контроля над природными ресурсами государства).

В соответствии с позицией В. В. Устинова, международный терроризм – это одна из форм политической борьбы, нарушающей принципы и нормы международного права и международной морали. Терроризм представляет собой насилие, носящее системный, наступательный и массовый характер, использующее тактику непредсказуемых атак с целью нагнетания страха [3]. Выделены такие признаки международного терроризма, как совершение данного деяния общеопасным способом (насилие, носящее массовый характер); нарушение принципов и норм международного права. При этом понятие международной морали является оценочным.

Емкое определение, которое включает все признаки международного терроризма, было сформулировано О. И. Рабцевич. По мнению О. И. Рабцевич,

международный терроризм – противоправное деяние, посягающее на международный мир и безопасность в целом, на территориальную целостность государств, их суверенитет, выражающееся в совершении насильственных действий в отношении индивидов с намерением причинить им смерть, вред здоровью или захватить заложников, совершаемое отдельными лицами, организациями или государствами с целью вызвать состояние ужаса у широкой общественности, группы лиц или отдельных лиц, запугать население или заставить правительство либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения [4].

В отечественной доктрине было предложено квалифицировать в качестве актов международного терроризма деяния, направленные на посягательство против международного мира и безопасности (которые подразумевают также и посягательства на суверенитет) [5]. Указанные формулировки, предложенные в доктрине, позволяют исключить необходимость чрезмерной детализации определения (посягательство на государства, нации, народы, международные организации, международные неправительственные организации и т. д.). Также выделенные в определении взрыв, поджог как способы совершения акта международного терроризма могут быть заменены на совершение данных действий «в том числе общепасным способом».

В-третьих, в данном определении не в полной мере учтена позиция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, выраженная им в Резолюции 1566 (2004) [5]. В частности, отсутствует указание на то, что данные акты не могут быть оправданы никакими соображениями идеологии, представляют собой преступления по смыслу международных договоров. Между тем понятие «международный терроризм» предполагает учет достижений других государств, международных организаций для борьбы с указанным явлением мировым сообществом в целом.

Исходя из изложенного, можно предложить скорректировать определение «акта международного терроризма» следующим образом: «совершение действий, в том числе общепасным способом, представляющих собой

посягательство на жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность людей, в целях нарушения международного мира и правопорядка, либо иным образом создающих препятствия к обеспечению интересов Российской Федерации, которые не могут быть оправданы никакой идеологией и которые отражены в международных договорах Российской Федерации в качестве преступлений международного терроризма, а также угроза совершения указанных действий».

Кроме того, в указанном законе используется ряд формулировок оценочного характера. Например, в пп. в) п. 14 ст. 1 Закона указано, что финансирование терроризма представляет собой совокупность действий финансового характера, совершаемых с осознанием (наличие прямого умысла), что такие действия направлены именно на поддержание терроризма или организованной (в том числе вооруженной) преступности. В данном случае наличие прямого умысла трудно доказуемо. Далее, в пп. г) п. 15 ст. 1 Закона употребляются термины «публичное оправдание», «публичное заявление» – возникает вопрос о критерии, при котором возникает признак публичности» (при двух и более лицах, в общественном месте, и т. д.). Еще одна формулировка оценочного характера содержится в пп. 19 п. 1 Закона, заключающаяся в необходимости наличия «достоверно известных сведений» для того, чтобы квалифицировать несообщение в органы власти о преступлении терроризма или организованной (в том числе вооруженной) преступности.

Таким образом, изменения, которые были внесены в действующее российское законодательство в целях борьбы с терроризмом (в том числе и прежде всего международным), с организованной (включая вооруженную) преступностью носят положительный характер, поскольку они являются основой для участия Российской Федерации в поддержании международного мира и безопасности. Однако потенциал, заложенный в данных нормах, может быть использован в большем объеме при корректировке ряда положений законодательства в указанной сфере.

Литература

1. *Давид Э.* Принципы права вооруженных конфликтов. М. : МККК, 2000. 678 с.
2. *Корбут Л. В.* Применение гуманитарного права как способ противодействия международному терроризму // Российский ежегодник междунар. права. 2008. С. 152–164.
3. *Устинов В. В.* Международно-правовые проблемы борьбы с терроризмом: дис. ... канд. юрид. наук. М. : 2002.
4. *Рабцевич О. И.* Международно-правовые проблемы применения вооруженной силы государствами в борьбе с международным терроризмом // Право международной безопасности: современное видение и сопутствующие проблемы межгосударственного сотрудничества: Межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия». 2011. Вып. 3 (7). С. 62–72.
5. *Трунцевский Ю. В.* Эффективность борьбы с терроризмом в соблюдении действующего законодательства // Терроризм. Правовые аспекты борьбы. Нормативные и международные правовые акты с комментариями: науч. ст. / отв. ред. И. Л. Трунов. М.: 2005. 567 с.

Роль этнометодолога как странная участь

В этнометодологии, как и в любом другом направлении социологии, объясняется и описывается взаимодействие людей в условиях повседневности. Причем значимой в этом процессе является фигура самого исследователя, благодаря заинтересованному участию и наблюдению которого событие далее будет оформлено в текст. Об этом писали А. М. Корбут [1], Г. Гарфинкель [2].

В этнометодологическом анализе те действия или ситуации, которые обычно происходят ненамеренно и незаметно, здесь и сейчас, подлежат описанию, проходя через призму единичного восприятия, получают определенную трактовку и выражаются в тексте. Этнометодолог, работая с эмпирическим материалом, заинтересован и пристрастен, так как он *включен* в саму ситуацию, но именно это дает ему возможность представить трактовку того события, в которое он помещен. При этом он неизбежно является ответственным за последующую интерпретацию.

Исследователь изучает не просто связи людей между собой в конкретных ситуациях, но и правила игры, которые в этнометодологии таковы, что в них на равных правах включается и исследователь. Проявляя интерес к ситуации, он становится таким же участником процесса, как и все остальные, он также согласуется с той структурой, которую наблюдает и испытывает. Это и позволяет ему решить свою задачу, т. е. дать описание события, превратить его в текст. Об этом писали Eric Laurier, Angus Whyte, Kathy Buckner [3].

В рамках этнометодологии исследуются повседневные отношения и взаимодействия людей. Ключевой фигурой, как видно из сказанного, является в ней сам исследователь (этнометодолог). Задачей данной статьи является выделение и предварительный анализ аспекта работы этнометодолога, который связан с переходом от ситуации (реальности, «данности»), в которую он

включен, к самому ее описанию, к *тексту*. Этот аспект исследования роли и задач этнометодолога неизбежно является философским. Можно кратко отметить, что именно происходит при этом переходе от реальности к тексту. В чем именно заключается работа исследователя? Можно выделить три основных задачи: сбор связей в данной ситуации, ее воспроизводство и репрезентация в тексте. В работе А. Корбута «Этнометодология и безопасность» приводится пример с участием этнометодолога в ситуации прохождения зоны досмотра в аэропорту. Автор рассматривает взаимодействия людей в их повторяемости, описывает их, однако, если сфокусироваться на рабочем процессе, то можно выявить несколько особенностей работы исследователя. Здесь имеет место *собираение связей* в ситуации, поскольку методолог, оставаясь самим собой, должен «побыть и в шкуре» таможенника и, вместе с тем, быть в роли проходящего досмотр. Собираение связей приводит к тому, что сама ситуация, благодаря работе исследователя, *воспроизводится* в нем самом как единое целое. В итоге, этнометодолог представляет это в виде отчета, описания, в котором представлена научному сообществу структура события. Все выражено в слове. Переход от самой реальности к слову, к тексту неизбежно предполагает внесение своего личного, своего «интереса», поэтому представленный в описании заурядный материал становится *интересным*.

Чтобы осуществить эту триединую задачу исследователь должен находиться как внутри, так и вне ситуации, но его «вненаходимость» уникальна именно тем, что он все равно остается включен в ситуацию, является ее симптомом, после появления текста, транслирующегося вовне. Исследователь как рефлексирующий наблюдатель (рефлексия предполагает отстранение) может отметить и обозначить такие закономерности и повторения, которые невозможно отследить изнутри. При этом этнометодологу присуще то сопереживание, которое возможно лишь для непосредственного участника события.

Так как этнометодология рассматривает те аспекты обыденной реальности, которые только предстоит осмыслить, и в этой деятельности

ставит задачей баланс обсуждения тех или иных проблем, преподнося свою интерпретацию, т. е. давая возможность потенциального воспроизводства в тексте заново случившемуся, производящемуся в бессмертном обыденном обществе, то это значит, что исследователь при интерпретации ограничивает событие словом, текстом, определяя структуру, наполняя ее понятиями, вкладывая субъективные смыслы для воспринимающего не из-за того, что сам интерпретирует, а потому, что дает возможность последующей интерпретации. Этнометодолог сам занимается созданием, т. е. воспроизводством и репрезентацией чьей-либо ограниченной социальной данности. Об этом писал Г. Гарфинкель [2].

Посредством текста, который можно считать началом или продолжением диалога исследуемых и заинтересованных в происходящем, исследователь стремится создать сообщество людей, наладить связь. Он выступает в роли посредника связей, осмысляя и воссоздавая в структуре эмпирический материал для последующей презентации. Так, описывая в каждой конкретной ситуации характер взаимодействия, исследователь описывает в первую очередь свой характер взаимодействия с окружением. Таким образом, этнометодолог берет на себя ответственность за свой репрезентационный аппарат, а фактом текстового изображения исследования уже влияет на ход происходящего. Об этом писал А. Корбут [4].

Когда оказывается возможным влияние на происходящее, тогда оказывается невозможным уход от своей небезразличной позиции исследователя, в которой объективная позиция становится неприменима по сути. Этнометодолог внутри события вынужден выполнять роль участника, быть субъектом, наряду с другими, с тем лишь отличием, что он свою субъективность транслирует вовне, описывая нормальную, посредственную ситуацию для чуждого этой среде, стороннего субъекта. Этнометодолог берет на себя ответственность быть ее представителем, это можно назвать *участью странного (отстраняющего) участника*. Участник воспринимает повседневное как нечто особенное, обособляет его фрагмент. Это новая, нетрадиционная

позиция исследователя, собирающего, воспроизводящего и репрезентирующего материал при включенности же в него. Опосредование при непосредственном участии в данном исследовании рассматривается как неоспоримый процесс.

Литература

1. *Корбут А.* Этнометодология и безопасность // Отечественные записки № 2 (53). М., 2013. С. 222.
2. *Гарфинкель Г.* Что такое этнометодология // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 3. С. 144.
3. *Laurier E., Whyte A., Buckner K.* Finding a lost cat // Space and culture / November. 2002. P. 346.
4. *Корбут А. М.* Этнометодологические исследования науки: истоки // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 35. № 1. С. 151.

**Феномен принятия православия взрослыми в начале XX в.
по материалам метрических книг Екатерининского собора
г. Екатеринбурга**

Изучению истории религиозных сообществ в отечественной историографии посвящено множество работ, касающихся как глобальных вопросов, так и проблем отдельных деноминаций. Однако в последние десятилетия наблюдается тенденция к изучению локальных сюжетов в рамках отдельных приходов или общин. Актуальность таких работ обосновывается интересом исследователей к проблемам личности в историческом процессе, введением в научный оборот статистических материалов первичного учета населения (метрических книг), а также совершенствованием методов компьютерной обработки данных.

Религиозный ландшафт дореволюционного Екатеринбурга представляет собой пример яркого межконфессионального взаимодействия в рамках небольшой территории. В связи с этим, количество религиозно-смешанных браков было достаточно высоким. По данным метрических книг лютеранского прихода г. Екатеринбурга уже была выявлена численность межрелигиозных союзов, проанализированы брачные стратегии лютеран [1, с. 374–378]. Подобные исследования православных приходов еще не проводились. Целью данной работы является анализ сведений сводных таблиц из метрических книг собора Святой Екатерины. Для реализации этих задач информация была транскрибирована в базы данных Excel, систематизирована и проанализирована.

Государственное законодательное регулирование в отношении религии всегда влияло на характер межрелигиозных браков. «Высочайший указ об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. был важной вехой

в истории становления религиозной идентичности дореволюционного Екатеринбурга. Семнадцать статей указа раскрывали принципы проведения новой конфессиональной политики государства: свобода выбора веры, защита от преследования по религиозным причинам (в том числе обширные пункты, касающиеся отношений Русской православной веры со старообрядцами, язычниками, ламаитами), свобода проповеди и устройства культовых сооружений, разрешение на преподавание в высших учебных заведениях «закона Божия инославных христианских исповеданий» на родном языке учащихся и т. д. [2, с. 237–238].

Изменение политики в отношении религии нашло свое отражение в метрических книгах. Особенно ярко данное явление выражено в уменьшении количества «присоединенных» – людей, перешедших в православие из других вероисповеданий. «Присоединенных» фиксировали в разделе метрических книг «о рождениях», где священник указывал персональные данные, происхождение и социальный статус человека, вероисповедание до принятия православия, которое было «решительно оставлено». Также отмечали приход, к которому отныне человек был приписан, священника, совершившего таинство крещения, новое имя. Зачастую данные о присоединившихся вносились и в сводные таблицы, в которых подводились итоги года в рамках прихода. Так, например, в метрических книгах Екатеринбургской церкви до 1905 г. в сводных таблицах были прописаны не только случаи присоединения, но и религиозные объединения, в которых раньше состоял человек. С 1901 по 1904 гг. зафиксировано 20 случаев присоединения женщин и 17 случаев присоединения мужчин. Наибольшее число перешедших прихожан Екатеринбургской церкви ранее принадлежало к старообрядческим приходам, скорее всего часовенного и австрийского согласий. После обнаружения «Указа о веротерпимости» практика записи присоединенных в сводных таблицах была приостановлена на три года. С 1909 по 1916 гг. в рамках прихода зафиксировано всего 6 случаев присоединения женщин и 4 случая присоединения мужчин. Подобная ситуация

свидетельствует, скорее, не о полном отсутствии присоединенных, но о значительном снижении их числа.

В результате исследования было установлено, что чаще всего православие принимали девушки, вероятно, для создания семьи с православными. Сделать подобные выводы позволяют транскрибированные данные метрических книг Вознесенской церкви г. Екатеринбурга, показывающие, что «присоединенные» девушки, зачастую, выходили замуж через год или два после принятия православия. Дальнейшая работа с информацией метрических книг, а также использование дополнительных источников (метрических книг других православных приходов и религиозных деноминаций Екатеринбурга) позволят провести комплексные социально-демографические исследования.

Работа выполнена при поддержке РФФ, грант № 16–18–10105 «Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX – начале XX вв. на примере Урала и Скандинавии».

Литература

1. Коркодинова А. В., Главацкая Е. М. Религиозно-смешанные браки по материалам метрических книг лютеранской общины Екатеринбурга за 1886–1919 гг. // Документ. Архив. История. Современность: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2016. С. 374–378.
2. Полное собрание законов Российской империи: сборник. Т. XXV. 3-е изд. СПб.: Государственная типография, 1980. 1109 с.

Эконометрическое моделирование факторов притока прямых иностранных инвестиций: роль институтов

В настоящее время процесс создания рынка инвестиций становится приоритетным направлением экономического развития любой страны. Прямые иностранные инвестиции являются катализатором экономического роста и национального благосостояния. В современных условиях, когда и российская, и мировая экономика нестабильна, важным является выявление факторов, оказывающих влияние на приток прямых иностранных инвестиций. Одним из таких факторов выступает эффективность функционирования институтов в стране. Институты оказывают влияние на макроэкономические показатели, в частности, на приток прямых иностранных инвестиций, посредством воздействия на размер транзакционных издержек путем уменьшения неопределенности, направления экономической деятельности в производственные районы, укрепления доверия и сотрудничества, об этом писал Нобелевский Лауреат Дуглас Норт [1] и современные исследователи [2, 3].

Обобщая мнения различных экономистов и исследователей, опубликованные в зарубежной литературе, можно сделать несколько выводов:

1. Теории прямых иностранных инвестиций говорят о том, что инвесторы стремятся использовать собственные преимущества, географические преимущества конкретной страны, преимущества интернационализации, конкурентные преимущества наций и несовершенства рынка инвестирования при выборе объекта инвестиций. Об этом пишут такие известные ученые, как Хаймер [4] и Портер [5].

2. Чаще всего в современных эконометрических исследованиях [6, 7] встречаются следующие факторы: величина ВВП; индекс торговой открытости;

уровень инфляции; уровень безработицы или доля трудоустроенного населения; средняя заработная плата; доля населения с высшим образованием; доля высокотехнологичного экспорта в общем объеме экспорта; доля интернет-пользователей, а показателями, характеризующими эффективность функционирования институтов в стране, являются индекс экономической свободы, оценивающий уровень экономической свободы в странах мира, и рейтинг несостоятельности государства, описывающий эффективность государственных институтов [8, 9].

Исследование проведено на панельных данных с 1995 по 2014 гг. по двадцати развивающимся странам с использованием метода обобщенных наименьших квадратов.

В качестве объясняемой переменной в данной работе выступила доля прямых иностранных инвестиций в ВВП страны, а регрессорами стали прирост ВВП, индекс торговой открытости, индекс экономической свободы, рейтинг несостоятельности государства, инфляция, уровень безработицы, процент населения с высшим образованием, доля высокотехнологичного экспорта и индекс эффективности логистики.

По результатам исследования существенное положительное влияние на приток прямых иностранных инвестиций в развивающиеся страны оказали индекс торговой открытости и индекс экономической свободы, умеренное положительное влияние оказал прирост ВВП, а сильное отрицательное влияние оказали уровень инфляции, рейтинг несостоятельности государства и индекс эффективности логистики.

Влияние эффективности функционирования институтов на приток прямых иностранных инвестиций в развивающиеся страны является существенным. Отсутствие правительственного вмешательства или воспрепятствования производству, распределению и потреблению товаров и услуг, за исключением необходимой гражданам защиты и поддержки свободы как таковой, приводит к увеличению активности иностранных инвесторов. Однако чем меньше государственные институты способны

обеспечить безопасность государства и его граждан, тем меньше инвесторы склонны к инвестированию в данную страну, поэтому при проведении политики повышения эффективности институтов в стране необходим баланс между полным контролем экономической сферы и отсутствием обеспечения должных экономических свобод и защиты прав инвесторов.

Литература

1. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. 1997. С. 17.
2. Aynur YILDIRIM Mehmet Faysal GÖKALP Institutions and Economic Performance: A Review on the Developing Countries Procedia Economics and Finance. 2016. № 38. P. 347–359.
3. *Edison, H.* How Strong Are The Links Between Institutional Quality and Economic Performance. Finance & Development. 2003. № 40 (2).
4. *Hymer S. H.* The international operations of national firms: A study of direct foreign investment. Cambridge: MIT press, 1976.
5. *Porter M.* The Competitive Advantage of Nations // Harvard Business Review. 1990. № 2. P. 1–21.
6. *Luke Chan M. W., Keqiang Hou, Xing Li, Mountaina Dean C.* Foreign direct investment and its determinants: A regional panel causality analysis // The Quarterly Review of Economics and Finance. 2014. № 54. P. 579–589.
7. *Khondoker A. M., Kalirajan K.* Determinants of Foreign Direct Investment in Developing Countries: A Comparative Analysis // ASARC Working Paper. 2010–2013.
8. *Tintin C.* The determinants of foreign direct investment inflows in the Central and Eastern European Countries: The importance of institutions // Communist and Post-Communist Studies. 2013. № 46. P. 287–298.
9. *Jadhav P.* Determinants of foreign direct investment in BRICS economies: Analysis of economic, institutional and political factor: International Conference on Emerging Economies – Prospects and Challenges (ICEE-2012), Procedia Social and Behavioral Sciences, 2012. № 37. P. 5–14.

Политическая коммуникация в зеркале политического плаката военного времени

Начало XX века может быть охарактеризовано постоянным усложнением, включением человека в публичное пространство. Постоянное усложнение окружающего пространства формировало определенный запрос на упрощение. Одним из таких средств упрощения был плакат. Политический плакат выступал готовой проекцией «правильного» восприятия окружающего пространства, что позволяло человеку существенно сэкономить усилия для понимания происходящих изменений.

Политический плакат — коммуникативный акт, цель которого сформировать определенные представления. Таким образом, плакат может быть рассмотрен как средство коммуникации, позволяющие выявить особенности и специфику взаимодействия политической элиты и общества. Плакат военного времени демонстрирует особенности коммуникационного процесса в кризисный период.

В данной работе проведен сравнительный анализ дискурса военного плаката разных политических систем с целью выявления различных и общих черт коммуникационного процесса. Страны сравнения: Германская и Российская империи, США в Первую мировую; Германия, СССР, США во Вторую мировую. Общие особенности политического плаката военного времени (стереотипность, лаконичность, обобщенность, контрастность, динамичность) определили основы для выявления приемов и тематических наполнений в плакатах рассматриваемых политических систем. Под дискурсом при анализе плаката понимается текст (вербальный и невербальный), «погруженный в реальность» [1]. Анализ был разбит на два уровня: выявление изменений дискурса в пределах одного временного периода и в пределах одной

политической системы. Сравнительный дискурс-анализ проведен с использованием структурно-риторического и коммуникативного подходов. Основное место в изучаемой структуре занимает визуальный код. Контексту уделено особое внимание, поскольку визуальный язык не является универсальным. Для анализа использовалась трехступенчатая схема: первая «ступень» анализа – «первое впечатление», вторая – непосредственный анализ (историческая ситуация; основная тема; потенциальный реципиент; элементы плаката). Третий этап – интерпретация и выводы. Анализ представляет расширение методики, описанной в журнале «Практики политического образования» [2]. При декодировании выделялось несколько тематических уровней, иерархия которых определялась рамками представленной концепции (главная тематика должна считываться непосредственно до анализа структуры). Корпус плакатов для каждого периода и страны составил 50 единиц.

В ходе анализа выявлено расширение тематического содержания с Первой по Вторую мировые войны. В рамках одного плаката произошла редукция смыслового объема (количество второстепенных тем значительно сократилось, что особенно заметно на примере Германии и СССР). В плакатах США в Первую мировую образ свободы редко становился основной темой, будучи дополнением; во Второй мировой образ свободы становится репрезентацией идентичности, конструирующей коллективное целое. Образ рабочего в плакате США не столько мобилизует, сколько создает «желанную реальность». Во Вторую мировую «рабочая тематика» расширяется: смысловым посылом становится идея совместной работы «рука об руку» работодателя и рабочего. Тема сохранения занимает особое место, присутствуя в вербальном ядре плаката, в то время как визуальный язык говорит об ужасах войны, устрашая и мобилизуя. Большинство плакатов Германии во Вторую мировую ставят в «мета-позицию» солдата СС, идеализируя его, но в отличие от образа вождя, образ идеального солдата лишен персонификации. Особенностью является максимальная наполненность плакатов символикой. В то время как в Первую мировую роль избыточности была выделена технике. Такое же избыточное

использование техники присутствует в плакате Российской Империи, где дирижабли выступают фоном для былинных героев, связывая их с современностью. В СССР основными приемами были динамичность, придающая агрессивность, и карикатурность, дегуманизирующая врага.

Идея «миссии» занимает отдельное место в коммуникативном поле плаката. Дискурс Германии Вильгельма сводился к необходимости спасти Европу «немецкой культурой»; национал-социализм сжал рамки идеи до концепта биологического, визуальные репрезентации сфокусировались на телесности. Миссия в плакатах Российской Империи – освобождение славянских народов Балкан, визуально представленная «справедливой Россией». СССР сохранил идею мессианства, но «закрытие» в пределах «одной отдельно взятой страны» отразилось на культивировании идей особенности советского государства.

Важно отметить потенциальные направления для дальнейших исследований. В дискурсе визуальных практик можно определять нарастание уровня фоновой агрессии и радикализации общества, при этом кризисные периоды позволяют выявить особенности коммуникации политической системы и их трансформации под влиянием кризиса. Через изучение трансформации политического плаката можно изучать изменения символической политики, репрезентации власти, общества и человека в нем. Дополнительного изучения заслуживает место вождя в кризисный период в рамках тоталитарных режимов, поскольку в ходе исследования наблюдалась тенденция переноса внимания на простого рабочего или солдата и персонификацию их черт.

Литература

1. *Ворошилова М. Б.* Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. Екатеринбург. 2007. Вып. 3 (23). С. 73–78.
2. Frick L., Weber R., Politische Plakate Von der Weimarer Republik bis zur jungen Bundesrepublik. Politik & Unterricht. 2009. V. 2 (3).

**Анализ процессов регионализма на Ближнем Востоке:
регион как потенциальный актор международных отношений**

Исследование посвящено анализу процессов регионализма и регионализации на Ближнем Востоке. Научная проблема исследования может быть описана следующими вопросами: существует ли регионализм в ближневосточном регионе? Обладает ли Ближний Восток собственной региональной идентичностью, и является ли он актором международных отношений? Какой регионализм является доминирующим: внешний или внутренний? Что предопределяет развитие региона, и каковы перспективы развития регионализма на Ближнем Востоке?

Методологической базой исследования выступают теории регионализма, базисом исследования является синтез теорий «старого» и «нового» регионализма. На основе изучения подходов к анализу региона в рамках «старого» и «нового» регионализма были выявлены переменные, которые имеют важнейшее значение в контексте развития регионализма на Ближнем Востоке, и потому легли в основу матрицы анализа региона.

В ходе исследования были выдвинуты и верифицированы следующие гипотезы: во-первых, можно говорить о существовании ближневосточного субрегионализма и регионализма; во-вторых, процесс построения регионализма в рамках всего Ближнего Востока находится в стагнации [1]: регион является мультиполярной системой, в которой альянсы выступают как альтернатива региональной интеграции; в-третьих, регион проходит период трансформации и формирования государственных границ, ключевым фактором при этом является религиозная идентичность; в-четвертых, существуют анклавные регионы регионализма, страны региона консолидируются в блоки, но регион пока не достиг максимального уровня региональной сплоченности, не обладает

акторностью и находится на стадии формирования собственной региональной идентичности; в-пятых, внутренняя динамика развития региона (внутренний регионализм) доминирует над внешней (внешний регионализм).

Проанализировав региональную динамику развития Ближнего Востока, можно констатировать, что регион превращается в субъект международных отношений, более не являясь локальной иерархией системы во главе гегемона – США. Потенциал для формирования региональной сплоченности усиливается, а открытость региона уменьшается. Об этом свидетельствует нарастающая конкуренция внутренних региональных проектов. Блоки, альянсы и анклавов внутреннего регионализма определяют динамику развития региона. Однако фрагментарность региона и отсутствие сплоченности не позволяют региональной составляющей играть определяющую роль во взаимоотношениях между входящими в регион государствами и остальным миром [2], а также препятствуют эффективной координации политики внутри самого региона, что снижает способность Ближнего Востока артикулировать свои интересы и не позволяет ему выступать актором на мировой арене. Учитывая тот факт, что отношения между многими государствами региона остаются враждебными, можно предположить, что в краткосрочной перспективе процессы регионализма на Ближнем Востоке не получат дальнейшего развития.

Литература

1. *Fawcett L., Gandois H.* Regionalism in Africa and the Middle East: Implications for EU Studies // Taylor&Francis Online, 2010. [Electronic resource]. URL: http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07036337.2010.518719#.VXF12_ntmko (accessed: 15.04.2015).
2. *Bilgin P.* Regional Security in the Middle East: A Critical Perspective // Academia Ed., 2005. [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/393305/Regional_Security_in_The_Middle_East_a_Critical_Perspective (accessed: 15.04.2015).

**Макро- и микроструктура авторского идеографического словаря
(на материале книги стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень»)**

Поэтическая идеография как метод лингвистического и филологического изучения лексики, текстовой семантики и индивидуально-авторской картины мира производится в русле фундаментальных и прикладных исследований Уральской семантической школы, возглавляемой Л. Г. Бабенко с 1999 года [1]. Метод поэтической идеографии опирается, с одной стороны, на семантические исследования лексического тезауруса стихотворения, а с другой – на теорию и практику идеографической лексикографии, разработанные Л. Г. Бабенко и авторским коллективом лексикографов УрФУ.

Поэтическая идеография как лексикографический метод является частью общей литературно-художественной идеографии, которая, в свою очередь, является теоретико-методологической основой разработки и создания авторских идеографических словарей языка писателя. Согласно типологии авторских словарей, созданной Л. Л. Шестаковой [2], авторский идеографический словарь языка О. Э. Мандельштама (книга «Камень») имеет следующие типологические признаки: 1) по характеру сведений о лексеме словарь является филологическим; 2) словарь является монографическим (одноавторский); 3) по охвату описываемого материала словарь является дифференциальным; 4) по основному объекту описания – словарь языка поэта; 5) по основной цели описания словарь объяснительный; 6) единица описания равна слову (словоформе); 7) по способам описания, наполнения словарной статьи словарь является многопараметровым; 8) по расположению заголовочных единиц словарь является неалфавитным (словарные статьи располагаются в идеографическом порядке, по семантическим полям, сферам, группам); 9) словарь является одноязычным; 10) по временной перспективе

словарь языка О. Э. Мандельштама является синхронным; 11) данный словарь имеет научно-описательную ориентацию и адресован специалистам филологам, а также может быть использован в учебных целях; 12) по типу информационного носителя данный словарь универсален (возможен как книгопечатный, так и электронный вариант).

Макроструктура авторского идеографического словаря языка О. Э. Мандельштама включает в себя словник, сформированный на основе идеографического описания, анализа и распределения лексики по пятнадцати сферам, представленным в проспекте Универсального идеографического словаря русского языка, разработанного под общей редакцией Л. Г. Бабенко [3]. Словник включает в себя лексику глагольную, субстантивную и адъективную, а также имена собственные. Включение в словник ведущих значимых частей речи (глаголы, существительные, прилагательные) позволяет лексикографу выявить, осмыслить и проанализировать процессы формирования процессуально-событийной, предметной и атрибутивной индивидуально-авторской картины мира поэта на материале книги стихотворений «Камень». Микроструктура авторского идеографического словаря представляет собой свод словарных статей, распределенных по функционально-денотативным сферам в процессе идеографической классификации глагольной, субстантивной и адъективной лексики.

Словарная статья авторского идеографического словаря языка О. Э. Мандельштама включает в себя несколько разделов, которые соответствуют тем или иным видам информации, содержащейся в заглавной единице (в слове/текстовой словоформе). Указанная парадигма данных видов информации определяет многоаспектный характер содержания словарной статьи, которая включает в себя следующие параметры:

- 1) заглавная единица – слово в начальной форме;
- 2) контекстная словоформа;
- 3) грамматическая информация;
- 4) стилистическая характеристика;

- 5) словарное значение;
- 6) контекстное значение;
- 7) характеристика метафорических преобразований;
- 8) интерпретация случаев смыслового варьирования (текстовых смыслов слова);
- 9) идеографический анализ слова;
- 10) анализ случаев семантической пересекаемости слова;
- 11) анализ поэтической просодии (метр, ритм, рифма, поэтическая графика, звукопись, аллитерация, анаграмма), оценка поэтического ритма, анализ строфы и строфостроения текста, определение положения слова в строфе, в тексте;
- 12) анализ идеографической карты слова, стихотворения.

Метод поэтической идеографии позволяет выявить функционально-денотативную и семантическую специфику поэтического слова. Кроме того, идеографическое описание и классификация лексических множеств в поэтическом тексте и в поэтической книге дает возможность исследователю осознать природу и процессы формирования индивидуально-авторской поэтической картины мира с учетом каждого значимого и функционально значительного лексического элемента в стихотворении, в книге и в целом творчестве поэта.

Примечание. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

Литература

1. *Казарин Ю. В.* Поэтический текст как система: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 180–209.
2. *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 53.
3. Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. ; Екатеринбург : Каб. Ученый, 2015. С. 22–42.

Экстериорность случая как условие фотопроцесса

Случайность – это старейшая знать мира, которую возвратил я всем вещам, избавив их от рабства под игом цели. <...> Немножко мудрости уже возможно; но вот какую блаженную уверенность находил я во всех вещах: они предпочитают танцевать – на ногах случая.

Ф. Ницше. Так говорил Заратустра

В различных направлениях авангардного искусства XX века случайности придается особый статус.

Приведем несколько примеров из искусства: коллажи дадаистов – случайный набор элементов. Ханс Арп создавал свои работы, высыпая на лист картона кусочки бумаги и приклеивая их на места, которые они заняли при падении. Макс Эрнст в работе «По ту сторону живописи» определял коллаж как «случайную встречу двух отдельных реальностей на неподходящей плоскости» [1].

В словесном творчестве культивируются случайные, ошибочные сочетания слов: заявление «будетлянина» Велимира Хлебникова в статье «Наша основа», прославляющее ошибку наборщика: «Вы помните, какую иногда свободу от данного мира дает опечатка. Такая опечатка, рожденная неосознанной волей наборщика, вдруг дает смысл целой вещи и есть один из видов соборного творчества и поэтому может быть приветствуема как желанная помощь художнику» [2]. ОБЭРИУты, Александр Введенский и Даниил Хармс: искусство стремится к неожиданному, открытию чего-то совершенно нового, проникновению в скрытую реальность, в то, что находится по ту сторону времени. Абсурд как присутствие Бога в творении.

Фотография, по мнению Андре Бретона, главы французских сюрреалистов, играет в этом деле важнейшую роль. Говоря о фотоработах Ман

Рея, он прославляет фотографию как «искусство столь же богатое сюрпризами, как и живопись» [1]. Во многом такое внимание к случайному в искусстве было обусловлено распространением фотографии, в которой случайность играет важнейшую роль. Сюрреалисты эстетизировали бытие, где доминирует случай. Они часто повторяли строчку из поэмы Лотреамона «Песни Мальдорора»: «Прекрасно, как случайная встреча на анатомическом столе зонтика и швейной машинки».

Случайность этого мира выходит в фотографии на первый план. Реальность представляет собой поток самодостаточных, замкнутых на самих себе фактов. В ней нет никакой телеологии. Фотография обнажает «абсурдность бытия», делая восприятие шизоидным (рассудок расщепляется: факты не связываются или их связывание представляется не совсем реальным и правдоподобным).

Случай – старая философская проблема, о которой говорили еще античные мыслители. Пытаясь понять роль случайности в искусстве и фотографии, можно сказать о двух возможностях понимания случайности: условно-метафизической, в которой случайность подчинена необходимости, и о современных концепциях «автономных» случайностей. В основе нашего определения случайности и интерпретации ее роли в фотографии заложен образ броска игровых костей. «Любая мысль есть бросок костей», – этим стихом завершается поэма С. Малларме [3]. *Le hasard* (у французов), *el azar* (у испанцев) – слово, произошедшее от арабского слова *az-zahr*, означающего игральную кость. Это слово, употребляемое в повседневности, может быть философским термином, который характеризует решимость, задор, присущие фотографу (художнику), также сближает его дело с азартом игрока.

Помимо того простого обстоятельства, что фотография обращена к видимой поверхности мира, на которой как раз и происходит игра случаев, случайность в ней обусловлена еще и ролью света. Фотография – «светопись» мира. Современное изобразительное искусство начинается с импрессионистов. Световоздушная среда с ее изменениями, бликами-рефлексами – среда

случайностей. Художники пытаются поймать мимолетное мгновение. Именно на творчество художников-импрессионистов впервые влияют фотографии [4]. Но работая со светом, фотограф оказывается в своей работе слепцом, который не может контролировать то, что получается в результате, потому, что во время закрытия затвора фотоаппарата снимающий находится в полной темноте (подобно тому, как бросающий кости не может контролировать исход броска). Само случайное остается между прикрытием и открытием, присутствием и отсутствием.

Кажется уместным использование в исследовании понятия «экстериорности», которое введено в современную философию Э. Левинасом в работе «Тотальность и Бесконечное» [5]. Экстериорность означает выставленность.

Любое внутреннее предполагает начало и конец. На деле же существуют только среды и промежутки, слова и вещи вскрываются средой, (а вовсе не внутренним). Это похоже на броски игральных костей. Внешнее всегда представляет собой открытость по отношению к будущему, с наступлением которого ничего не кончается, поскольку ничего и не начиналось, но все видоизменяется. Левинас называет отношения человека с миром и себе подобными «отношением без отношения», отношением, которое никто не в состоянии ни охватить, ни тематизировать.

Как же мы можем связать эти размышления с фотографией? Фотография не просто предлагает нам иначе взглянуть на мир. Поскольку она непосредственно работает с фактами этого мира, фотография не может выразить его избыточность. Она, таким образом, предлагает нам «абсурдную» реальность. Она есть отпечаток бытия, который постулирует своим существованием экстериорность как принцип этого самого бытия.

Экстериорность в фотографии можно рассматривать на примере фотографов, которые в большей степени «видят» ее. Анри Картье-Брессон говорила: «Если ты чего-то хочешь, ты не получишь. Не нужно хотеть. Нужно всегда быть открытым...» <...> «Запечатлено все. Как удивительно то, что

поймано на лету, то, что упущено, то, что исчезло, или то событие, которое было до того, что ты снял, кульминаций которого является снятый тобой кадр». Знаменитый его снимок 1932 года, запечатлевший мужчину, прыгающего через лужу, – апофеоз случайности, которая поразительным образом становится абсолютно необходимой.

Литература

1. *Пикон Г.* Сюрреализм. Женева, 1995. С. 56.
2. *Хлебников В.* Собрание сочинений. М., 2014. Т. 6. С. 172.
3. *Малларме С.* Сочинения в стихах и прозе. М., 1995. С. 293.
4. *Краусс Р.* Фотографическое: опыт теории расхождений. М., 2014.
5. *Левинас Э.* Избранное: Тотальность и Бесконечное. М., 2000.

**Образ идеальной жены эпохи Токугава (1603–1868),
отраженный в «Онна Дайгаку»**

Период правления сегуната Токугава в истории Японии характерен широким развитием городов и, как следствие, усилением влияния горожан на общественную жизнь страны. В это время формируются новые идеологии, растет роль новых учений, появляется множество трактатов. Одним из таких трактатов является «Онна Дайгаку» («Великое поучение женщине»).

Японские исследователи [1] считают, что автором данного источника был Каихара Экиэн (1630–1714) – писатель, приверженец философского и идеологического направления, восходящего к учению Чжу Си, который придерживался мнения о жестком подчиненном положении женщины в семье. Самая старая версия источника, которая сейчас известна, издана в первый год реформ Кехо (1716). Каихара писал на доступном и простом человеку, и ребенку японском языке.

В своем поучении Каихара Экиэн обосновывает причину, по которой необходимо воспитывать девушку должным образом; говорит о воспитании девочки в родительском доме; подчеркивает, что главное предназначение женщины – это служение мужу и его семье. Автор называет четыре компонента «женского удела»: женская добродетель, женская речь, женский облик и женские обязанности. В случаях, когда жена не слушает родителей мужа, ревнива, бездетна, распущенна, чрезмерно болтлива, имеет злокачественную болезнь или хоть малейшее желание красть, муж, как сообщает писатель, может уйти от нее. В заключение Экиэн говорит о том, что, придерживаясь данных правил, девушка будет хорошей женой, способной заботиться о крепкой семье.

В ходе работы нами было переведено «Великое поучение женщине». Согласно данному источнику семейная жизнь порядочной японской девушки

(женщины) в период Токугава была существенно регламентирована, социальная роль жены была ограничена широким кругом запретов, хотя именно жена руководила всей хозяйственной жизнью дома. Важно отметить, что браки заключались традиционно по сговору родителей, потому семейная жизнь женщины напоминала военную службу, так же полную ограничений и регламентаций. Таким образом, традиции военного сословия (служба вассала сюзерену) сказались и на семейных отношениях, что ярко отразилось и в использованном нами источнике.

Литература

1. 「大和撫子」のルーツ発見？「女大学」全文公開！ / Tanken. [Electronic resource]. URL: <http://www.tanken.com/onnadaigaku.html> (accessed: 30.01.2016).

Применение нормы об экспроприации иностранной собственности в целях политического давления

Изучение этой проблемы обретает актуальность в связи с введением антироссийских санкций в 2014 году [1]. Европейские страны ввели ограничения на въезд российских граждан на свои территории, на экспорт российских товаров, а также арест российских активов за рубежом. Если первые две меры относятся к разряду экономических и предполагают ограничение конкуренции, то последнее решение об аресте активов является не чем иным, как экспроприацией, напрямую затрагивающей права иностранных инвесторов. Возникает ряд вопросов. В чем заключалась конкретная вина инвесторов? На каком основании нарушаются их права на собственность? Является ли нарушение международных норм их государством поводом для замораживания их активов?

Экспроприация подразумевает принудительное изъятие собственности или ее составляющих (пользование, распоряжение) [2]. Это разновидность насилия. Насилие применяется по отношению к нарушителю законов как процедура наказания. При этом в международном праве, регулирующем инвестиционную деятельность, изъятие собственности не требует наличия вины, противоправных действий со стороны инвестора. Экспроприация осуществляется по решению исполнительных органов государства-реципиента в общественных интересах [3]. Изъятие собственности происходит не на основе действий собственника, а на основе действий внешних сил, не зависящих от него. Нарушает ли это право собственности? Да, безусловно, но в этом случае для защиты инвестора предусмотрен механизм компенсации изъятой собственности в полном объеме. Хотя зачастую эта мера не способна возместить нанесенный ущерб, тем более что сумма выплаты далеко не всегда

удовлетворяет инвесторов и является предметом международных споров. В любом случае признание права на компенсацию означает признание отсутствия вины за инвестором. В данной ситуации экспроприация выступает не как наказание, а как преступление или нарушение права инвестора государством-реципиентом.

Но в международном праве существует и другой вид экспроприации – некомпенсируемый [4]. Точнее, это не признается экспроприацией или носит название регулятивной экспроприации, косвенной или частичной. В этом случае экспроприация рассматривается как мера наказания инвестора за нанесение ущерба государству, общественным интересам. Формально права собственности сохраняются, но получение прибыли подвергается существенным ограничениям со стороны государства в виде непомерного налогообложения или ограничениям на право пользования и распоряжения, как в случае с антироссийскими санкциями. В данной ситуации, не вдаваясь в вопрос о том, насколько общественные интересы действительно общественные, экспроприация собственности прямая или косвенная осуществляется на основе действий самого инвестора.

Санкции, выражающиеся в блокировке иностранных активов, сочетают в себе условия компенсируемой и некомпенсируемой экспроприации. С одной стороны, введение санкций не требует наличия вины, виновных действий со стороны инвестора, а с другой – его права собственности подлежат ограничению без последующей компенсации, так как будто бы его действия нанесли вред обществу. Пожалуй, это можно назвать уникальной нормой, так как она заставляет субъекта права нести ответственность за чужие действия. Уникальна она и в том смысле, что допускает прямое нарушение права собственности в целях политического давления, нарушение права в условиях правового государства. Интересно, в каких пределах государство может нарушать права своих и иностранных граждан в целях политического давления? Это вопрос может стать темой отдельного исследования.

Таким образом, выявление особенностей в процедуре экспроприации иностранной собственности позволяет прийти к некоторым важным выводам. Во-первых, иностранные инвесторы абсолютно беззащитны в условиях применения санкций. Во-вторых, оказание политического давления всегда будет сопровождаться нарушением права собственности благодаря действию принципа «цель оправдывает средства».

Литература

1. Хронология введения санкций и ответные меры России в 2014–2016 годах [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/spravka/20161017/1479429689.html>, (дата обращения: 26.03.17).
2. *Богуславский М. М.* Международное частное право. М.: Юристъ. 2004. 199 с.
3. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о поощрении и взаимной защите капиталовложений [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901203> (дата обращения: 26.03.17).
4. *Еремичев Н. Е., Суворова А. А.* Некомпенсируемые изъятия собственности иностранных инвесторов (на примере американского законодательства) [Электронный ресурс] // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2013. № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nekompensiruemye-izyatiya-sobstvennosti-inostrannyh-investorov-na-primere-amerikanskogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 26.03.17).

Синтез традиции и новации в художественном творчестве

Сегодня мы каждый день сталкиваемся с инновационными достижениями, развитием науки, культуры и общества. Все чаще можно видеть, как новое противопоставляется старому, традиция отвергается как пережиточное явление, от которого нужно избавиться, чтобы духовная и материальная культуры могли развиваться. Тем не менее, настолько ли велика пропасть между традициями и новациями, между преемственностью и креативностью, как это может показаться с первого взгляда?

Художники и художественное творчество в целом всегда воспринимались как создатели неповторимых стилей и идей. В XX веке даже было принято противопоставлять свое творчество всему предшествующему, стоит вспомнить хотя бы футуристов с их «Пощечиной общественному вкусу»: «Только мы – лицо нашего времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности» [1]. В этой статье хотелось бы проследить, не представляются ли «тезис» в лице традиции и «антитезис» в лице новации в итоге синтезом, приводящим к качественно новому результату? Именно в рамках гегелевской диалектики интересно рассмотреть отношение традиции и новации в художественной сфере.

Гегель в введении к «Лекциям по истории философии» замечает, что человеческую мысль нельзя понять, не обратившись к ее истокам. Все, присущее современному миру, не возникло сразу и не образовалось лишь на основе современности, так как достижения человечества в первую очередь являются наследием всех предшествующих поколений. Именно традиция сохранила и передала нам все, чего достигла наука, культура и искусство

за многие века. Гегель делает акцент на активности традиции: «Содержанием этой традиции является то, что создал духовный мир, а всеобщий дух никогда не останавливается в своем движении» [2, с. 10].

В рамках разговора о традиции и новации важно понимать, что их синтез невозможен в том случае, если традиция понимается как жесткая структура, которую нельзя разрушить (как, например, в первобытных обществах). Тогда любая инновация воспринимается как угроза разрушению установленному строю. Сегодня же многие исследователи понимают традицию как своеобразную матрицу, в ткань которой встраиваются новые результаты. Относительно художественного творчества такой подход работает очень органично.

По мнению М. Полякова, традиционные элементы, входя в сферу новой поэтики, приобретают уже новые функции, которые отличаются от изначальных. Каждая традиция видоизменяется в рамках творчества отдельного индивидуального художника, а также зависит от исторического контекста [3]. Поэт и драматург Т. Элиот в статье «Традиция и индивидуальный талант» также утверждает, что традицию невозможно унаследовать, если она нужна, ее можно приобрести, лишь приложив большие усилия. Условием традиции является исторический смысл прошедшего, и чтобы уловить этот смысл, необходимо понимание прошедшего не только в контексте истории, но и в контексте современности. «Это чувство истории, являющееся чувством вневременного, равно как и текущего, – вневременного и текущего вместе, – оно-то и включает писателя в традицию. И вместе с тем оно дает писателю чрезвычайно отчетливое ощущение своего места во времени, своей современности» [4, с. 20].

Стоит заметить, что формирование творческого стиля художника может происходить и в конфликтных отношениях к предшественникам и предшествующим традициям. Но для того, чтобы противостоять идеям, героям или стилю антагонистов, нужно хорошо изучить их творчество и понять его – в этом заключается активность традиции.

Таким образом, именно синтез традиции и новации является основой для художественного творчества. С одной стороны, новация невозможна без опоры или опровержения существующих устоявшихся норм, форм или сюжетов. С другой стороны, традицию невозможно использовать или быть внутри нее, не поняв прошлого и не соотнося его с будущим. Традиция является синтезом двух процессов: противостояния современности и прошлого, традиционного и индивидуального. Она не является простым подражанием, а должна быть осмыслена и перенесена в современные условия, а результат зависит от индивидуальности художника или писателя и глубины осмысления традиции.

Литература

1. Пошечина общественному вкусу. Манифест [Электронный ресурс]. URL: <http://www.futurism.ru/a-z/manifest/slap.htm> (дата обращения: 2.04.2017).
2. *Гегель Г.* Лекции по истории философии: соч. Т. IX / Г. Гегель. М. ; Л., 1935. 340 с.
3. *Поляков М. Я.* Вопросы поэтики и художественной семантики: Монография. М.: Советский писатель, 1986. 480 с.
4. *Элиот Т.* Традиция и индивидуальный талант // Называть вещи своими именами. М., 1986. С. 19–30.

Возникновение понятия «перформативность» в научном дискурсе XX века

В 1960-х годах XX века в искусстве и культуре происходит «перформативный поворот». Он был выражен процессом стирания границ между различными видами искусства, которые характерным образом принимают форму спектакля (будь то музыка, изобразительное искусство, литература или театр), результатом которого становится не артефакт как произведение искусства, а событие, в котором участвуют как актеры (художники), так и зрители.

Само понятие «перформативность» начинает активно использоваться в научной мысли немного позже, начиная с 1990-х годов. В это время происходит смена перспективы с текстуального понимания культуры на ее перформативные черты, позволившие раскрыть специфический характер действий и событий в области культуры, которые невозможно было описать в рамках традиционной текстовой модели. Тем не менее «перформативность» как понятие появилось намного раньше в философии языка, но не было распространено в научном дискурсе. В этой статье хотелось бы проследить историю возникновения этого понятия, а также выявить то, каким образом оно связано с искусством. Остановимся на ключевых фигурах, занимавшихся разработкой этого понятия.

В 1955 году Джон Остин вводит понятие «перформативный» в философию языка в рамках курса лекций «Как совершать действия при помощи слов» [1]. Этот неологизм был образован Остином от глагола *to perform*: «(представлять, осуществлять, исполнять) <...>: он указывает на то, что произнесение высказывания означает совершение действия...» [1, с. 19]. Своим открытием Остин совершил революцию в философии языка, так как он выявил, что языковые высказывания могут служить не только для констатации

фактов, но с их помощью можно совершать действия. Например, когда судья говорит «виновен», то таким образом он совершает действие, которое влечет за собой тот или иной вид санкций. Следовательно, перформативные высказывания, с одной стороны – автореферентны, так как их значение и действие совпадают, а с другой – они формируют действительность, о которой говорят. Дальше Остин развивает свою теорию перформативных высказываний, говоря об успешных и неудачных высказываниях, успешность которых зависит от многих социальных условий.

Позже, в 1988 году, Джудит Батлер, не ссылаясь на Остина, вводит понятие перформативности в философию культуры. В статье «Перформативные акты и гендерная конструкция: эссе по феноменологии и теории феминизма» Батлер пытается доказать, что гендерная идентичность, как и идентичность вообще, не предопределена онтологически или биологически – она возникает в результате специфических действий в сфере культуры, которые, согласно Батлер, являются «перформативными» [2]. Основным отличием понимания «перформативности» Батлер является то, что она употребляет его в первую очередь по отношению к телесным действиям, а не к речевым актам. Таким образом, она интерпретирует процесс перформативного создания идентичности как процесс воплощения, который также обусловлен многими социальными условиями.

Несмотря на очевидные различия в интерпретациях Остина и Батлер, исследователи находят интересные параллели в их теориях. Они оба интерпретируют перформативные акты как публичные спектакли с ярко выраженными чертами ритуала, для них связь между перформативностью (*performative*) и спектаклем (*performance*) очевидна. «Перформативность проявляется в сходстве перформативных действий со спектаклем – так, перформативные тенденции в искусстве привели к тому, что разные виды искусства стали приобретать черты спектакля» [3, с. 50]. Кроме того, в результате этих тенденций возникли новые художественные формы, такие как

«перформанс-арт» и «акционизм», названия которых говорят уже об их сходстве со спектаклем.

Таким образом, понятие «перформативность», пройдя длинный путь от философии языка до философии культуры, прочно вошло в научный дискурс как относительно социальных процессов (ритуалов, общественно-значимых процедур и т. д.), так и относительно искусства. Искусство все больше понимается как совокупность слов и действий, которые трансформируют актеров и зрителей телесно или аффективно, зритель перестает играть подчиненную роль и наряду с художником становится творцом художественной реальности. С другой стороны, сегодня можно говорить уже не только о «перформативном повороте» в искусстве, но и о «перформативном повороте» в гуманитарных науках, так как «перформанс есть ключевой аспект человеческого существования, процесса строительства коммуникации, локуса социальной трансгрессии» [4, с. 229].

Литература

1. *Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов // пер. с англ. Макеевой Л. Б., Руднева В. П. / М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.
2. *Butler J.* Performative Acts and Gender constitution: an essay in Phenomenology and Feminist theory // *Performing Feminisms: Feminist Critical Theory and Theatre* / ed. by Sue-Ellen Case. Baltimore. London, 1990. P. 270–282.
3. *Фишер-Лихте Э.* Эстетика перформативности. М.: Международное театральное агентство «Play&Play» Изд. «Канон+», 2015. 376 с.
4. *Доманска Э.* Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки / отв. ред. М. А. Кукарцева. М. : «Канон+» : РООИ «Реабилитация», 2011. С. 226–235.

Специфика гражданского общества в СССР

В современной науке для объяснения политических феноменов, как правило, используются понятия и схемы, разработанные западными политологами. В исключительных случаях специалисты обращают внимание на то, что применение западной теории не вполне корректно для анализа небуржуазного общества, одним из примеров которого является Советский Союз. Отечественный историк Андрей Ильич Фурсов отмечает, что рассматриваемая сквозь призму западной теории советская политическая система предстает неполноценной, не дотягивающей до «нормы» [1]. Пренебрежение существенными отличиями политической системы СССР вызывает трудности в адекватном рассмотрении советского прошлого нашей страны. В связи с этим актуально рассмотреть специфику одного из элементов советской политической системы – гражданского общества – с точки зрения его характерных особенностей, вне доминирующей парадигмы.

Отправной точкой при анализе специфики советского гражданского общества является ответ на вопрос, что именно включает в себя данное понятие. На сегодняшний день не существует единого мнения на этот счет, что позволяет говорить о разнообразии типов гражданского общества в мире. Оптимальной для рассмотрения советского гражданского общества является теоретическая концепция, сформулированная в русле М-традиции, берущей свое начало из работ Шарля Монтескье. М-традиция определяет гражданское общество в широком смысле как совокупность всевозможных добровольных негосударственных ассоциаций граждан [2]. Накладывая данную теорию на реальные факты, стоит отметить, что ассоциации граждан на Западе в своей деятельности руководствуются частными интересами участников, тогда как в советских реалиях целью добровольных объединений было удовлетворение общественных потребностей. Следовательно, субъекты гражданского общества

на Западе и в СССР отличаются: в буржуазном обществе ключевым фактором является индивид, тогда как в социалистическом – коллектив.

Определение места гражданского общества в политической системе СССР также важно для изучения специфики данного феномена. В отличие от буржуазных теорий, где гражданское общество определялось в качестве контрагента государства, в рамках советских реалий все складывалось с точностью наоборот. По мнению А. И. Фурсова, СССР как «всеохватывающую» и «всепроникающую» властную структуру вообще сложно назвать государством в западном смысле этого слова: «государство, задушившее общество в объятиях, – мертвое государство; а точнее – завеса, за которой скрывается качественно иной тип организации власти, антигосударственный, внегосударственный по своему характеру» [1]. Одна из главных отличительных особенностей организации власти в СССР состоит в том, что в рамках социалистических реалий политическая система – единое целое, где гражданское общество и государство работают сообща и преследуют одинаковые цели. Это расходится с буржуазными теориями, в которых государство представляет собой один из самостоятельных элементов политической системы, которому противостоят другие структурные составляющие, что обеспечивает достижение баланса.

Стоит отметить, что в институциональном плане советские реалии сходятся с буржуазными теориями. Так, основным институтом гражданского общества в Советском Союзе, как и на Западе, являлась общественная организация. Важно обратить внимание на то, что первые массовые общественные организации начали появляться в России только после Октябрьской революции, чему непосредственно способствовали властные структуры, сформулировав ряд нормативных актов, регулировавших деятельность различных союзов и объединений [3]. Следовательно, еще одна характерная особенность советского гражданского общества – это запуск механизма формирования крупных ассоциаций граждан «сверху», а не «снизу», как это происходит в западных условиях.

Однако именно эта особенность поспособствовала всплеску общественной активности в период с 1917 по 1932 год, когда было образовано большинство крупных советских общественных организаций. Несмотря на достаточно жесткую политику большевиков, продолжили свое существование некоторые дореволюционные общественные организации: профсоюзы, потребительские кооперативы, Литературный фонд, Всероссийское общество глухонемых и слепых, Российское общество Красного креста.

Новая волна общественной активности в сфере образования, культуры, организации труда и быта фиксируется в 60-е годы XX века – период «оттепели». Широкая сеть общественных объединений в СССР – профессиональных, кооперативных, молодежных, творческих, спортивных – носила строго не политический и не коммерческий характер, что было закреплено юридически, и это еще одна особенность советского гражданского общества.

Таким образом, несмотря на то, что реалии Советского Союза действительно существенно отличались от западной политической теории, широкая сеть добровольных общественных организаций свидетельствует о высоком уровне социальной активности, а значит, позволяет сделать вывод о существовании в СССР специфического гражданского общества.

Литература

1. *Фурсов А. И.* Советская система и нищета политологии (СССР сквозь призму некоторых политических схем) // Знание. Понимание. Умение. 2014 г. № 4. С. 81–98.
2. *Савинков Л. Л.* Некоторые подходы к осмыслению понятия «гражданское общество» // Вестник ОГУ. 2007. № 7. С. 101–105.
3. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. URL: <http://xn--80abnlydpf.xn--80akegfdvbg0c.xn--p1ai/1922-1950.pdf> (дата обращения: 31.03.2017).

Некоторые особенности политической элиты в России при В. В. Путине

После распада СССР формирование российской элиты прошло три этапа. Вступление на пост В. В. Путина знаменует начало третьего этапа в оформлении российской элиты. Путин продолжил выдвинутый Е. М. Примаковым курс на трансформацию элиты из олигархической в бюрократическую, провозгласив концепцию «равноудаления олигархов» от власти [4]. В данной статье будут рассмотрены особенности элиты в России на современном этапе.

Как говорит С. Пшизова [5], сейчас в мире происходит маркетизация системы общественных отношений, то есть доминирование экономического фактора над остальными. Политика превращается в своего рода бизнес-структуру. В России это может быть продемонстрировано на примере возрастания количества миллиардеров и общего уровня коррупции в период правления В. В. Путина [7].

Более того, существующая в России тенденция к рекрутированию новых членов элиты из представителей «силовых» ведомств была перекрыта тенденцией появления в управлении все большего числа представителей бизнеса. Примером этого является участие Михаила Прохорова в президентских выборах в 2012 году. Представители бизнеса и «силовых» структур каждая в отдельности занимают по разным оценкам по 40 % всего от состава элиты.

По расчетам О. Ф. Шваброва, внедрение чиновников в органы управления организациями и крупными корпорациями началось еще в конце 90-х годов. К примеру, в 1999 г. руководитель Администрации Президента РФ А. Волошин стал председателем совета директоров РАО «ЕЭС России». Это говорит о том, что чиновники, будучи заинтересованными в процветании коммерческих

организаций, в управлении которыми они участвуют, нередко лоббируют их интересы, что подтверждает еще раз теорию о том, что представители бизнеса занимают крупный сегмент в российской элите [6].

Более того, в России элита, а конкретнее, бизнес-элита, строится в большинстве своем на основе родственных связей [2], то есть прослеживается наследственный фактор. Данную тенденцию можно посмотреть на примере карьеры семей Гудковых, Жириновских и др.

Важной особенностью является долгое пребывание одних и тех же людей во властных структурах. При потере высокой должности человек не выпадает из элиты, а продолжает быть ее частью, только занимая уже менее важный пост. Наиболее распространенный способ обновления элиты – это внутренняя циркуляция кадров. То есть создается ситуация стагнации, и более того, как заметила О. В. Воронкова [1], качество элиты в России оставляет желать лучшего, так как ощущается нехватка квалифицированных кадров.

Как указано в исследовании «Российский истеблишмент: пути и методы обновления» [1], в России высшее образование, по сравнению с Западом, легкодоступно и является необходимым, но не достаточным условием инкорпорации в элиту. Его наличие является всего лишь одним из необходимых требований, говорящим об определенном уровне компетентности. Там же сказано, что каждый третий чиновник имеет два и более высших образования, а число кандидатов наук постоянно увеличивается, но это может символизировать только то, что формальный уровень образования в элите высок. Но не всегда этот уровень сказывается на практической работе политиков.

Явление сохранения людей в составе элиты на долгое время объяснялось тем, что во время первого срока Владимиру Владимировичу необходимы были люди, на которых он мог бы опереться, его карьера была настолько стремительна, что действительно верные люди оставались на более низких постах. Поэтому В. В. Путин стал ориентироваться на имеющуюся номенклатуру, сформированную при Б. Н. Ельцине. Далее он начинает

формировать собственную команду. Для укрепления власти в регионах был создан институт постоянного представительства.

О. В. Крыштановская говорит о создании трех доверительных кругов вокруг президента [3]. Первый – это «силовики», второй – часть правительства, и третий – люди, не занимающие высоких постов, но допущенные к консультациям по различным вопросам. Также окружение президента делят на три части следующим образом: «силовики», земляки-петербуржцы и «семья» – чиновники, занимавшие посты на политической службе еще при других президентах. О стратегических решениях и планах президента знает только очень узкий контингент людей. Однако Ольга Владимировна ссылается на то, что процесс рекрутации на основе протекционизма, личных связей и интересов зависит не столько от конкретного человека, сколько от того факта, что в России не сформирован формально-рациональный процесс рекрутации кадров в элиту.

В настоящее время доступ в элиту открыт только де-юре. Де-факто для этого необходим крупный капитал и другие возможности, которыми не обладает большинство населения, что закрывает российскую элиту для «вливания свежей крови». К примеру, к российским реалиям относится доминирующая партия «Единая Россия», членство в которой являться практически обязательным для построения успешной карьеры. Несмотря на декларируемое расширение доступа в элиту из «низов» и демократических выборов, резкой смены состава элиты не происходит.

В последнее время на местах национальный фактор в формировании элит стал ярко выражен. Он существует параллельно с дерусификацией национальных республик в России. После проведения реформ В. В. Путиным все региональные элиты стали лояльны к правительству, но также потеряли значительную долю политического веса. Однако появилась новая тенденция к установлению этнократии на местах, что несет в себе определенную степень опасности.

К данной проблеме можно приписать и назревающие внутри российской политической элиты две противоположных тенденции в развитии отношений: конкуренция групп по поводу распределения власти, сфер влияния, капиталов и понимание необходимости выработки общих «правил игры», определения взаимных интересов и базы для поиска компромиссов. То есть, можно говорить о дезинтегрированности элиты и о некоторой степени ее разобщенности.

Существуют негативные тенденции в формировании политической элиты России. Во-первых, это формирование элиты на основе личной преданности какому-либо лидеру; во-вторых, «сверхбюрократизация политики»: в руках президента, а также исполнительной власти находится большой властный потенциал, что в российских реалиях может привести к становлению авторитаризма; в-третьих, отсутствие четко определенной идеологической ориентации и общих социально-политических ориентиров.

Таким образом, политическая элита в России разнородна и разрознена. Нельзя говорить о том, что она демократически оформлена, так как сохраняются некоторые архаичные моменты, как в ее составе, так и в процедуре ее формирования и изменения. Несмотря на процесс омоложения и обновления элиты, кардинальных изменений не происходит, и даже идет обратный процесс – стагнация. То есть существует необходимость перемен в российской элите для ее более эффективного функционирования.

В некотором плане такое положение дел связано с политической культурой в России в целом и ее креном к консерватизму, обращению к прошлому и к сильной центральной власти. Для преодоления этого возможно введение легитимного способа формирования элиты, рекрутирование в ее состав сугубо профессиональных кадров, ориентация членов элиты на гуманизацию и служению обществу и развитие взаимодействия внутри элиты. Однако данные рациональные предложения маловероятно реализуемы на практике ввиду человеческого фактора и культурных реалий российского общества.

Литература

1. *Воронкова О.* Сидорова А. Крыштановская О. Российский истеблишмент: пути и методы обновления [Электронный ресурс] // Полис. 2011. № 1. URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2011/1/5.pdf> (дата обращения: 31.10.2015).
2. *Гаман-Голутвина О. В.* Метафизические измерения трансформаций российских элит [Электронный ресурс] // Политическая концептология. 2012. № 3. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2012.3/03.pdf> (дата обращения: 01.11.2015).
3. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты [Электронный ресурс]. М.: Захаров, 2005. URL: http://krotov.info/libr_min/11_k/ri/shtanov_00.htm (дата обращения: 03.11.2015).
4. *Кутузов Р.* Олигархи [Электронный ресурс] // Forbes. 2010. URL: <http://www.forbes.ru/svoi-biznes/58533-oligarhi> (дата обращения: 03.11.2015).
5. *Пиизова С. Н.* Политика как бизнес: российская версия // Полис. 2007. № 2. С. 112.
6. *Шабров О. Ф.* Динамика изменения удельного веса и влияния корпоративного компонента политической элиты постсоветской России [Электронный ресурс] // Элиты и общество в сравнительном измерении. М. : РОССПЭН, 2011. URL: <http://shabrov.info/Statji/Korpor4.htm> (дата обращения: 02.11.2015).
7. *Немцов Б., Милов В.* Путин. Итоги. 10 лет: независимый экспертный доклад [Электронный ресурс]. М. : Солидарность, 2011. URL: <http://www.putin-itogi.ru/doklad/> (дата обращения: 04.11.2015).

**Проблема технико-технологического изучения копии и подлинника
в музейных собраниях Урала на материале живописно-графического
наследия музеев Нижнего Тагила, Ирбита, Челябинска**

Художественное наследие европейской живописи и графики XVI–XX вв., хранящееся в собраниях уральских музеев, представляет собой не менее сотни полотен и авторских рисунков, которые являются не только артефактом времени, но и обладают очевидными художественными достоинствами.

Среди предполагаемых авторов произведений находятся имена европейского и общемирового значения, такие как Рафаэль Санти, Джулио Романо, Паоло Веронезе, Питер-Пауль Рубенс, Антонис ван Дейк, Рембрандт ван Рейн, Лука Джордано, Себастьяно Риччи, Ян Мейтенс и многие другие европейские мастера из Италии, Голландии и пр. Несмотря на такое количество произведений, представляющих большой временной пласт научно-исследовательского материала, европейская живопись и графика с применением современных аппаратных методов технико-технологической экспертизы изучена в объеме 3–4 % относительно всего объема европейского художественного наследия на Урале (Свердловская и Челябинская область), что уже позволило атрибутировать несколько десятков произведений европейской живописи из собрания Екатеринбургского государственного музея истории искусств.

Проблема определения категории музейного объекта как копии или подлинника остается актуальной для музеев всего мира. Однако в отечественной практике многие работы не квалифицируются из-за отсутствия данных достаточных для подтверждения или опровержения атрибуции, тогда как они могут подразделяться на множество категорий в системе выработанной, например, А. Р. Киселевой [1]. Выявление особенностей создания

произведений живописи и графики методами технико-технологических исследований помогают определить статус произведений искусства.

Проблема копирования живописных произведений «больших мастеров» тесно связана с самим автором, его мастерской, последователями и современной им живописной традицией. Зачастую копия имеет существенные отличия от оригинального произведения, сделанные намеренно или возникающие невольно.

Например, исходя из исследований В. А. Садкова, существовали завершённые рисунки с произведений великих художников («orgemaakt») и улучшенные рисунки («verbeterd»). При этом «улучшением» рисунков занимался даже П.-П. Рубенс, копируя неизвестных итальянских художников. Малоизвестные и коммерческие художники «улучшали» рисунки других авторов с целью стимулирования рыночного спроса. Такому «улучшению» нередко подвергались «малые голландцы» [2].

Заимствование сюжетов, мотивов, структуры композиции и деталей в живописи было распространено так же и среди самих живописцев, создавая, таким образом, проблему самостоятельности художественного произведения, феноменов эпигонства и интерпретации, следовательно, творческого потенциала самого автора. Одним из показательных примеров наличия этой проблемы является рецензия С. С. Акимова на каталог выставки «Младшие Брейгели» (ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2015), где автор увидел тесную взаимосвязь нескольких поколений семьи Брейгелей и ее окружения [3]. Ряд иностранных исследователей, рассматривая творчество Рафаэля Санти, отмечает широкое цитирование его работ и созданных им рисунков. Кроме того, сам Рафаэль нередко прибегал к использованию той же методики в своих работах, не копируя напрямую, но интерпретируя найденные им образы [4].

Введение в научный оборот ранее комплексно не изучавшихся произведений из музейных собраний Урала позволяет внести ясность в статус копии/подлинника, дать новые аспекты изысканий творчества автора

и национальной школы, вписать произведение в общеевропейский круг художественных памятников.

Кроме того, научная разработка копий и их категорий, являющихся частью общего художественного наследия, дает возможность говорить о феномене копирования более полноценно, освободившись от дихотомии подлинника и копии, где последнее понимается как нечто посредственное и не заслуживающее внимания.

Одним из характерных примеров комплексного изучения таких произведений является работа чешских специалистов, подвергших изучению два алтарных образа, считавшихся копиями, результатом которой стало изменение их атрибуционного статуса по категориям: копии/оригинала, времени создания и регионального происхождения, что делает их восприятие более правильным [5].

Критерии оценки творчества при исследовании подобных работ, принадлежащих к категориям имитации, подражания и стилизации конкретного артефакта, остро воспринимаемых в музейной сфере, до сих пор вырабатываются, при этом от их объективности зависит понимание степени индивидуального творческого вклада копииста в работу, относящуюся к повторениям. Объективность при атрибуции произведения искусства напрямую зависит от полученных при исследовании технико-технологических данных.

Литература

1. *Киселева А. Р.* О методах исследования художественных произведений и о классификации вторичных работ в отделе научной экспертизы // Научная экспертиза художественных произведений : сб. ст. М. : ВНХРЦ, 2007.
2. *Садков В. А.* Роль копирования в творческой практике голландских рисовальщиков XVII в. // Проблема копирования в европейском искусстве: материалы науч. конф. М., 1998. С. 87–95.

3. Младшие Брейгели : картины из собрания Константина Мауергауза : [издание к выставке, 28 апреля – 28 июня 2015 г., Москва] / авт.-сост. В. А. Садков. М. : Арт Волхонка, 2015. С. 210–212.
4. *Butler K. E.* Giovanni Santi, Raphael, and Quattrocento Sculpture // *Artibus et Historiae*. № 59 (XXIX). June, 2009. P. 15–39.
5. *Hradilová J., Trmalová O., Žemlička J.* X-ray radiography of painting with high resolution II: two counterpart paintings from the chapel in Vizovice chateau – two completely different stories / *Academy of Fine Arts in Prague*. 2014. P. 69–95.

Арт-кластер как инструмент продвижения современного искусства

Искусство – это не замкнутая в себе система, это та область, которая призвана пронизывать все сферы жизни. Одна из амбиций арт-кластера – влияние на развитие территорий, в то время как амбиция искусства – расширение собственных границ. Искусство призвано преодолевать и собственные пределы, и пределы мышления людей, которые соприкасаются с ним и экспериментируют с пониманием «новизны». Так как же относится общество к произведениям современного искусства?

Стереотипы и предрассудки, безусловно, существуют, но единственный путь их преодоления – через образовательные инициативы и создание новых форматов для развития и приобщения общества к современному искусству. Сегодня происходит новый виток конверсии, поиск новых форм, новых площадей для современного искусства и разного рода неформальных инициатив.

Современные концептуальные выставочные решения сегодня требуют специального пространства, неординарность архитектуры которого определила бы дальнейшее развитие современного искусства. Таким пространством и является арт-кластер. Пространство кластера будет скорее напоминать «мультимедийный храм», где представлены все жанры современного искусства – живопись, фотография, инсталляция, объекты, перформанс. Таким образом арт-кластеры связаны со стимулированием и развитием современного искусства в городах. Художники приходят туда, где нужны изменения. Они создают творческие предприятия, которые объединяются в арт-кластеры – содружества независимых компаний, связанные общностью территории и отношениями взаимного сотрудничества и конкуренции.

Пожалуй, одним из самых ярких примеров содружества независимых компаний является Центр современного искусства «ВИНЗАВОД».

Сформированный по принципу арт-кластера центр современного искусства «ВИНЗАВОД» концентрирует лучшие творческие ресурсы города и создает принципиально новую, привлекательную для широкой публики художественную среду. Инфраструктура «ВИНЗАВОДа» такова, что гости могут совмещать посещение художественных выставок, акций, лекций и мастер-классов, просмотр авторского кино с шоппингом и отдыхом в клубах и арт-ресторанах. На территории «ВИНЗАВОДа» регулярно проводятся фестивали и образовательные программы в сфере современного искусства, кинематографа, архитектуры и дизайна, а также благотворительные мероприятия. За счет контакта между участниками проекта налаживается междисциплинарное взаимодействие: между различными сообществами, поколениями и стилями.

Арт-кластер задумывается как место реализации новых творческих идей и концентрации самых интересных проектов и продуктов в области современного искусства, а также как удобная инфраструктура его восприятия. Задумывается как место поддержания современной российской культуры. В пространстве работают галереи, мастерские, фотостудии, детские студии, кафе, рестораны и пр.

Другая составляющая арт-кластера как инструмента развития современного искусства – это содержание. Сейчас становится понятно, что деятельность галереи недостаточна, нужны проекты, которые дают людям возможность самореализации. Особенно это важно для молодежи, когда можно не просто прийти и посмотреть, а быть увиденными и услышанными. Данную составляющую можно проследить в арт-кластера «ВИНЗАВОД», организаторы выбрали несколько направлений, которые интересуют аудиторию, и дали возможность в них участвовать. Это всероссийский проект «Лучшие фотографии России», куда любой желающий может прислать свои фотографии,

из которых будут выбраны 35 лучших. Это проект «Старт» для молодых художников, проект по современному дизайну и современному театру.

Что касается международного контекста, то на территории «ВИНЗАВОДа» проводятся проекты международного формата, это дает аудитории возможность воспринимать образцы и сравнивать проекты с готовыми западными музейными проектами, сопоставлять с ними свои идеи, эта образовательная функция очень важна.

Задача арт-кластера – приблизить человеческую жизнь к произведению искусства, а каждого человека сделать художником.

Неоценима роль данных площадок и в культурной жизни города, ввиду того, что на территории арт-кластера постоянно проводятся выставки художников, музыкальные выступления, театральные постановки, показы кинофильмов и литературные чтения. Это не единственная точка соприкосновения бизнеса и арт-среды, и если бизнес и художники будут действовать вместе, то из этого могут получиться серьезные проекты и мероприятия в рамках стимулирования и продвижения новых имен, в создании условий для представления молодых авторов публике, поддержке и развитии современного искусства в городской среде, в возможности приближения зрителя к произведению современного искусства.

Литература

1. *Гнедовский М.* Винзавод, Стрелка, Флакон. Арт-кластеры в больших городах // Русский журнал. С. 201.
2. *Зеленцова Е.* Требуется идея. Срочно. Дорого // Новая газета. № 68. 2010.
3. *Трубина Е. Г.* Город в теории. Опыты осмысления пространства. М., 2011.

Имидж КНР в американских средствах массовой информации

Нет причин отрицать тот факт, что Китайская Народная Республика на сегодняшний день является одним из ведущих акторов мировой политики. Но нестабильность системы международных отношений, которую сложно назвать как однополярной, так и многополярной, приводит к тому, что скрытая конфронтация между Соединенными Штатами и претендующим как минимум на экономическое лидерство Китаем неизбежна.

«Патриарх» международных отношений Генри Киссинджер, который стоял у истоков дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Китаем, пишет в своей книге «О Китае»: «Некоторые американские теоретики <...> заявляют – китайская политика преследует две долгосрочные цели: во-первых, сместить Соединенные Штаты с господствующего места в западной части Тихоокеанского региона; во-вторых, сформировать в Азии блок, подчиняющийся <...> китайским интересам». С точки зрения же Китая, отмечает Киссинджер, США – уязвленная сверхдержава, которая не может допустить подъема кого-либо из соперников, а особенно КНР [1]. Несмотря на активное сотрудничество между двумя мировыми гигантами, взаимные подозрения мешают нормальному развитию отношений.

Особую роль в отношениях между США и КНР играют средства массовой информации, которые «подогревают» недоверие и отчужденность. Целью данного исследования является рассмотрение образа КНР, формируемого средствами массовой информации в Соединенных Штатах за последние несколько месяцев. Для этого предлагается проанализировать заголовки (на данном этапе исследования ограничимся именно заголовками, так как они уже представляют собой исчерпывающий материал для анализа) наиболее влиятельных американских изданий, таких как The Wall Street Journal,

The New York Times, Daily News. Рабочая гипотеза для анализа – «демонизация» образа КНР в американских средствах массовой информации по аналогии с имиджем КНДР.

Начать анализ стоит с The Wall Street Journal, так как в данной газете существует отдельная рубрика China Real Time Report, где собраны самые актуальные публикации по теме Китая. Социально-экономические и политические проблемы КНР находятся под наиболее пристальным вниманием именно этого издания. Основные рассматриваемые темы – это стремительно развивающаяся экономика Китая («US Can't Take On China Alone», «China's Rosy Economic Outlook Has a Few Thorns»), политическая ситуация в Китае («China's Latest Industrial Policy Is a Waste and a Challenge», «China Tries Red-Carpet Treatment for a 'Ministers' Corridor'»), а также отдельно личность Председателя КНР Си Цзиньпина («China's New 'Rap-aganda' Tells You What President Xi Cares About», «Xi's Name Appears, Then Disappears, in Chinese TV Costume Drama») [2]. Цель публикаций в The Wall Street Journal – разоблачение властей КНР, во-первых, в попытке лидерства в мировой экономической сфере, но безуспешной с точки зрения американских экспертов; во-вторых, в пренебрежении китайскими властями, в особенности Си Цзиньпином, демократическими политическими ценностями и приверженности традиционным диктаторским методам (в том числе расправе над «неудобными» политиками).

Издательство The New York Times не отличается от The Wall Street Journal по тематикам, наиболее подробно освещаемым в публикациях относительно КНР. Но главной чертой является манера подачи материала: The New York Times избрали тактику «лучшая защита – это нападение», поэтому предпочли саркастическую форму изложения публикуемого материала, что ярко выражено в заголовках. “As Hong Kong Chooses Its Next Leader, China Still Pulls the Strings”, “Xi Promised Economic Reform in China. The World Is Still Waiting”, “China Learns How to Get Trump's Ear: Trough Jared Kushner”, “Trump Is a Chinese Agent” [3] – примеры таких заголовков; содержание статей

соответствует заданному саркастичному тону. Можно предположить, что целью такого публичного высмеивания является формирование негативно-насмешливого стереотипного отношения у населения к КНР, чтобы попытки Китая заявить о мировом лидерстве не были восприняты американским сообществом всерьез.

Наконец, отметим еще одно популярное американское издание – Daily News. Здесь особенно четко проявляется интересная тенденция: при поисковом запросе «China» около половины публикаций посвящены не Китаю, а КНДР. При изучении содержания таких статей становится понятно, что КНР считается в Соединенных Штатах главным сторонником режима Ким Чен Ына, поэтому публикации соединены в один информационный поток.

Напомним, что гипотезой исследования была «демонизация» образа КНР в американских средствах массовой информации. Данная гипотеза, в целом, подтверждается, но стоит учесть несколько моментов. Во-первых, Китай в информационной повестке средств массовой информации США занимает существенную нишу. В первую очередь их волнуют вопросы экономического и политического плана. Во-вторых, КНР рассматривается как мировая держава и один из наиболее влиятельных акторов международных отношений. В-третьих, за саркастичным тоном изложения, доминирующим в американских СМИ, можно рассмотреть определенного рода страх перед усилением позиций Китая на мировой арене и ослаблением собственных.

Литература

1. *Киссинджер Г.* О Китае. М. : АСТ, 2015.
2. The Wall Street Journal: China Real Time Report. URL: <http://blogs.wsj.com/chinarealtime/> (дата обращения: 02.04.2017).
3. The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com> (дата обращения: 02.04.2017).
4. Daily News. URL: <http://www.nydailynews.com> (дата обращения: 02.04.2017).

Практики формирования общественного сознания на страницах газеты «Уральский рабочий» в 1934–1935 гг.

Потребность государства в мобилизации ресурсов населения для проведения индустриализации в первой половине 1930 гг. обусловила выработку специальных практик формирования положительного отношения к социально-экономическим, политическим и идеологическим кампаниям. Одним из основных каналов конструирования общественного сознания стала периодическая печать. На ее страницах для широких масс населения проводились презентации поощряемых социальных моделей поведения, звучала критика отклонения от них, и формировался образ эталонного «строителя социализма».

Исследование посвящено выявлению некоторых практик конструирования общественного сознания и их структурных элементов в газете «Уральский рабочий». Наиболее результативным и историографически осмысленным методом изучения материалов периодики является **контент-анализ**, относящийся к арсеналу количественной истории. В России данный метод активно применяется в исторических исследованиях с 1990-х годов. В качестве ярких примеров следует отметить статьи С. М. Поповой [3], И. Д. Архангельской [1], кандидатскую диссертацию Н. В. Раздиной [4]. Опыт изучения газеты «Уральский рабочий» методом контент-анализа представлен в диссертации А. В. Лямзина [2] и других научных работах.

Для анализа был выявлен массив источников: номера за 1934–1935 гг. (объем – 27 номеров), так как 1934 год – это рубежная дата становления тоталитаризма в СССР: в январе – феврале проходил XVII съезд ВКП (б), известный как «Съезд расстрелянных» – фактически последний демократический. Пилотный характер исследования позволяет изучить

небольшой промежуток: два года. Одной из практик конструирования общественного сознания является публикация статей, имеющих яркую эмоциональную окраску, несущих в себе мораль и нацеленных на формирование какой-либо установки. За единицу наблюдения и счета в данном исследовании был принят **заголовок статьи**, так как зачастую он является квинтэссенцией ее содержания. Хронологически выявленные и формализованные по принципу эмоционально-содержательной нагрузки публикации газеты распределяются следующим образом:

1. **«Статья-призыв»**. Заголовок сформулирован как лозунг, а содержание раскрывает его на примерах и в более пространственных установках. Пример: «Готовить стахановскую декаду сельского хозяйства!» [8, с. 1]. В номерах за 1934 год выявлено и проанализировано 47 таких статей, за 1935 г. – 27 статей.
2. **«Статья-осуждение»**. Статья обличает нежелательные действия или «вредные» практики, многократно повторяется лексика с ярко выраженной негативной окраской. Как правило, в статье присутствует образ конкретного врага: человек, бригада завода, коллектив и др. Пример: «Ушаков гноит продукты» [6, с. 3], «К ответственности виновников извращения» [5, с. 1]. В номерах за 1934 год выявлено и проанализировано 92 такие статьи, за 1935 г. – 81 статья.
3. **«Статья-личный пример»**. На личном примере в масштабе личности или группы лиц конструируется эталонный образ поведения для советского человека. Пример: «Мичуринцы на Урале» [7, с. 7], «Рекорд кузнеца Ванина» [9, с. 2]. В номерах за 1934 и 1935 года выявлено и проанализировано по 42 такие статьи.

Исследование позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, в статьях, направленных на формирование новых конструктов, редакция газеты чаще использует мотивацию с негативной коннотацией. Об этом свидетельствует двукратный и более перевес «статей-осуждений» над другими выделенными видами. Во-вторых, стоит отметить важную деталь: в статьях как

с положительной, так и с отрицательной мотивацией прослеживается тенденция к персонификации той или иной практики. Если какое-либо действие ставится в пример, то он связан с символическим носителем – первопроходцем. Описание проблемных ситуаций/отклонений/конфликтов также, как правило, акцентирует свое внимание на конкретном виновнике.

В целом следует отметить высокий потенциал газеты «Уральский рабочий» для исследования практик конструирования общественного сознания. Применение метода контент-анализа позволяет получать информацию, которую можно определить как скрытую, недоступную для выявления традиционными методами исторического исследования.

Литература

1. *Архангельская И. Д.* К вопросу изучения периодической печати методами контент-анализа // Методы количественного анализа текстов нарративных источников. М., 1983. С. 110–126.
2. *Лямзин А. В.* Периодическая печать как источник по истории взаимоотношений церкви и государства в 1920-е гг.: на примере Уральского региона: дис. канд. ист. наук : 07.00.09. Екатеринбург, 2000. 339 с.
3. *Попова С. М.* Контент-анализ в исследовании облика положительного героя на страницах газет 30-х годов // Количественные методы в исследованиях по истории рабочего класса и крестьянства. Свердловск, 1991. С. 33–49.
4. *Раздина Н. В.* Газета «За индустриализацию» как источник для изучения промышленной политики советского государства в 1930–1940 гг. : опыт контент-анализа редакционных статей: дис. канд. ист. наук : 07.00.09. М. : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2016. 248 с.
5. Уральский рабочий. 1934. № 93. 21 апреля. С. 1.
6. Уральский рабочий. 1934. № 188. 15 августа. С. 3.
7. Уральский рабочий. 1934. № 188. 15 августа. С. 7.
8. Уральский рабочий. 1936. № 35. 12 февраля. С. 1.
9. Уральский рабочий. 1936. № 235. 11 октября. С. 2.

Новаторство Герберта Уэллса: исследование социальных проблем общества в научно-фантастических произведениях

Герберт Джордж Уэллс считается одним из основоположников (наряду с Жюлем Верном) жанра научной фантастики. Однако немногие знают о том, что Уэллс также является автором многих социально-бытовых произведений; он отмечал, что рассматривал научную фантастику как своеобразный этап на пути к созданию реалистического романа о человеке, о современной действительности: «Я надеюсь, после всех приготовлений засесть наконец записание бытовых романов и отдаться этой работе на много лет» [1]. Но почему Герберту Уэллсу понадобился такой подготовительный этап, как написание романов именно в жанре научной фантастики?

Герберт Уэллс писал, что, для того чтобы дать определенное представление об обществе и, в первую очередь, о человеке в произведении, необходимо сначала показать его в отношении к вселенной, потом к истории, после этого – в отношении к другим людям, к другим обществам и ко всему человечеству [2]. Подобный анализ требует определенного жанрового воплощения. Сам выбор научной фантастики закономерен: Герберт Уэллс – прежде всего ученый, он родился и учился в то время, когда был совершен грандиозный переворот в науке (Д. С. Смит связывает это событие с трудом Чарльза Дарвина «Происхождение видов» 1859 года – без него мы бы так и не узнали об Уэллсе, в первую очередь, как о фантасте потому, что для создания таких произведений, как, например, «Машина времени», «Война миров», «Первые люди на Луне», писателю просто не хватило бы знаний [3]). Используя свои научные познания, Уэллс исследует различные философские вопросы, изучает возможности человеческого разума, последствия научных открытий. Многие литературоведы отмечают, что интерес к историям Уэллса

поддерживается не самой выдумкой автора, а, наоборот, нефантастическими элементами. Интерес возникает, когда фантастическая ситуация как бы переводится на язык повседневности, становится ближе к читателю; рассказ становится более человеческим [4]. Н. П. Михальская и Г. В. Аникин в книге «Английский роман XX века» отмечают, что эффект правдоподобия в научно-фантастических романах Г. Уэллса основан на том, что автор наблюдает чувства и поведение человека под новым углом, он включает в фантастическую ситуацию подробности из повседневности, в этом и заключается новаторство Уэллса [5]. В научно-фантастических произведениях раскрывается реальная основа его фантазий, это проекции жизненных явлений.

В своих романах Уэллс избирает ведущей тему социального неравенства, социального назначения науки. В «Машине времени», первом романе, прославившем Уэллса, представлены две версии будущего, одна из которых представляет собой «физическое» воплощение будущего, а другая показывает то, какими, возможно, будут выглядеть люди в том самом будущем. Здесь, по мнению Ю. И. Кагарлицкого, машина времени как изобретение и само путешествие не являются жанрообразующими деталями научно-фантастического текста, и это не своеобразный сюжетный прием. Так Уэллс пытался показать вероятность невозможного в нашей жизни и нелепость того, что нас окружает. Научно-технический прогресс превращается в регресс. Анализируя поведение элоев, Уэллс привлекает законы биологии: все, что не развивается, так или иначе атрофируется [6]. «Война миров» – произведение, представляющее собой реалистичный роман, в котором из фантастического только нашествие марсиан. Любые другие события также можно представить вместо этого вторжения: эпидемию, интервенцию другого государства и т. д. Нашествие марсиан Уэллс изображает как страшный суд над человечеством, над его самоуверенностью. Кроме того, сами марсиане представлены не в лучшем свете: они безэмоциональны, они пример цивилизации, развитой технически, но не духовно (тот же самый мотив мы можем найти в романе «Первые люди на Луне», на примере общества Великого Лунария). Возможно,

помещая сюжет в условия научно-технического прогресса, Уэллс пытался выяснить, каким должно быть правильное общество, в котором есть баланс умственного, технического, физического, экономического и вместе с тем духовного.

Так или иначе, Г. Уэллс оставался ученым. В своих произведениях он всегда опирался на подлинные научные открытия и гипотезы, но при этом развивал их до абсурда; он превращал научное в фантастическое, а фантастическое в свою очередь приобретало характер «социальной утопии или сатиры» [7].

Литература

1. *Прашкевич Г. М.* Герберт Уэллс [Электронный ресурс]. М. : Вече, 2010. 400 с.
2. *Кагарлицкий Ю. И.* Герберт Уэллс [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/literature3/kagarlitsky-64.htm> (дата обращения: 18.03.2017).
3. *Smith, David C. H. G.* Wells: Desperately Mortal. A Biography / Yale University Press, 1986. P. 50–86.
4. *Аникст А. А.* История английской литературы. М.: Учпедгиз, 1956. 464 с.
5. *Михальская Н. П., Аникин Г. В.* Английский роман XX века : учеб. пособие для филолог. специальностей. М. : Высшая школа, 1982. 192 с.
6. *Кагарлицкий Ю. И.* Что такое фантастика? М. : Художественная литература, 1974. 352 с.
7. *Гражданская З. Т.* От Шекспира до Шоу: Английские писатели XVI–XX вв. М. : Просвещение, 1992. 191 с.

Русские традиции в культурной среде эмигрантов Харбина

Русские эмигранты, уехавшие на Восток из-за революции 1917 года, активно участвовали в сохранении русских традиций на чужбине. Ярким примером этому может послужить история китайского города с русской судьбой. Харбин – город на северо-востоке Китая, основанный в 1898 году русскими строителями и служащими КВЖД. Как пишет В. П. Петров: «Русские были хозяевами в полосе отчуждения, и поэтому даже не стремились изучать язык страны, в которой они жили» [3]. Революция и прочие глобальные изменения были толчком для оттока граждан из России в Китай. Прилив беженцев и белогвардейцев в Харбин пришелся на 1919 год. Вот как описывает состав прибывших К. Е. Ситниченко: «Войска Белой Армии, разбитые большевиками, уходили в Манчжурию. Следом прибывали гражданские лица – дворяне, чиновники разных рангов, казаки, купцы, интеллигенция и даже крестьяне» [4]. Последняя волна беженцев приезжает в 1922 г., а в 1924 в город прибыли советские специалисты из СССР [5]. Вывоз граждан из страны начался после продажи дороги Маньчжоу-го в 1935 году. К середине 60-х гг. русского населения в Харбине почти не осталось.

Русская эмиграция на Востоке придерживалась своей миссии: сохранить русскую культуру и традиции и передать их потомкам. Мои родственники Глушко Ф. Д. и А. К. пешком перешли границу в 1922 г., и их судьба переплелась с Харбином. Они помнили и любили Россию всю жизнь и хотели вернуться на Родину. Дети эмигрантов родились в Китае, но называли себя русскими. Их сын Петр Федорович имел трех дочерей, воспитанных в русских традициях, но интегрированных в китайскую культуру (ходили в китайский садик, общались с няньками, учителями, любили китайскую еду, свободно говорили по-китайски и т. п.). Их бабушка расстраивалась, что девочки мало

говорят по-русски, ведь язык – основа культуры и один из главных защитных факторов культуры в русском Зарубежье. Лекции в университетах читались на русском языке, в доме даже «бои» (прислуга) говорили на русском языке, выходила специальная русская газета. Русские традиции жили на бытовом уровне: обустройство интерьера и экстерьера дома, приготовление привычной пищи, окружение себя памятными вещами, вывезенными из России и пр. Сильнее всего были духовные традиции: эмигранты отмечали Рождество, Пасху и другие церковные праздники в Никольском, Софийском соборе, Иверской и Покровской церкви. К. Е. Ситниченко также пишет о роли русской православной церкви: «Православная церковь поддерживала внутреннее душевное настроение человека на чужбине, рассматривая духовную составляющую, осознание Духа внутри себя как основу христианства» [4]. Церковь – это привычный знак из прошлого и опора в ситуации кризиса, которая объединяет людей разного социального положения и дает им надежду. Касаясь сферы образования нужно отметить: Политехнический, Педагогический и Коммерческий университеты, техникумы, гимназии и школы. Петр Федорович (младший сын в семье моих родственников) закончил коммерческий факультет в Политехническом университете, а потом преподавал русский язык. Также стоит вспомнить следующих личностей, оставивших след в науке Русского зарубежья: «...юристов Г. К. Гинс, Н. В. Устрялова, экономистов М. Н. Ершова, Н. И. Морозова, синологов И. С. Баранова, Г. Г. Авенариуса, ученых и исследователей: Э. Э. Энерт, Т. В. Бутова, Б. М. Велимировича, М. К. Гордеева, В. Я. Толмачева, А. П. Хионина, П. В. Шкуркина и многих других, которые вошли в историю Манчжурии и Китая» [4]. Были живы традиции русской предпринимательской культуры. Восточные двери были открыты деловым людям, как И. Я. Чурин (основатель торговой фирмы «Чурин и К°»), которая до 40-х годов пользовалась популярностью благодаря своему качеству). Еще одно проявление дореволюционного уклада жизни – поддержание культурного уровня в самом городе. В Харбине гастролировали и западноевропейские артисты,

прибывавшие из европейских центров русской эмиграции. У города был свой поэт, А. И. Несмелов. Н. С. Михалков в фильме «Русские без России» о культурной среде города: «...артисты попадали в мир относительной свободы и изобилия, русский Харбин принимал гостей радушно и даже трепетно» [1]. Относительно внешнего вида Харбин можно было принять за уездный русский город. Построенный русскими, он напоминал другие обычные города Российской империи. К. И. Новосельский дает следующую характеристику: «Большинство зданий в Новом городе и в районе пристани построено по планам русских архитекторов: русские православные церкви <...> и деревянные дома, такие же, как где-нибудь в Омске, создавали впечатление, как будто находишься не в Маньчжурии, а где-нибудь в центре Сибири. Русскими были и реклама, и названия улиц, и говор на улице» [2].

Таким образом, русская эмиграция, выполнила свою культурную миссию: в языке, в образовании, в духовных традициях, в предпринимательской деятельности, в культурной среде и внешнем облике города Харбина прослеживались черты русской культуры.

Литература

1. *Михалков Н. С.* Русские без России [Электронный ресурс] // Цикл документальных фильмов. Режим доступа: <http://www.videorus.ru/publ/10-1-0-400> (дата обращения: 10.04.17).
2. *Новосельский К. И.* Харбин – «Атлантида» русской культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.icr.su/node/2439> (дата обращения: 30.03.17).
3. *Петров В. П.* Город на Сунгари. Вашингтон, 1984.
5. *Ситниченко К. Е.* Россия и Китай: культурный диалог (на примере эмиграции «первой волны»). Екатеринбург, 2014. С. 280.
6. Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Кит. Респ. Пекин, 31 мая 1924 г. С. 1.

Эксплицитные и имплицитные способы реализации речевого акта предостережения

На значение предостережения одним из первых обратил внимание А. А. Шахматов в связи с введением понятия синтаксическое наклонение. В современной лингвистике также присутствует ряд работ, посвященных анализу средств выражения предостережения (см. работы А. Н. Баранова, Г. Е. Крейдлина, В. С. Храковского, М. Г. Безяевой и др.).

Вслед за М. Г. Безяевой мы будем рассматривать предостережение как самостоятельную разновидность более общей целеустановки предупреждения. Второй разновидностью целеустановки предупреждения является угроза [1]. Как угроза, так и предостережение – это предупреждение адресата о том, что его (адресата) действия могут привести к нежелательным для него последствиям. Как в речевом акте угрозы, так и в речевом акте предостережения, адресант не желает наступления негативных состояний. Главным отличием данных целеустановок является то, что при угрозе адресант делает предупреждение в своих интересах или интересах третьего лица, при предостережении же предупреждение делается в интересах адресата.

В интерпретации речевого акта предостережения мы исходим из определения, данного в работе М. Г. Безяевой: «Предостережение – это выражение желания говорящего, чтобы слушающий не совершал действия, которое могло бы помешать планируемому им действию (действию, которое он намерен совершить, которое он хочет совершить) или состоянию, в котором он хочет пребывать; либо совершил действие, в случае неисполнения которого не будет возможным осуществление планируемого, что реализуется в нежелательных для слушающего последствиях; а также учел обстоятельства, которые могут помешать совершить планируемое» [1].

Если рассматривать предостережение в аспекте теории речевых актов, то речевой акт предостережения может быть отнесен к репрезентативам, так как предостережение – это доведение до сведения адресата, что некоторое событие не соответствует его (адресата) интересам. Данное сообщение адресанта не является попыткой заставить адресата действовать тем, а не иным образом, чтобы избежать чего-либо.

Значение предостережения часто совмещается с некоторыми другими коммуникативными целеустановками: с советом, уговариванием, требованием, просьбой, угрозой, инструкцией.

Коммуникативная целеустановка предостережения, как и угрозы, может быть выражена эксплицитно и имплицитно. В соответствии с этим, была осуществлена классификация отобранных из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) контекстов, содержащих семантику предостережения по эксплицитности и имплицитности выражения интенции предостережения. В результате было выделено две группы: контексты с эксплицитным способом выражения предостережения и контексты с имплицитным способом выражения предостережения.

В первую группу мы включили конструкции с глаголом *предупреждать*, конструкции с *учти*, *учтите*, конструкции с *А вы знаете*, конструкции с экспликацией опасности для адресата и конструкции с призывом к осторожности. Так, например, в контексте *Просто советую, будь аккуратней, лишнего не болтай, тем более с незнакомыми людьми* значение предостережения формируется с помощью наречия *аккуратней*, выражающего призыв к осторожности. Кроме того, в данном случае мы можем видеть совмещение целеустановки предостережения с целеустановкой совета, так как глагол *советую* является одним из эксплицитных способов формирования целеустановки совета.

Во вторую группу входят структуры, включающие конкретные действия, которые надо осуществить или не осуществлять адресату, чтобы избежать небенефактивных последствий.

К данной группе были отнесены конструкции, включающие каузацию совершения необходимого или несовершения ненужного действия, конструкции с экспликацией возможных последствий, конструкции с *смотри* и *гляди*, конструкции с *как бы* и глаголом совершенного вида в форме сослагательного наклонения, конструкции с *только*, конструкции с *не вздумай* и инфинитивом. Так, например, в контексте *Ты на всякий случай сбавь скорость, а то не успеешь затормозить, и мы полетим вверх тормашками* значение предостережения формируется с помощью каузации совершения необходимо действия (*сбавь*) и экспликацией возможных последствий (*не успеешь, полетим*).

При всем разнообразии используемых конструкций наиболее типичными способами формирования значения предостережения являются следующие:

- 1) экспликация опасности;
- 2) экспликация призыва к осторожности (как с помощью *Осторожно!*, *Внимание!*, *осторожно*, *аккуратно*, так и с помощью *берегись*, *стерегись*);
- 3) экспликация действий, которые необходимо свершить или не надо совершать, чтобы избежать нежелательных последствий;
- 4) экспликация нежелательных последствий.

Литература

1. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М., 2002. С. 458–460.

Социальный компонент семантики слова

Язык и общество тесно связаны, их взаимовлияние изучается в лингвистике и смежных с ней науках на протяжении многих лет. Считается, что социальные смыслы тесно связаны с языком, отображаются в семантике языковых единиц, способны как влиять на язык, так и формироваться под его влиянием. Знание о социальной группе, статусе, социальных отношениях важно не только в общественной жизни индивида, но и во всей системе представлений общества. Именно это дает основание предполагать, что социальная семантика входит не только в собственно социальные глаголы, но и в глаголы прочих лексико-семантических групп (ЛСГ).

Исследование, проведенное на материале «Большого толкового словаря русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко [1], показало, что значения социальных компонентов отражают практически все элементы прагматических ситуаций, называемых глаголами. Чаще всего социально маркированным оказывается компонент, обозначающий субъект действия: это может быть указание на высокий или низкий социальный статус лица (*отчитывать* – делать «строгое замечание, выговор», *семенить* – «о незначительном человеке») и указание на то, что субъектом является организованная или неорганизованная группа людей (*выпускать* – «результат труда всего коллектива», *отхлынуть* – «о толпе»). Следует отметить, что при шутовском или ироническом употреблении слова социальные компоненты значений слов могут подвергаться нейтрализации.

Частотными также являются компоненты с семантикой характера (*эвакуировать* – «в организованном порядке») и цели действия (*прибывать* – «по официальной надобности»).

Интересными с точки зрения разнообразия социальных смыслов являются компоненты, указывающие на объект действия. Это может быть некий социально значимый предмет, например, «памятники искусства, архитектуры, культуры» (*реставрировать*), «к какому-л. памятному знаку, мемориалу» (*возлагать*), «святое» (*осквернять*), или группа лиц, например, «войска, группы лиц» в глаголе *располагать*. Возможны случаи, когда некто становится социальным объектом в силу своего временного статуса, это обнаруживается в значениях глаголов *пытать* – «подвергать обвиняемого», *допрашивать* – «обвиняемого, свидетеля», *выставлять* – «охрану, караул».

Социальные компоненты могут обозначать законность или незаконность действия, называемого глаголом. Напрямую в словарной дефиниции вычленить эту семантику трудно, она ярко раскрывается в контексте. На нее обращают внимание такие семы, как «тайком» (*вкрадываться*), «скрываясь» (*удирать*), «заверить» (*подписывать*) и т. д. Ближе к семантике незаконности совершаемого действия стоит указание на то, что оно совершается в наказание за что-либо: *забирать* – «заключение под стражу», *задерживать* – «лишение свободы», *расстреливать* – «смертная казнь».

Социально маркированные компоненты могут указывать на знаковость совершаемого действия, то есть на то, что за каким-либо действием закрепляется смысл, изначально ему не свойственный, но приписываемый обществом и понимаемый всеми его членами. Например, *посвящать* – «как дань памяти, уважения, почитания», *аплодировать* – «в знак одобрения».

Глаголы речевой и созидательной деятельности, помимо основных социальных компонентов, содержат специфический компонент со значением адресата речи, свойственный только лексемам этих ЛСГ. На позицию адресата указывают слова типа «к должностному лицу» (*запрашивать*), «в административные органы» (*заявлять*) и т. д.

В глаголах, называющих действия, связанные с изменением хронотопа, часто социально маркируются компоненты со значением времени (*курсировать* – «регулярные поездки») и пространства, которое может быть

социальным (*водворять* – «на местожительство») или физическим (*эмигрировать* – «отчество», «другая страна»).

Нами было выявлено несколько компонентов с уникальной, присущей только им социальной семантикой. Это указание на обычай, в связи с которым совершается действие: *хоронить*, *захоронить* – «с соблюдением принятых обрядов, обычаев». И указание на то, что общество делится на условно «своих» и «чужих», а действие направлено против последних: *блокировать* – «изолировать неприятеля», *шифровать* – «сделать недоступной для некоторых людей».

В заключение следует отметить, что изучать социальные компоненты и их семантику необходимо, так как наличие данных компонентов накладывает ограничения на лексическую сочетаемость глаголов, а, следовательно, вызывает затруднения в понимании нюансов значения подобных слов у людей, изучающих русский язык. Более того, социально маркированные компоненты необходимо отражать в словарных дефинициях.

Литература

1. БТСРГ – Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

Проблема языка в философии Ж. Делеза: субъективность и ее отсутствие

Философия Ж. Делеза представляет собой хорошо проработанную систему понятий. Сам французский мыслитель говорит о выбранных им в качестве основных понятиях как о концептах, отсылая тем самым к уже ставшей классической для философии проблеме взаимоотношения мышления и языка. Однако проблема языка традиционно считается отнюдь не делезианской темой: в отличие от своих соотечественников – таких, как Ж. Деррида и Р. Барт, – он действительно не уделяет пристального внимания феномену языка в целом и идее языковой обусловленности реальности (а также познания) в частности. Другими словами, кажется, будто «лингвистический поворот» в философии прошел мимо Ж. Делеза.

Однако вслед за Ж.-Ж. Лесерклем можно утверждать, что «мы не находим в работах Делеза явной теории языка, ни одной книги, посвященной вопросу о языке; но мы находим теорию значения (в «Логике смысла»), теорию поэтического языка и стиля (более явно в «Критике и клинике»), теорию прагматики (в «Тысяче плато»)» [1]. И, несмотря на то, что Ж. Делез с подозрением относился к проекту обоснования языковой природы реальности и, как следствие, любых гносеологических построений, он все же стремился разработать определенную концепцию языка, которая бы отличалась от привычного представления о разделении между содержанием мышления и его языковым выражением.

Примечательным в этом отношении является признание самого мыслителя в одном из его интервью о философии М. Фуко: «На меня сильное влияние оказала его теория высказывания, потому что она подразумевает концепцию языка как гетерогенного ансамбля в состоянии неравновесия и позволяет мыслить образование новых типов высказываний во всех областях» [2]. Описание

подобной концепции он совместно с Ф. Гваттари представил в «Тысяче плато». Образ языка как гетерогенной неравновесной системы преодолевает структуралистские тенденции в лингвистических исследованиях. Язык не предстает единой структурой, обладающей центральной осью, по обеим сторонам которой «развешиваются» противоположные термины. Скорее, он лишается своего внутреннего сущностного единства, расщепляется, дробится на части и описывается как совокупность сборок, характерных для конкретных культурных сообществ разных эпох.

Отсылая к работам Э. Бенвениста и О. Дюкро, Ж. Делез пишет о том, что рассмотрение языка как знаковой системы, репрезентирующей неязыковую и незнаковую реальность, устарело. Слова языка не столько сообщают нам информацию о внешнем мире, сколько передают нам слова, которые, в свою очередь, передают другие слова, и т. д.: язык, по выражению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, подобен карте, а не кальке с реальности, существующей независимо от языка. И в этом моменте французский мыслитель сближается с Дж. Остином, указывая на то, что выделение такого типа высказываний как перформативы – сама суть которых отражает специфику взаимоотношения мысли, языка и действия, определяемую социальным контекстом, – помогает по-новому взглянуть на феномен языка.

Этот новый взгляд Ж. Делез связывает с преодолением разграничения между прямой и косвенной речью, что ведет к ответу на вопрос о субъективности (в частности о субъективности в языке): «Именно язык целиком является косвенной речью. Косвенная речь, или косвенный дискурс, никоим образом не предполагает прямого дискурса, скорее, именно последний извлекается из первой в той мере, в какой действия означивания и процесс субъективации в сборке оказываются распределенными, предписанными и назначенными, или именно переменные такой сборки входят в постоянные отношения, хотя бы и временно» [3].

Когда мы говорим о подобных языковых сборках, нам не нужно использовать понятие субъекта. Описывая функционирование языковой

реальности, достаточно определить набор высказываний, характерных для той или иной социокультурной группы, и указать, каким образом эти высказывания могут воспроизводиться и распространяться. Представление об индивиде, который обучается языку, и, согласно традиционному взгляду, выражает с его помощью свои личные убеждения (т. е. приобретает языковую субъективность), оказывается пустой абстракцией. Так как язык по своей природе является социальным, то представление о субъекте как о самостоятельно действующем агенте начинает исчезать.

Субъективность – это конструкт, который формируется в результате включенности индивида в языковую сеть. Мы не выражаем своих внутренних мыслей, мы воспроизводим наподобие магнитофона или любого другого записывающего устройства слова, услышанные от других. И даже если мы не желаем отказываться от представления о внутренне присущих индивиду мыслях, то мы все равно вынуждены прийти к выводу о том, что сами эти, казалось бы, внутренние мысли формируются посредством языка и, соответственно, тоже обладают социальным характером.

Ж. Делезу было важно подчеркнуть, что то, что мы привыкли ассоциировать со своей самостью, субъективностью или личностью, на самом деле является продуктом дискурса. Это не значит, что французский мыслитель отказывается от понятия субъективности при разработке своей философии, это лишь указывает на то, что субъективность в онтологическом смысле для него отсутствует. Коллективные сборки высказываний, которые нуждаются в носителе только для того, чтобы воспроизводиться вновь и вновь, поглощают субъективность. Косвенная речь – речь других – это и есть речь прямая.

Литература

1. *Lecercle J.-J. Deleuze and Language*. New York, 2002. С. 2–3.
2. *Делез Ж. Переговоры*. СПб., 2004. С. 195–196.
3. *Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург ; М., 2010. С. 140.

К вопросу о практике конструирования нарративов в психоанализе

Психоанализ уже давно перестали рассматривать в качестве научной дисциплины. И все же споры о его конкретном статусе до сих пор не прекращаются. Причиной этому может служить то, что В. Мазин обозначил как промежуточное положение психоанализа между философией и медициной, которое «предполагает не только междисциплинарное распространение, неограниченное рассеяние, но и создает определенные трудности» [1]. С одной стороны, психоанализ действительно не попадает под определение научной дисциплины, хотя и разрабатывался З. Фрейдом с целью занять место наравне с различными науками, изучающими человека в его различных аспектах жизнедеятельности. С другой стороны, психоанализ все-таки сформировал определенную парадигму мышления в европейской культуре, став неотъемлемой частью повседневности.

На наш взгляд, наиболее удачным подходом к определению статуса психоанализа является нарративный подход. Центральное место в нем как раз отведено понятию нарратива – рассказа, который конструируют люди и затем передают друг другу из поколения в поколение. Другими словами, речь идет о том, что люди создают рассказы разного рода – о себе, о других людях, о событиях, которые происходят вокруг них, – затем легитимизируют их и считают реальными, в то время как на самом деле это просто языковые конструкции, которые подвержены постоянным изменениям и переписываниям.

Например, в отношении проблемы самости П. Рикер, который считается основателем нарративного подхода в континентальной традиции философии, пишет следующее: «а) знание самого себя – это интерпретация; б) интерпретация самого себя, в свою очередь, обнаруживает, что

привилегированным посредником среди других знаков и символов является рассказ; в) этот посредник заимствует из истории столько же, сколько и из художественных произведений, превращая историю жизни в вымышленную историю или, если вы предпочитаете, в историческую прозу, сравнимую с теми биографиями великих людей, в которых можно найти сочетающиеся друг с другом историю и вымысел» [2]. По сути, П. Рикер стремится преодолеть традиционно постулируемое различие между реальностью и рассказом о ней, утверждая, что сама реальность рассказом и создается. В случае с самостью рассказ обо мне и есть моя самость; никакой скрытой онтологической сущности, которой я обладаю от природы и которую должен раскрыть в течение моей жизни, не существует.

Чем же тогда занимается психоанализ, если мы посмотрим на него сквозь призму нарративного подхода? Нарративист мог бы дать нам следующий ответ: психоаналитик с помощью теоретического аппарата, разработанного в рамках психоанализа, создает рассказ о пациенте и предлагает его последнему. Процесс интериоризации пациентом этого рассказа осуществляется во время сеанса приема и продолжается до тех пор, пока он не «излечится» – т. е. до тех пор, пока он не станет рассказывать о себе самом все то же самое, что ему рассказывал психоаналитик во время их сеансов. Окончательно сконструировав свою самость в терминах «Эдипова комплекса», «невроза навязчивых состояний» и «подавления Эго Сверх-Я», уже бывший пациент будет представлять себя окружающим и, прежде всего, самому себе как человека, страдающего или страдавшего от детской привязанности к матери и, как следствие, от неудовлетворенности своей нынешней сексуальной жизнью.

В процессе прохождения психоанализа у пациента сменяется один нарратив на другой – не-психоаналитический на психоаналитический. И если этот новый нарратив помогает индивиду успешнее справляться с воздействием возлагаемых на него требований и ограничений социума, то он продолжает рассматривать себя и реальность вокруг него с предложенной ему

психоаналитической точки зрения. Как только такой нарратив ослабевает или устаревает, индивид оказывается в ситуации кризиса: старый нарратив более не удовлетворяет условиям существования, а новый еще не сконструирован.

Благодаря рассмотрению психоанализа как одного из существующих в современном обществе видов практики конструирования нарративов становится понятно, почему психоаналитическое «лечение» не всегда дает результаты. Дело в том, что разные люди конструируют разные нарративы, и условием возможности интериоризации нарративов, предлагаемых им другими, в полной мере является тот самый первичный нарратив (или нарративы), в который их включили с момента рождения. Устойчивость подобного первичного нарратива для индивида варьируется в зависимости от внутренней устойчивости самого нарратива, а также от внешних условий окружающего мира: некоторые нарративы бесследно исчезают из поля социальности, а некоторые продолжают сохраняться на протяжении многих лет.

Еще одним преимуществом нарративного подхода является его способность дать объяснение временным рамкам психоаналитического «лечения». З. Фрейд ставил вопрос о том, каков критерий окончания анализа пациента и возможно ли вообще когда-либо его окончить [3]. С позиции нарративиста, психоаналитический рассказ о себе завершен тогда, когда на его место приходит другой рассказ: процесс интериоризации психоаналитических способов описания себя длится ровно столько, сколько конструируется рассказ о себе; там, где психоаналитические способы описания перестают удовлетворять индивида и он стремится создать новый рассказ или переписать части уже существующего, психоаналитик будет говорить о том, что анализ не был доведен до конца, хотя в действительности речь идет лишь о том, что индивид находится в процессе конструирования нового рассказа, нового себя.

Литература

1. *Мазин В.* Субъект Фрейда и Деррида. СПб., 2010. С. 17.
2. *Ricoeur P.* Narrative Identity // *Philosophy Today*. 1991. Vol. 35. № 1. P. 73.
3. *Фрейд З.* Анализ конечный и бесконечный. URL: <https://psychoanalysis.pro/491/freud-analiz-konechniy-i-beskonechniy> (дата обращения: 31.03.2017).

Республиканизм: от традиции к новации?

В современной политической философии наблюдается так называемый «республиканский поворот» [1]. Достижения одного из самых перспективных направлений в этой области становятся доступны в российской интеллектуальной среде: в 2016 году вышел перевод книги ирландского философа Филиппа Петтита «Республиканизм. Теория свободы и государственного правления» [2]. В связи с этим необходимо прояснить, в чем заключается новаторство и заслуга Петтита и республиканизма в целом, и чем он отличается от классического республиканизма.

К классическому республиканизму как политической теории принято относить мыслителей Нового времени, начиная с Никколо Макиавелли и заканчивая американскими отцами-основателями. Под республикой понимали тип правления, когда учитывалось мнение всех граждан страны (народный суверенитет), а также существовало разделение властей с выборными должностями. Классические республиканцы обращали внимание на такие проблемы, как верховенство закона, важность гражданской добродетели и участие граждан в государственной политике, опасность коррупции и т. д. Мыслители того времени опирались на классические идеалы республики как общего дела (от лат. *res publica*), изложенные в трактатах Тита Ливия, Цицерона и др., пытаясь их возродить. В истории политической мысли это направление называют неороманским республиканизмом или неоримской теорией [3].

Современный, или гражданский республиканизм, возник исключительно как академическое направление, т. к. не сопровождался какими-либо массовыми движениями или акциями. Именно поэтому он имеет мало общего как с Республиканской партией США (или любой другой республиканской партией), так и с современным пониманием республики как формы правления

в узком смысле (т. е. не монархии). Современные республиканцы специфическим образом интерпретируют наследие неоримской теории, используя выводы в развитии своей политической доктрины. Но в первую очередь современный республиканизм позиционирует себя как альтернатива либерализму и его пониманию свободы. Согласно известному либеральному философу Исайе Берлину, определившему свободу в позитивном и негативном ключе, либерализм защищает идею негативной свободы, то есть свободы от чьего-либо принуждения [3]. Республиканцы вывели третий тип свободы, который они определяют как «не-доминирование». Петтит пишет, что «не-доминирование – это положение, в котором человек находится, когда живет в присутствии других людей и когда, благодаря общественному устройству, никто из них над ним не доминирует» [2, с. 132]. Иными словами, неореспубликанская свобода – это независимость от произвольной власти.

Исходя из этих соображений, республиканцы выстраивают государственное устройство, которое, по их мнению, будет обеспечивать реализацию их идеала свободы. Важными элементами такого устройства являются верховенство закона, разделение властей, федерализм, закрепленные в конституции базовые гражданские права и т. д. Эти же элементы используются либералами и другими, поэтому республиканцы отмечают, что работа правительства и политических институтов также предполагает свободу действий государственных служащих и их возможность действовать на свое усмотрение. Фрэнк Ловетт пишет, что республиканским способом решения этой проблемы является расширенная демократия, а именно соревновательная (contestatory) [5]. Кроме того, в отличие от классических республиканцев, современные мыслители обращают внимание на такие опасности для свободы, как экономическая уязвимость, традиционные семейные и гендерные отношения и др., которые могут стать причиной появления неограниченной произвольной власти одного человека или группы над другим человеком или группой. Другим важным требованием является инклюзивность: возможности для демократического соревнования должны быть одинаково

доступны всем людям и группам в обществе. Конечно, главной частью республиканской теории о государственном устройстве является гражданская добродетель, понимаемая нео-республиканцами немного шире, чем классиками.

Несмотря на всю привлекательность и новаторство республиканской теории, многие авторы и сторонники данного направления указывают на ее недоработанность и отмечают, что республиканизм нуждается в существенной проработке и анализе относительно центральных понятий политической философии, таких как глобальная и распределительная справедливость, мультикультурализм и международные отношения [5]. Помимо этого, можно выделить проблемы при определении гражданского республиканизма и его дифференциации от либерализма в широком смысле слова, коммунитаризма и гражданского гуманизма.

Литература

1. White S. The Republican critique of capitalism. Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2011. P. 561.
2. *Петтит Ф.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. 488 с.
3. *Скиннер К.* Свобода до либерализма. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 120 с.
4. *Берлин И.* Философия свободы. Европа / предисл. А. Эткинда. М. : Новое литературное обозрение, 2001. С. 122–185.
5. *Lovett F.* Republicanism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/republicanism/>

Влияние институциональной среды на приток трансграничных сделок слияния и поглощения

Рассуждая о мировых тенденциях последних десятилетий, можно с уверенностью утверждать, что такие процессы, как глобализация и интернационализация мирового хозяйства, становятся неотъемлемой частью современного мира. В сложившихся обстоятельствах одним из важнейших факторов, определяющих конкурентные преимущества любой страны, является эффективное функционирование ее бизнес среды.

На сегодняшний день слияния и поглощения являются важнейшим инструментом повышения конкурентоспособности компаний в современных условиях, цель которого заключается в повышении эффективности и более рациональном и экономически выгодном распределении ресурсов. Действительно, компании, которые торгуют на нескольких торговых площадках разных стран, более склонны к трансграничным сделкам слияния и поглощения, чем их конкуренты [1].

Значительный рост трансграничных сделок слияний и поглощений в мире за последние десятилетия связывают с либерализацией торговли и инвестиций, дерегулированием сектора предоставления услуг, приватизацией государственных предприятий и ослаблением контроля трансграничных сделок M&A [2]. Согласно исследованиям зарубежных авторов, проведенным по данным Европейского монетарного фонда, вероятность трансграничных сделок слияния и поглощения отрицательно зависит от правительственной эффективности в стране [3]. Инвесторы скептически относятся к компаниям, в которых преобладает доля государственного участия [4].

В отечественной и зарубежной литературе можно найти огромное количество работ, которые исследуют эффективность сделок слияния

и поглощения с точки зрения макроэкономики и микроэкономики, однако не многие работы исследуют нефинансовые – институциональные – факторы.

С этой целью был проведен анализ путем построения эконометрических моделей с использованием панельных данных по 220 наблюдениям – 20 странам Азиатско-Тихоокеанского региона за одиннадцатилетний период. Число стран было определено набором релевантных данных, которые в конечном итоге могут быть включены в анализ. Таким образом, в ходе работы были проанализированы такие институциональные показатели, как уровень политической стабильности, эффективность правительства, право голоса среди населения, верховенство закона, качество государственного регулирования и контроль коррупции со стороны государства.

Результаты показали, что политическая стабильность и уровень коррупции никак не влияют на решения инвесторов – они могут инвестировать и в страны с коррумпированностью. Незначимость показателя политической стабильности можно проинтерпретировать следующим образом: показатель является необходимым условием для притока М&А от инвесторов, однако как только страна достигает достаточного уровня политической стабильности, дальнейшее улучшение степени этого институционального показателя, как правило, оказывает незначительное воздействие на приток М&А. Что вызвало особый интерес, так это значимость показателя верховенства закона страны. Компании остерегаются, что нормативно-правовым путем может быть ограничен доступ иностранных компаний в те или иные отрасли экономики.

В то же время необходимо помнить, что такого рода сделки оказывают на экономику стран неоднозначное воздействие. Выделим позитивные и негативные последствия трансграничных сделок для «страны – мишени». К преимуществам можно отнести повышение конкурентоспособности национальной экономики, внедрение прогрессивных технологий и разработок, ощутимое увеличение налоговых поступлений в бюджет страны, возможность реализации социальных программ и т. д. Однако от такого рода деятельности ощутимы и негативные последствия, способные нанести ущерб «справедливой»

конкуренции: ослабление конкуренции с возникновением монопольной власти на рынке, усиление дифференциации основных рыночных игроков, снижение стоимости отдельных компаний, которые лишаются возможности получения инвестиций из-за отсутствия перспектив роста.

Действительно, взаимодействие экономических, политических и социальных сил определяют роль страны в мировой парадигме. Если говорить о России, то прослеживается коррумпированность органов государственной власти и их большая роль в исходе сделок М&А. Слабая защита прав инвесторов и неоднозначность трактовок в законодательстве оказывают немаловажное влияние на национальную экономику. Таким образом, важно понимать тот факт, что процессы трансграничных слияний и поглощений напрямую воздействуют на то, в чьих руках окажется национальная экономика, и как она будет функционировать в дальнейшем.

Литература

1. *Hitt M., Harrison J., Ireland D. R., Best A.* Attributes of successful and unsuccessful acquisitions // *British Journal of Management*. 1998. № 9 (2). P. 91–115.
2. *Chen C., Findlay C.* A review of cross-border mergers and acquisitions in APEC. *Asian-Pacific Economic Literature*, 2003. № 17. P. 14–38.
3. *Deng P., Yang M.* Cross-border mergers and acquisitions by emerging market firms: A comparative investigation // *International Business Review*, 2014. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ibusrev.2014.07.005>.
4. *Chen Y., Huang Y., Chen C.* Financing Constraints, Ownership Control, and Cross-Border M&As: Evidence from Nine East Asian Economies // *Corporate Governance: An International Review*. 2009. Vol. 17, Iss. 6. P. 665–680.

**Эволюция исторической памяти в ФРГ:
изменение отношения к «дезертирам вермахта»**

Нацистская тоталитарная система по своему определению не предполагала существования оппозиции. Привлекательность идеи избранной нации и перспективы расширения жизненного пространства обеспечили НСДАП поддержку большинства немцев. С их молчаливого согласия силовое запугивание и тотальная слежка позволили нацистам эффективно проводить борьбу с инакомыслящими. Однако не все смирились с политикой, проводимой А. Гитлером и его партией. Рискую жизнью, некоторые немцы, как и жители оккупированных стран, противостояли нацизму. Участники подпольных групп, партизанских отрядов и индивидуальных акций протеста получили название Движение Сопротивления.

Социальный и возрастной состав участников Сопротивления в Германии был разнообразный: от студентов-первокурсников до высокопоставленных военных и даже приближенных фюрера. Особое место по количеству составили отказавшиеся от военной службы и солдаты вермахта, дезертировавшие по моральным соображениям. Данная категория получила оскорбительное название «предатели рейха и Германии». На государственном уровне по законам военного времени «дезертиры» осуждались трибуналами: либо на заключение в концлагерь, либо сразу на расстрел.

Даже после поражения нацистской Германии во Второй мировой войне отношение к солдатам-пацифистам не претерпело существенных изменений. Данная ситуация объясняется следующими причинами: во-первых, несмотря на неоднозначность отношения к фюреру и войне, немцы в подавляющем большинстве осуждали солдатскую трусость, которая не имела оправдания в их глазах. Немецкий солдат должен был оставаться эталоном мужественности,

несовместимой с позорным актом «предательства»; во-вторых, некоторые немцы обвиняли антинацистов в военном поражении и подвергали резкой критике и осуждению их деятельность – оппозиционерам приписывали сотрудничество со странами-врагами, борьбу с собственным народом.

Даже в ФРГ, признавшей преступления нацизма и стремившейся к искуплению вины перед другими народами, осужденным за дезертирство из вермахта пришлось бороться за отмену приговоров нацистских трибуналов около семидесяти лет. Бундестаг откладывал вопрос о реабилитации «дезертиров», опасаясь общественной критики.

Постепенно, благодаря политике «проработки прошлого», отношение к «военным изменникам» существенно изменилось – от резко отрицательного к положительному, так как граждане ФРГ осознали значение такой формы сопротивления нацизму. 24 сентября 2009 г. был принят закон, реабилитировавший более 146 тысяч человек. Однако до этого в разных городах Германии уже были поставлены памятники героям сопротивления – «дезертирам» вермахта:

- 15 мая 1998 г. в городе Бернау был поставлен памятник воинам, отказавшимся убивать во имя идеологии, но присягнувшим зову Родины [1];
- 2 сентября 1998 г. на площади Постдама была установлена мраморная скульптура «Мемориал Неизвестному дезертиру» [2];
- в 2009 г. по решению городского совета в Кельне был открыт памятник противникам войны в период национал-социализма. Мемориал установлен на месте бывшего отдела гестапо [3].

Таким образом, благодаря политике «преодоления прошлого», проводившейся последовательно, настойчиво, комплексно в послевоенное время, общественность ФРГ смогла перейти от молчаливого осуждения «предателей рейха и Германии» до почитания «дезертиров вермахта» как

борцов с нацистской тоталитарной системой, оценив их мужество и гражданскую ответственность.

Литература

1. Ein Denkmal, das mahnt und fordert. URL: <http://www.moz.de/artikel-ansicht/dg/0/1/14596> (accessed: 15.03.2016).
2. Deserteurdenkmal (Bonn/Potsdam). URL: <http://mapio.net/o/110115>. (accessed: 15.03.2016).
3. Rossmann A. Der Horizont offen. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/denkmal-fuer-deserteure-der-horizont-offen-1859803.html> (accessed: 15.03.2016).

Политические причины сирийского конфликта

В настоящее время внимание политиков, экспертного сообщества и мировой общественности приковано к положению дел на Ближнем Востоке, и в частности в Сирии. Гражданская война между правительством Сирии и сирийской оппозицией давно стало причиной ряда негативных факторов, оказывающих влияние на весь мир: сирийские беженцы, желающие покинуть зону боевых действий, отправились в Европу, усложнив европейский миграционный кризис, а экономические бедствия, вызванные войной, и кризис идентичности упростили работу вербовщиков в пополнении отрядов различных террористических организаций. Однако до сих пор нет однозначного ответа, что же стало основной причиной самой гражданской войны в Сирии: недовольство режимом Башара Асада со стороны сирийцев, осуществление власти алавитами при суннитском большинстве населения, желание политических акторов устранить союзника Ирана на Ближнем Востоке? Ответ на данный вопрос во многом определяет ответ на другой вопрос: когда сирийский конфликт завершится?

Если определение предмета сирийского конфликта не вызывает особых трудностей – это столкновение интересов и позиций акторов, то до сих пор не утихает дискуссия по поводу определения объекта сирийского конфликта – определения самих интересов и позиций, или другими словами тех причин, которые подтолкнули акторов к разрешению конфликта вооруженным путем.

Как отмечает политолог, специалист в области изучения причин и форм социальных протестов Э. Э. Шульц, в настоящее время существуют два подхода к определению объекта сирийского конфликта: «с одной стороны, налицо объективные причины арабской весны: экономика, социально-демографические факторы, этноконфессиональные конфликты, а с другой

стороны, констатируется заговор, переворот определенных международных акторов» [1].

Критике подвергаются оба подхода. По мнению экономиста С. В. Онучина, исследовавшего переход к нестабильности стабильных социально-экономических систем, бедность, безработица и негативные аспекты авторитаризма являются только предпосылками конфликта, условиями, которые необходимы для его возникновения, но недостаточны [2]. Также можно подойти к рассмотрению этноконфессионального фактора, ведь до конца не понятно, почему разные конфессии раньше мирились с правлением алавитской элиты, а затем резко выступили против нее. В данном случае по аналогии можно сказать, что этноконфессиональные противоречия также являются важным условием, но недостаточным для возникновения конфликта.

Особое внимание исследователи уделяют внешним факторам. Сюда относится и политика региональных акторов Ближнего Востока, и участие в конфликте глобальных акторов. Политолог А. И. Кугай называет причинами участия в конфликте Турции и Израиля желание распада Сирии, Саудовской Аравии и Катара – реализацию газовых интересов, а Ирана, Ливии и Ирака – желание помочь Б. Асаду сохранить суверенитет Сирии. США, ЕС, РФ и Китай, по его мнению, участвуют в конфликте с целью ликвидации террористической угрозы, а также с целью ключевого разрешения вопроса: «кто будет дальше править миром» [3]. В данном случае мы имеем дело с политическими причинами сирийского конфликта, обозначенными на региональном и глобальном уровне как конфликт между «друзьями» и «врагами», в понимании политического теоретика К. Шмитта. Однако остается без однозначного ответа вопрос, способны ли были международные акторы реализовать свой проект по смене власти в Сирии без наличия политических причин конфликта на локальном уровне?

Для разрешения данного вопроса нужно обратиться к событиям 2011 г. в городе Дарья. Именно события в этом сирийском городе произвели, если воспользоваться термином С. Жижека, «политический эффект»: сделали

немыслимый силовой вариант разрешения конфликта мыслимым [4]. Анализируя социальные протесты в Сирии в 2011 г., Э. Э. Шульц отмечает, что причиной сирийского конфликта стало «использование радикальных форм социального протеста в политической борьбе» [4]. Это приближает нас к пониманию политических причин сирийского конфликта на локальном уровне: бескомпромиссность как со стороны оппозиции и международных провокаторов, так и со стороны правительства и насильственные действия сторон, приведшие к смерти людей, разделили сирийский народ на сторонников и противников режима Б. Асада, а также обеспечили возможность международным акторам вмешаться в политический процесс в Сирии. Отсюда и разрешение конфликта зависит от того, в какой момент стороны конфликта поймут, что необходимо прекратить насилие, перестать видеть друг в друге «врагов», чтобы разрешить экономические, этноконфессиональные, демографические и международные проблемы Сирии.

Литература

1. *Шульц Э. Э.* Сирия: к пониманию причин гражданской войны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. М. 2014. № 29 (266). С. 37.
2. *Онучин С. В.* Переход от стабильности к нестабильности в развитии социально-экономических систем (на примере «арабской весны») // Проблемы современной экономики. СПб. 2015. № 1 (53). С. 103.
3. *Кугай А. И.* Гордиев узел сирийского конфликта // Управленческое консультирование. 2016. № 3. С. 41–42.
4. *Жижек С.* О насилии. [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/read/gigek_slavoy/o_nasilii.html#0 (дата обращения: 31.03.2017).
5. *Шульц Э. Э.* Сирия: к пониманию причин гражданской войны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. М. 2014. № 29 (266). С. 38–39.

Особенности окуломоторного поведения у младенцев с недоношенностью

Зрительная стимуляция играет важнейшую роль на ранних этапах развития ребенка. Исследователями установлено, что глазодвигательное поведение может являться одним из первых маркеров атипичного социального научения [1]. В настоящее время наиболее перспективным методом оценки когнитивного компонента визуального восприятия считается регистрация движений глаз – айтрекинг (от англ. eye-tracking).

В ряде работ было показано отставание детей с недоношенностью в эффективности решения задач на слежение за взглядом взрослого. Так, в исследовании Imafuku et al. (2016) недоношенные младенцы 6-и и 12-и месяцев реже смотрели в направлении взгляда экспериментатора и меньше времени затрачивали на рассматривание социальных стимулов в сравнении с контрольной группой [2]. De Schuymer et al. (2011) рассматривали «довербальные навыки», такие как слежение за взглядом, в качестве предпосылок развития вербальных коммуникативных навыков [3]. Задержку речевого развития, часто встречающуюся у детей с недоношенностью, они связывали с меньшим уровнем производительности задач на совместное внимание в 9 и 14 месяцев.

Целью данного исследования было изучение влияния недоношенности на развитие способности к слежению за взглядом.

Были обследованы 15 недоношенных младенцев (10 мальчиков, 5 девочек) в возрасте от 4,8 до 11,47 месяцев по скорректированному возрасту, который вычисляется как разность биологического возраста и количества недель недоношенности. Гестационный возраст внутри группы варьирует от 27 до 36 недель. Средний вес при рождении составлял 1614 ± 406 г.

В контрольную группу вошли 15 младенцев (12 мальчиков, 3 девочки), родившихся в срок, в возрасте от 4,97 до 12,1 месяцев.

Исследование проводилось на базе Лаборатории мозга и нейрокогнитивного развития при Департаменте психологии УрФУ.

Для регистрации движений глаз был использован айтрекер модели SMI RED500 – бесконтактная удаленно контролируемая инфракрасная камера.

Стимульный материал представлял собой шесть видеороликов с тремя объектами: модель (женщина) и две игрушки. Модель привлекала внимание ребенка, смотря вперед, потом переводила взгляд на одну из игрушек, являющуюся в этом случае релевантным стимулом.

Статистическая обработка данных проводилась при помощи программы IBM SPSS Statistics 22. Для оценки глазодвигательного поведения были взяты следующие параметры: процент выполненных проб, длина траектории рассматривания (пиксели), частота саккад (кол-во/с), средняя длительность фиксаций (мс). Проба считалась выполненной, если ребенок фиксировал взгляд на лице модели, а затем переводил его на релевантный стимул. Был применен однофакторный дисперсионный анализ, где в качестве фактора выступала группа.

Были получены значимые различия по длине траектории рассматривания ($p = 0,047$, $F = 4,728$) и частоте саккад ($p = 0,049$, $F = 4,662$).

Средняя длина траектории рассматривания стимулов была меньше в экспериментальной группе (1530,76 пикс против 2209,3 пикс). Данный показатель используется для определения количества информации, воспринимаемой ребенком [4]. Меньшее значение этого параметра может указывать на более локальное восприятие визуальной информации и внимание к деталям у недоношенных детей.

Средняя частота саккад, напротив, у недоношенных испытуемых была выше по сравнению с контрольной группой (15,31 кол/с против 10,6 кол/с). Увеличение частоты саккад связано с эффективным распределением внимания между стимулами [5]. Таким образом, в данном случае недоношенные

младенцы продемонстрировали более зрелое поведение визуального ориентирования.

Не было получено значимых межгрупповых различий по успешности выполнения проб ($p = 0,118$), что свидетельствует о равной способности к распознаванию лиц и слежению за взглядом другого человека в данной выборке.

В целом полученные результаты позволяют заключить, что дети, имеющие в анамнезе недоношенность, обладают специфическими особенностями развития, которые могут проявляться в виде замедленного созревания либо развития, превышающего типичные темпы.

Литература

1. Preterm birth is associated with atypical social orienting in infancy detected using eye tracking / *Telford E. J., Fletcher-Watson S., Gillespie-Smith K., Pataky R., Sparrow S., Murray I. C., O'Hare A., Boardman J. P.* // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2016. № 3. P. 11–18.
2. Preference for Dynamic Human Images and Gaze-Following Abilities in Preterm Infants at 6 and 12 Months of Age: An Eye-Tracking Study / *Imafuku M., Kawai M., Niwa F., Shinya Y., Inagawa M., Myowa-Yamakoshi M.* // *Infancy*. 2016. № 1. P. 1–17.
3. Preverbal skills as mediators for language outcome in preterm and full term children / *De Schuymer L., De Groote I., Beyers W., Striano T., Roeyers H.* // *Early Human Development*. 2011. № 87. P. 265–272.
4. *Барабаничиков В. А., Жегалло А. В.* Айттрекинг: методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике. М. : Когинто-Центр, 2014. 128 с.
5. Gaze aversion during social interaction in preterm infants: A function of attention skills? / *De Schuymer L., De Groote I., Desoete A., Roeyers H.* // *Infant Behavior & Development*. 2012. № 35. P. 129–139.

Венский кружок: интересубъективность науки

Венский кружок – уникальное сообщество ученых, образовавшееся вокруг Морица Шлика в Венском университете. Сначала стихийная, а через небольшое количество времени – хорошо организованная группа приступила к последовательному исследованию, в результате которого появилось новое направление в философии – «логический позитивизм», или «неоэмпиризм». Уникальность Венского кружка заключалась в совершенно новых принципах организации совместной интеллектуальной работы. Венский кружок ставил себе целью создание нового мирового сообщества сходно мыслящих исследователей без географических и культурных границ, увлеченных идеей унифицированной науки.

Большая результативность исследований обеспечивалась общей идейной установкой всех членов кружка, которую сами участники формулировали так: «Общей принципиальной установкой было стремление сделать философию научной. Строгие требования научного мышления должны выполняться философией. Однозначная ясность, логическая строгость и обоснованность в философии необходимы так же, как и в других науках. В ней не должно быть места догматическим утверждениям и бесконтрольным спекуляциям, которые до сих пор широко распространены в философии. Отсюда вытекало отрицание всякой спекулятивно-догматической метафизики. Ее следует отбросить. В этом Венский кружок сближался с позитивизмом» [1, с. 51].

Целью исследования Венского кружка является единая наука. «Это устремление направлено на то, чтобы объединить и взаимно объяснить достижения отдельных исследователей в различных научных областях. Из этой целевой установки вытекает подчеркивание коллективной работы; отсюда и выдвижение на передний план интересубъективной понимаемости; отсюда

проистекает поиск нейтральной системы формул, символики, освобожденной от засорений исторически сложившихся языков; отсюда также и поиск общей понятийной системы» [2, с. 17].

Венский кружок не мог смириться с тем, что языки разных наук не имеют точек соприкосновения. Отдельная наука должна быть включена в единую науку с общей системой понятий. «Единый язык науки должен удовлетворять двум требованиям. Во-первых, он должен быть интересубъективным, что в формальном отношении означает: он должен быть общей системой знаков и правил, а в семантическом отношении означает: он должен для всех обозначать одно и то же. Во-вторых, он должен быть универсальным. Это означает, что каждое предложение любого языка может быть в него переведено и он должен быть такой системой понятий, в которой можно выразить любое положение дел» [1, с. 177]. Для лидеров Венского кружка такой системой понятий сначала должна была стать физика, потому такая теория получила название «физикализм», но в таком языке невозможно было бы выразить все предложения иных областей, поскольку не все законы сводятся к законам физики. Поэтому Карнап впоследствии изменил тезис об унификации и стал говорить о наблюдаемых свойствах вещей и отношениях между ними, вместо системы понятий физики. «Не количественный физикалистский язык, а качественный вещный язык образует единый язык науки» [1, с. 177], таким образом, высказывания о состоянии вещей или положении дел переводятся в высказывания о состояниях или процессах вещного мира. Такой язык должен был устранить любые ошибки при сообщении достижений одного направления в другое и оправдать использование методов одних областей в других.

В результате деятельности Венского кружка прояснилась сущность логики и математики, было разработано соотношение логики и языка, и были проанализированы основоположения опытного познания для создания единой науки, использующей один язык для описания достижений всех отдельных наук, науки, которой чужды противоречия, непроверяемость и субъективность высказанного. Ведь эти высказывания ничего не означают, а являются

выражением некоторого жизненного чувства. «Выражение такого рода чувства конечно же может быть важной жизненной задачей. Но адекватным выразительным средством для этого является искусство, например, лирика или музыка. Если же вместо этого избирается теоретическая языковая форма, то появляется опасность симуляции теоретического содержания там, где его вообще нет» [2, с. 18]. Венский кружок осуществляет в языке изложение, а не выражение, воспроизводит теорию и результат познания, а не любые другие формы словесного творчества.

Литература

1. *Крафт В.* Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. М. : Идея-Пресс, 2003. 224 с.
2. *Карнат Р.* Научное миропонимание – Венский кружок // философско-литературный журнал «Логос». М. : Фонд «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара». 2005. Вып. 2 (47).

Структура организации акционеров в корейских конгломератах на примере компании Samsung

Сейчас Южная Корея является высокоразвитой мировой державой, но такой значительный экономический скачок во второй половине XX века, преобразивший некогда бедную страну, был достигнут благодаря экономической стратегии, опирающейся на создание и развитие крупных конгломератов, которые в Корее называются чеболями.

Особенность чеболей перед остальными конгломератами состоит в том, что данные финансово промышленные группы находятся в собственности определенной семьи и под единым административным и финансовым контролем.

Но каким образом одна семья может удерживать контроль над огромным холдингом? Что бы дать ответ на этот вопрос, был проведен анализ структуры акционеров наиболее известного корейского чеболя, компании Samsung.

В компании и в ее ближайших филиалах в общей сложности трудится четверть миллиона человек, а напрямую от нее и дочерних предприятий по подсчетам местных экономистов зависит благосостояние пяти миллионов корейцев – то есть десяти процентов населения РК. На долю компании приходится 11,7 процента продаж всей корейской экономики и 30 процентов оперативной прибыли. Продажи компании в 2016 году превысили 300 триллионов вон (около 269 млрд долл.), что составляет около 80 % государственного бюджета всей страны. Трудно представить, что такая огромная компания находится под контролем одной семьи, но это действительно так. Данной компанией владеет семья Ли, основным представителем которой является сын основателя компании Ли Гонхи.

В результате обработки данных по крупным акционерам различных компаний, входящих в Samsung Group, можно сделать следующий вывод: ответ на ранее заданный вопрос заключается в самой структуре холдинга, через которую семья Ли осуществляет контроль над Samsung. Анализ структуры собственности компании показал, что Samsung принадлежит семье основателя через два типа собственности: прямые доли отдельных членов семьи и косвенные доли через контролируемые ими компании. Нельзя сказать, что контроль семьи является абсолютным, но их практически невозможно сместить.

Информационно-коммуникационная составляющая современных политических процессов

В современном информационном обществе информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью политики и международных политических процессов, а властные отношения в значительной степени определены рамками коммуникационного пространства, которое формируется посредством медиа. На основе системного подхода Д. Истона, Г. Алмонда, К. Дойча предлагаем воспринимать информационное пространство как «внешнюю среду», в которой субъекты политической коммуникации взаимодействуют разнонаправленно: пользователь – пользователь, пользователь – политические институты, политические институты – пользователь, политические институты – политические институты, и в котором происходят «прямые» и «обратные» связи: «вход – выход» информации. Так, на основе информации, которая поступает из «внешней среды», правительство принимает решения и вырабатывает дальнейшую политику, в которую в свою очередь из-за медийности и большей открытости вовлечена общественность.

В силу информационных возможностей, которые предоставляет интернет, взаимный обмен данными и обратная связь (реакция на поступающую информацию) происходят не только между акторами одной «ячейки» (к примеру, среди пользователей социальных сетей или среди госслужащих), но и между всеми субъектами информационной среды. Иными словами, правительство «обменивается» информацией и принимает решения («обратная связь»), взаимодействуя не только с институтами власти, но и с гражданами, с массмедиа, а акторами, играющими значимую роль, сегодня являются не только институты власти и ТНК, но и СМИ, политически-активные

граждане. При этом в силу того, что «внешняя информационная среда» является эгалитарной, у «неофициальных» акторов и массмедиа есть возможность оказывать влияние на предпочтения и решения различных политических субъектов, в том числе на глав государств. Как отмечает И. Сурма, прибегая к медиадавлению, «малые группы могут оказывать существенное влияние практически на неограниченное количество людей» [1].

Таким образом, интернет и массмедиа сегодня не только сфера распространения информации и инструменты коммуникации, но и своего рода информационно-коммуникационная подсистема политической системы, которая предоставляет гражданам возможность быть политически активными и выражать свою позицию, а представителям власти использовать медиа как инструмент для реализации политических целей. Отметим, что коммуникация и влияние на общественное мнение могут происходить не только между субъектами одной политической системы, но и между субъектами разных политических систем, как среди граждан различных стран, так и среди представителей власти. Таким образом, важным свойством политической коммуникации как в рамках одного государства, так и на глобальном уровне являются практические безграничные возможности по выстраиванию сетей взаимодействия посредством современных медиа.

Развитие информационно-коммуникационных технологий повлияло не только на способ коммуникации граждан, став неотъемлемой частью общественной жизни, но и на внутривнутриполитические процессы и мировую политику в целом, обозначив несколько тенденций: попытки властей ограничивать интернет и манипулировать общественным мнением, появление новых акторов и, как следствие, перераспределение власти и бóльшая прозрачность и медийность политики, так как легитимность власти во многом формируется посредством грамотного выстраивания коммуникации с гражданами.

Как нам представляется, данные тенденции будут только усиливаться. Так, попытка властей ограничивать интернет и следить за гражданами будет

возрастать как на законодательном, так и на техническом уровнях. При этом частная жизнь людей в связи с развитием интернета будет полностью «прозрачна». Имея столь полные сведения о гражданах, изучать поведение и манипулировать общественным мнением станет проще, формируя видимость прозрачности принимаемых решений и создавая ощущение легитимности. С другой стороны и политические процессы, и действия политиков становятся более публичными: в сеть попадают документы, не предназначенные для широкой общественности: приватная переписка первых лиц государств, данные о сделках, договоренностях, доклады, расследования журналистов и некоммерческих организаций. Появление таких акторов, как команда Wikileaks, Эдвард Сноуден, консорциум журналистов, также, вероятно, повлияют на политические процессы, создав прецеденты для последователей, отстаивающих право на защиту личных данных, и случаев глобального распространения информации.

Литература

1. *Сурма И. В.* Глобальный наднациональный актор международных отношений и его социальная философия // *Мировая политика*. 2013. С. 145.

Противопоставление духовных и материальных ценностей в тетралогии «Кольцо Нибелунга» как центральная тема творчества Р. Вагнера

В 1933 г. к власти в Германии приходит НСДАП. Для популяризации своей идеологии партия использовала все возможные методы и апеллировала к национальным традициям. Инструментами пропаганды и символами национал-социализма стали шедевры народного творчества, искусства и древние символы. Иногда нацисты цинично искажали или интерпретировали в своих интересах великие произведения искусства, заявляя о близости мировоззрения их создателей. Необходимость выяснения истинного замысла авторов произведений, использованных нацистами, остается актуальной научной проблемой.

В данной статье внимание акцентируется на теме ассоциирования творчества Р. Вагнера и социально-политических взглядов национал-социалистов. Целью исследования является изучение главных идей центрального произведения композитора «Кольцо Нибелунга». Несмотря на то, что творчество и мировоззрение Р. Вагнера изучали выдающиеся ученые России и Германии (в т. ч., А. Лосев и Г. Галь [1]), некоторые аспекты остались за пределами внимания. Объект данного исследования – система ценностей и мироощущение Р. Вагнера. Предмет – взгляды композитора, отраженные в тетралогии «Кольцо Нибелунга». Особенность авторского подхода заключается в углубленном анализе причинно-следственных связей сюжета. Для изучения либретто используется культурно-исторический метод, позволяющий понять причины акцентирования композитором тех или иных ценностей.

В произведениях Р. Вагнера отражены его собственные переживания и опасения, вызванные происходившими в Германии переменами: начавшаяся

в XIX в. индустриализация оказала сильное влияние на общественные ценности. Люди больше ориентировались на материальные ценности, менее прочными стали семейные и религиозные узы, появился эффект социальной атомизации [2].

Второй особенностью мироощущения немецкого общества в данный исторический период является «открытие в себе немца». Завоевания и политические преобразования, осуществленные Наполеоном, способствовали росту национального самосознания немцев. С распадом Рейнского союза общество стало требовать проведения обещанных либеральных реформ. Кроме того, появились мысли об объединении, распространялись революционные идеи. Напряжение в социуме вылилось в революцию 1848–1849 гг., в которой Р. Вагнер принимал непосредственное участие [3].

Происходившие события и процессы оказали значительное влияние на творчество Р. Вагнера. Осенью 1848 г. композитор приступил к написанию оперы «Смерть Зигфрида». Работа над всей тетралогией заняла четверть века. За это время взгляды автора менялись. Большое влияние на Р. Вагнера оказала философия А. Шопенгауэра и дружба с Ф. Ницше.

Образ Зигфрида был воспет революционерами того времени – он олицетворял борьбу за свободу и либеральные ценности. Однако для Р. Вагнера Зигфрид являлся не только образом революционера. Композитор не придерживался, по мнению А. Лосева, какого-либо четко выраженного политического течения. Зигфрид для Р. Вагнера был символом истинных ценностей, которые оказались забытыми в современном ему времени. Герой – это проявление доблести и истинной любви, и он готов очистить мир от корысти и жадности. Антагонистом Зигфрида является Хаген, сын нибелунга Альбериха, проклявшего любовь в обмен на золото и власть.

Сюжет тетралогии развивается вокруг мифического артефакта «золото Рейна», заполучив которое нибелунг сковывает кольцо, обладающее силой подчинить весь мир. Жадной этого золота охвачены и люди, и боги. Когда верховный бог Водан узнает о существовании кольца, его захватывает желание

заполучить его. Всеобщая борьба за золото Рейна олицетворяет силу материальных ценностей, актуальных для всех слоев населения.

Золото проклято Альберихом, лишенным своих богатств, и сеет раздор. В борьбе за золото один из братьев-великанов Фафнер убивает другого. Такие черты людей, как хитрость, лживость, лицемерие и эгоизм Р. Вагнер называет союзниками алчности и жадности власти. Композитор подчеркивает, что именно бог огня и коварства Логе помог жадному Альбериху своим пламенем сковать кольцо.

Р. Вагнер раскрывает трагедию противостояния любви и алчности поведением Вотана. Он нуждается в любви, но готов ею пожертвовать ради могущества. Вотан оказывается драматической фигурой: в конце тетралогии он осознает неминуемость гибели из-за жадности и ошибок прошлого. Композитор придает проблеме космологический характер, повествуя речью Вотана о том, как он, Всеотец, на заре времен отломил ветвь Мирового Древа Иггдрасиль и сделал из нее копьё. Из-за этого дерево высохло, что стало предвестием конца эры богов.

В истории противостояния Зигфрида и Хагена композитор описывает наивысшую точку борьбы алчности и любви. Хаген одолевает Зигфрида хитростью и обманом. Трагические взаимоотношения Зигфрида и Брунгильды представляют собой жертву чистой любви во имя уничтожения алчности этого мира. Тетралогия заканчивается тем, что Брунгильда с телом мертвого Зигфрида сгорает на всеобъемлющем костре. Пламя достигает Вальгалы, стены которой (по приказу Вотана) были выложены бревнами из Иггдрасиля, и испепеляет богов [4].

Г. Галь подчеркивает, композитора волновало, что современное ему искусство стало предметом «купли и продажи». В 1850 г. Р. Вагнер пишет статью «Еврейство в музыке», в которой оскорбительно высказывается о способностях евреев к искусству [5]. Критикуя, Р. Вагнер затрагивает тему жадности, но делает акцент на всесторонней антипатии к семитам и отсутствию у них народной целостности, которая, по мнению композитора, дает силы поэту

создать шедевр искусства. Однако эти идеи не нашли отражения в «Кольце Нибелунга». Центральной темой тетралогии является борьба любви и алчности. В то время как идеология национал-социализма строилась на расовых теориях, пангерманизме и милитаризме. Нацисты могли лишь использовать имя и произведения великого композитора для усиления пропагандистского эффекта. Однако даже в нацистской Германии дискуссии об операх Р. Вагнера не прекращались – это свидетельствует о символической сложности и моральной содержательности его произведений, которые остались непонятны национал-социалистам [6].

Литература

1. *Лосев. А. Ф.* Исторический смысл эстетического мировоззрения Рихарда Вагнера // Рихард Вагнер. Избранные работы. М., 1978. С. 7–48.
2. *Галь Г.* Три мастера – три мира. Рихард Вагнер. URL: <http://wagner.su/node/92> (дата обращения 10.03.17).
3. *Шульце Х.* Краткая история Германии. М., 2004.
4. *Кенигсберг А.* Рихард Вагнер 1813–1883. Л., 1972.
5. *Вагнер. Р.* Северная сага о Нибелунгах // Мифология германских богов. Северная сага о Нибелунгах. М., 2013. С. 33–158.
6. *Вагнер Р.* Еврейство в музыке. URL: <http://knigosite.org/library/read/88728> (дата обращения 10.03.17).
7. *Рудницкий Е.* Музыка и музыканты Третьего рейха. М., 2016.

Отражение миропонимания древних обществ в погребальном обряде

В изучении археологических культур особое место уделяется погребальному обряду (ПО), который традиционно рассматривается как одна из важнейших характеристик при исследовании погребальных комплексов [2, с. 154]. ПО включает действия, совершенные до погребения, во время похорон и постпохоронный период. Причем в архаичных обществах уживаются две противоположные тенденции – стремление сохранить тело усопшего и желание избавиться от плоти [2, с. 155]. На разных этапах развития общества ПО различался, зависел от многих причин и условий, обладал локальным своеобразием [4, с. 70]. В первую очередь, он зависел от миропонимания того или иного социума, которое было обусловлено образом жизни людей в соответствующей окружающей среде, а также степенью развития самого общества и его культурного окружения. Предполагаемая способность обрядов захоронения нести информацию о половозрастных, социальных, идеологических, этнических различиях древнего населения повышает интерес к погребальным памятникам как к сложным, многоплановым источникам для антропологических, палеодемографических, палеосоциологических, этногенетических исследований, в том числе основанных на результатах изучения ДНК [3, с. 112]. Хотя чаще всего, изучая погребальные комплексы, археологи определяют два способа обращения с телом умершего: «трупосожжение» и «трупоположение». С другой стороны, французский этнограф Ж. Монтандон выделяет восемь способов обращения с умершими [5, с. 165]. По В. А. Алекшину, в ПО выделяются два взаимосвязанных компонента, один из которых характеризует ритуальную сторону и включает в себя набор традиций, а другой – характеризует общественное положение умершего и соответственно, состоит из материальных элементов: погребальное

сооружение, набор инвентаря и позы умершего [1, с. 3–9]. Эти два компонента в совокупности и составляют ПО любой археологической культуры. Однако археолог не может в полной мере реконструировать ПО детально из-за плохой сохранности костных останков, отсутствия в ранних погребениях погребального инвентаря и т. п. В качестве перспективного направления исследования может быть определена трансформация взглядов на переход человеческого тела и души из мира живущих в мир мертвых, отраженная в ПО средневекового населения Нижнего Приобья. Если в дорусское время количество захороненных по обряду кремации и ингумации было почти равным, то после вхождения региона в состав Московского государства первые практически исчезают. Это могло быть обусловлено как «замирением» Сибири, что привело к спаду военной напряженности и деструкции прежней социальной организации аборигенов, так и христианизацией местного населения. Таким образом, ПО несет в себе не только информацию о социальной жизни общества, но и об особенностях его миропонимания. Изучение погребальных памятников позволяет проследить становление и развитие той или иной археологической культуры, а также выявить общее и особенное в эволюции ПО на изучаемой территории и в прилегающих к ней районах.

Литература

1. *Алекишин В. А.* Погребальный обряд как археологический памятник // КСИА. М. : Наука. 1981. № 167. С. 3–9.
2. *Грачева Г. Н.* Погребальный культ // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. М. : Наука, 1993. Вып. 5. С. 154–158.
3. *Данченко Е. М.* Погребальный обряд как культурный и этнический маркер в археологии // Сибирский сборник погребальных обрядов народов Сибири и сопредельных территорий. СПб. : МАЭ РАН, 2009. Кн. 1. С. 112–117.
4. *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов : Изд-во Ростовского ун-та, 1983. 224 с.
5. *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М. : Политиздат, 1990. 622 с.

**Декрет о печати от 27 октября (9 ноября) 1917 года
как исторический источник**

100 лет назад, 27 октября (9 ноября) 1917 г., Советом Народных Комиссаров [1] был принят Декрет о печати, согласно которому подлежали закрытию все органы прессы, призывавшие к сопротивлению или неповиновению правительству, сеявшие смуту, толкавшие к действиям преступного характера. Декрет был опубликован 28 октября (10 ноября) в «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства», «Известиях», «Правде».

В Декрете действия СНК мотивировались тем, что молодое государство не может противостоять буржуазии и ее печати; подчеркивалось, что пресечение деятельности инакомыслящей печати – временная мера, «всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону», даже в критические моменты «стеснение печати допустимо только в пределах абсолютно необходимых».

Согласно Декрету, закрытию подлежали издания, призывающие к открытому сопротивлению, неповиновению новому правительству или к деяниям преступного характера, а также сеющие смуту путем извращения фактов.

6 (19) ноября собрание уполномоченных Союза рабочих печатного дела, руководимое меньшевиками, начало всеобщую забастовку протеста против закрытия газет. Центральные комитеты меньшевистской и эсеровской партий, Петроградская городская дума, Союз рабочих печатного дела создали «Комитет

борьбы за свободу печати». Однако забастовка не состоялась, поскольку ее не поддержало большинство полиграфистов [2].

Оппозиционные большевикам издания сравнивали декрет о печати с царскими цензурными правилами 1890 [3] года и указывали на их сходство по содержанию [4]. На основании «Декрета о печати» с октября 1917 по июнь 1918 года были закрыты или прекратили существование более 470 оппозиционных газет [5].

В первую очередь были ликвидированы издания, выражающие интересы крупного капитала и его политических партий. Наряду с их закрытием, советская власть стремилась подорвать материально-финансовую базу небольшевистских газет, так как последние имели в своем распоряжении хорошо оборудованные типографии, запасы бумаги и квалифицированные кадры.

В Петрограде были закрыты крупнейшие небольшевистские типографии, где печатались газеты «Речь», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Русская воля», «Петроградский листок», «Новая Русь», «Живое слово», «Копейка» и др. В Москве у владельцев были изъяты типографии газет «Русское слово», «Русские ведомости», «Раннее утро», «Московский листок» и др. Были конфискованы типографии в Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Одессе, Харькове и других городах.

Пресса пыталась сначала бороться. Закрытые газеты выходили под другими названиями, продолжали публиковаться и объявления. Однако репрессии большевиков день ото дня нарастали. В ноябре-декабре 1917 г. было закрыто более 120 изданий [6], а впоследствии декретом от 28 января (10 февраля) 1918 г. был создан Революционный трибунал печати, который рассматривал преступления органов печати и отдельных лиц, совершенных против народа путем использования печати, то есть «сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни» [7]. В результате его деятельности в Петрограде уже к июлю 1918 г. почти все буржуазные газеты

были закрыты. Тогда же были созданы комиссариаты агитации, пропаганды и печати – первые органы централизованного руководства печатью.

Литература

1. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 24.
2. *Жирков Г. В.* Советская цензура периода комиссародержавия 1917–1919 гг. // История цензуры в России XIX–XX вв. : учеб. пособие. М., 2001. С. 48.
3. Устав о цензуре и печати 1890 г. / сост. В. П. Ширков. СПб., 1900. 302 с.
4. *Молчанов Л. А.* Цензура газет. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М., 2002. С. 189.
5. *Жирков Г. В.* Советская цензура периода комиссародержавия 1917–1919 гг. // История цензуры в России XIX–XX вв.: учеб. пособие. М., 2001. С. 51.
6. *Гурьев А. И.* Как закалялся агитпроп: Система государственной идеологической обработки населения в первые годы НЭПа. СПб., 2010. С. 263.
7. *Кузнецов И. В.* История отечественной журналистики (1917–2000). М., 2002. С. 154.

Проблемы формирования статистической базы для сравнительного международного анализа инновационной деятельности

Одной из серьезных проблем, с которыми сталкиваются исследователи при оценке прогресса страны или региона в инновационной деятельности по сравнению с другими странами, является отсутствие сопоставимой статистики для проведения сравнений. Проведенные нами ранее такие оценки показали сложности в нахождении и подборе сопоставимых данных по широкому кругу показателей [1–2]. В настоящее время в сборниках Росстата [3] в разделе «Наука и инновации» содержатся статистические данные по таким показателям, характеризующим эффективность инновационной деятельности, как поступление патентных заявок и выдача патентов в России, использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в России, разработанные передовые производственные технологии по степени новизны (за ряд лет – с 2010 по 2015 и как база для сравнения – 2000 год), используемые передовые производственные технологии по продолжительности периода их внедрения за последние годы начиная с 2010, торговля технологиями с зарубежными странами по ряду показателей (объекты сделок, сектора деятельности, формы собственности организаций, виды экономической деятельности, области назначения предмета соглашения). Эти данные применимы для проведения исследований российских регионов, однако для международных сопоставлений по оценке уровня инновационного развития они не подходят.

Дело в том, что такой важный оценочный показатель, как патентная деятельность, имеет различия в расчетах по странам и системам права.

В настоящее время за рубежом для анализа темпов, уровня и результатов инновационного развития используются сведения Всемирной патентной

статистической базы данных (PATSTAT – Patent statistics databases). Также при оценке инновационного развития стран и регионов используются данные Европейского патентного офиса (EPO – European Patent Office) [4], Бюро по патентам и торговым маркам США (USPTO – United States Patent and Trademark Office) [5], а также Японского патентного офиса (JPO – Japanese Patent Office) [6]. Объединение статистических данных этих трех патентных систем в рамках методики, разработанной OECD (Организация экономического сотрудничества и развития), привело к появлению понятия «триада патентных семей» («triadic patent families»), расчеты по новой методике ведутся с 2002 года [7]. Именно эти данные в настоящее время используются для проведения сравнительного международного анализа [8]. Евростатом (Eurostat) разработан порядок включения данных различной патентной статистики в оценку инновационной деятельности в соответствии с секторами Номенклатуры статистических данных экономической деятельности в ЕС (NACE – Nomenclature statistique des Activites economiques dans la Communaute Europeenne) и в соответствии с Международной стандартной классификацией промышленности (ISIC – International Standard Industrial Classification) в виде методики ISIC-NACE correspondance [9, с. 222–223]. Однако этих данных не достаточно для получения исчерпывающей оценки уровня и эффективности инновационной активности.

Основными источниками статистических данных об инновационной деятельности в зарубежных странах являются Глобальные инновационные индексы Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO – World Intellectual Property Organization) [10] и информация Евростата по вопросам науки, технологий и инноваций в Европе [11]. Однако эти данные не всегда сопоставимы с российскими, что затрудняет проведение международных сопоставлений. Все это требует поиска дополнительной информации и проведения достаточно сложных расчетов, что не всегда выполняется отечественными исследователями. Это вносит искажения в полученные на основании таких расчетов результаты исследований

и не может служить надежным основанием для разработки рекомендаций по стимулированию инновационной деятельности в стране.

Литература

1. Мингалева А. Д. Тенденции развития инновационной деятельности в Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3–1. С. 1045–1048.
2. Мингалева А. Д. Тенденции патентной деятельности в России // Экономика и предпринимательство. 2016. № 4–2. С. 551–553.
3. Росстат России: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations (дата обращения: 25.03.2017).
4. European Patent Office (EPO). URL: <http://www.epo.org> (дата обращения: 25.03.2017).
5. United States Patent and Trademark Office (USPTO). URL: <http://www.uspto.gov> (дата обращения: 25.03.2017).
6. Japan Patent Office. URL: <http://www.jpo.go.jp> (дата обращения: 25.03.2017).
7. URL: <http://www.epo.org> (дата обращения: 25.03.2017).
8. URL: <http://www.uspto.gov> (дата обращения: 25.03.2017).
9. URL: <http://www.jpo.go.jp> (дата обращения: 25.03.2017).
10. OECD triadic patent families. OECD. 2004.
11. OECD. URL: <https://data.oecd.org/rd/triadic-patent-families.htm> (accessed: 25.03.2017).
12. Patent applications to EPO by priority year. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=0,1136250,0_45572555&dad=porta1&schema=PORTAL under Science and Technology / Patent statistics (accessed: 25.03.2017).
13. The Global Innovation Index 2015. Effective Innovation Policies for Development. (2015). Geneva, Switzerland, the World Intellectual Property Organization. URL: www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_gii_2015.pdf; www.globalinnovationindex.org (accessed: 25.03.2017).
14. Science, technology and innovation in Europe. Eurostat. Pocketbooks. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2013. 148 p.

Информационный поворот в философии

Сегодня мы являемся свидетелями информационной революции. Ее результаты для нас очевидны: за последние 10–15 лет мир оказался буквально «обернутым» в информационные технологии, которые стали его витальным элементом и нашей средой обитания [1]. Тем не менее информационная революция начала свое развитие еще задолго до появления интернета. Соответственно, сопутствующий ей философский дискурс зародился вместе с ней, но также оказался очевидным и признанным только сейчас, вместе с ее результатами.

Этот дискурс сегодня является отдельной дисциплиной под названием Философия информации (далее ФИ), знаменующей собой информационный поворот в философии. Она определяется как область философии, занимающаяся критически исследованием концептуальной природы и основных принципов информации, включая ее динамику и использование, а также разработку и применение информационно-технических и вычислительных методологий к философским проблемам [2]. Ее основная ценность для нынешнего общества и философии заключается в том, что она рассматривает информацию как такое фундаментальное и важное понятие, какими являются бытие, жизнь, знание и значение, разум и интеллект, добро и зло – все основные понятия философии, с которыми она взаимосвязана [2]. ФИ утверждает, что информация предшествует любому из этих понятий и таким образом является не просто одним из фундаментальных, а «фундирующим» понятием. Однако прежде чем ее ценность была принята философским сообществом, ФИ проделала долгий путь от междисциплинарного поля исследований до самостоятельной философской дисциплины.

Интерес философов к информационным технологиям начинается еще в 1930-х с появлением работы Алана Тьюринга: в течение последующих пятидесяти лет кибернетика, информационная теория, искусственный интеллект, теория систем, компьютерная наука, привлекли значительное внимание философов, особенно с точки зрения искусственного интеллекта [2]. С появлением первых вычислительных машин, философов стали занимать в первую очередь этические вопросы, связанные с развитием информационных технологий. Помимо этических возникло и множество других философских вопросов, чьи группы редко были связаны воедино и являлись более междисциплинарными и не представляли самостоятельных областей исследования.

Они лишь подготовили почву для независимой области исследования и нового подхода в философии, но до 1980-х сами не смогли создать ее зрелую и влиятельную программу: философское и научное сообщества были еще не готовы к ее развитию так же, как и культурные, и социальные контексты [2]. До середины 1980-х было множество сильных исследовательских программ, особенно в философии языка (логический позитивизм, аналитическая философия, философия постмодерна, деконструкционизм, герменевтика, прагматизм), которые привлекали большую часть интеллектуальных и финансовых ресурсов, держали довольно жесткую программу и едва ли способствовали развитию альтернативных парадигм. Культурный и социальный контексты нуждались в еще одном этапе информационной революции – появлении интернета, – с которым возникло целое поколение компьютерно-грамотных студентов, преподавателей и исследователей, а также произошли существенные изменения в структуре общества, радикальные преобразования в культурной и интеллектуальной среде [2]. Развитые общества и западная культура должны были претерпеть цифровую коммуникационную революцию прежде, чем иметь возможность оценить в полном объеме радикальную новизну парадигмы ФИ.

К середине 1980-х философское сообщество в полной мере ознакомилось с философией информации и приняло ценность ее методологий и теорий. Информационные и вычислительные концепты, методы, техники и теории стали мощными метафорами, действующими в качестве герменевтических инструментов интерпретации мира. Они установили мета-дисциплинарный унифицированный язык, который стал общим во всех академических предметах, в том числе и в философии [2]. Это говорит о том, что информационный поворот в философии произошел благодаря диалектическому взаимодействию трех сил: замкнутости или схоластицизма действующих парадигм, инноваций в социальных и культурных контекстах и возникновение релевантных этим изменениям новых областей исследований, методологий, теорий и гипотез.

Главной задачей философии информации сегодня является развитие интегрированного «семейства» теорий, которые анализируют, оценивают и объясняют различные принципы и понятия информации, их динамику и использование, а также уделяют особое внимание системным проблемам, возникающим от различных контекстов применения и соединений с такими ключевыми понятиями философии, как знание, истина, значение, реальность и этические ценности [2]. Философия информации делает для XXI века то же самое, что, например, философы века научной революции делали для XVII века. Она смотрит на проблемы, возникающие из развития информационных технологий внутри новой среды – информационного общества, – и пытается создать концептуальный анализ и синтез этих проблем.

Литература

1. *Floridi L.* Children of the Fourth Revolution // *Philosophy and Technology*. 2011. Vol. 24 (3). P. 227–232.
2. *Floridi L.* What is the philosophy of information? // *Metaphilosophy*. 2002. Vol. 33 (1/2). P. 123–145.

Публичная дипломатия – новое оружие в информационной войне?

Традиционно дипломатия оставалась уделом узкого круга профессионалов, а термин «публичная дипломатия» был введен в научный оборот лишь в 1965 г. американским профессором Эдмундом Галлионом. Однако благодаря стремительному развитию информационно-коммуникационных технологий и пространства Интернет роль публичной дипломатии стремительно растет, во многом она стала дипломатией превентивной, способной оказывать влияние на повестку дня [1].

Традиционно принято считать, что публичная дипломатия является неотъемлемым элементом «мягкой силы» государства, создающим позитивный образ страны за рубежом. Джозеф Най выделяет ценности, культуру и политику как источники, на которых основывается «мягкая власть» государства [2]. Публичная дипломатия является инструментом распространения информации об этих источниках.

В настоящее время *публичная дипломатия* – это многоуровневая эффективная система взаимодействия государств с зарубежными обществами как в политических, так и в «просветительских» целях. Она осуществляется через специально созданные правительственные органы внутри и за рубежом, используя следующие инструменты:

- цифровая и культурная дипломатия;
- научные и образовательные обмены;
- программы помощи нуждающимся странам;
- инициативы негосударственных акторов;
- задействование известных личностей;
- мероприятия по повышению престижа государства в мире.

В информационном пространстве, в особенности во время острых кризисов и конфликтов, наблюдается борьба за восприятие общественностью информации. Государства активно начинают задействовать публичную дипломатию как основное средство достижения своих внешнеполитических целей. На практике публичная дипломатия склонна превращаться в пропаганду или саморекламу. *Пропагандой* принято считать одностороннюю преднамеренную попытку оказать влияние на восприятие и общественное мнение, а также манипуляцию сознанием и поведением людей для того, чтобы получить желаемый отклик от своей целевой аудитории [3].

Рассматривая реализацию публичной дипломатии США в XXI в., российские авторитетные исследователи такие, как: М. М. Лебедева, Н. А. Цветкова, А. И. Кубышкин, Т. В. Зонова, О. А. Манжулина склонны оценивать публичную дипломатию скорее как *диалоговую пропаганду*. По мнению Н. А. Цветковой, такая пропаганда предусматривает двусторонний обмен информацией с объектами воздействия (а не традиционную одностороннюю агитационную деятельность), что повышает силу воздействия на целевую аудиторию. В работах этих ученых также акцентируется внимание на том, что публичная дипломатия является неким синтезом ценностей, пропаганды, имиджевых и маркетинговых технологий.

Зарубежные исследователи публичной дипломатии стараются разграничивать понятия публичная дипломатия и пропаганда и оценивать публичную дипломатию как позитивный инструмент. Д. Коупленд и Н. Сноу полагают, что публичная дипломатия использует менее манипулятивные способы, чем пропаганда. По их мнению, в отличие от пропаганды публичная дипломатия не содержит явный негативный контекст. Кроме того, публичная дипломатия может рассматриваться как инструмент, используемый, скорее, обществом, чем государственными структурами. Так, в своей монографии 2005 года о публичной дипломатии коллектив зарубежных авторов рассматривает ее как процесс общения с зарубежными обществами, в котором

зарубежной аудитории стремятся разъяснить идеи, идеалы, институты, культуру, а также политические цели своей страны [4].

В целом публичная дипломатия как неотъемлемый элемент «мягкой силы» является положительным инструментом реализации политики государства. Она развивается параллельно со средствами информационно-коммуникационных технологий, тем самым подстраиваясь под современные реалии системы международных отношений.

Публичная дипломатия активно исследуется в Соединенных Штатах и других развитых странах. Она часто используется как база для выстраивания диалога с иностранной общественностью. Российская школа публичной дипломатии формируется в настоящее время.

Литература

1. *Цветков А. Ю.* Публичная дипломатия как ресурс внешней политики: проблема эффективности // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 6. Вып. 3. С. 111.
2. *Nye Joseph S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power // Basic Books. 1990. P. 336.
3. *Jowett, Garth S.* Propaganda and persuasion 4-th ed., California: Sage Publications. 2006. P. 426.
4. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. / ed. by Jan Melissen. Palgrave MacMillan, 2005. P. 12.

Проблемы археографического описания электронных копий архивных документов в виртуальных архивах

Развитие Интернет-технологий вкупе с необходимостью удовлетворения исследовательского интереса пользователей в архивной среде порождает такую новую форму представления архивных документов, как электронные (виртуальные) архивы, содержащие документальные собрания выдающихся ученых, деятелей культуры. Такие проекты интегрируют в одном ресурсе базы данных описаний (электронные копии бумажных оригиналов описей документов) и оцифрованных копий архивных документов, информационно-поисковые средства к ним, документальные публикации и справочные издания по соответствующей тематике.

Массив электронных копий архивных документов должен сопровождаться их археографически полным и точным описанием. Следует отметить, что к настоящему моменту российская архивная наука не выработала единые подходы к публикации электронных копий документов [1]. Виртуальные архивы являют собой пример практической реализации наиболее распространенного мнения относительно состава элементов описания оцифрованных копий архивных документов. Такой вариант визуализации архивного документа (исторического источника) в электронной среде предполагает представление его электронной копии в сопровождении краткой информации об оригинале документа.

Наиболее полный состав описания документов используется в «Объединенном электронном архиве Ивана Бунина», «Творческом архиве Анны Ахматовой», а также на портале «Автограф», который содержит электронные архивы поэтов Серебряного века. К элементам археографического описания здесь относятся: название документа, краткая аннотация, автор

документа (отсутствует в первых двух архивах), дата (период) создания, метод исполнения (способ воспроизведения), место хранения, архивный шифр, количество цифровых копий документа.

Создатели виртуального «Архива академика А. П. Ершова» добавили элемент описания, более нигде не встречающийся, – тэги, по которым предоставляется возможность искать документы, включенные в архив и связанные по тематике, персоналиям, периоду времени, организациям.

Минимальная справочная информация к архивным документам предложена на сайте «Виртуальный архив Варлама Шаламова». Археографическое описание сводится к указанию названия документа, место хранения (РГАЛИ) и архивного шифра.

Качество электронной копии в цифровой среде должно обеспечиваться, помимо описания подлинника исторического источника, самостоятельным описанием его цифровой копии. Необходимо подчеркнуть, что в рамках рассматриваемых виртуальных архивов полностью не реализовано даже описание подлинников. Отсутствуют характеристики носителя, информация о его физических размерах, писчих материалах, тех деталях, которые не видны пользователю. Однако все эти данные являются крайне важными при проведении источниковедческого анализа.

В содержание развернутого описания электронной копии должны быть включены сведения технического и технологического свойства, характеризующие копию как самостоятельный физический объект, информацию об объекте, с которого сделана копия (если это не оригинал), данные, описывающие процедуру создания (редактирования) публикуемой копии.

Позитивным примером может служить информационный ресурс «Свитки Мертвого моря» [2], посвященный Кумранским рукописям. На сайте для каждого документа указывается не только место находки, тип письма, тип произведения, язык, исторический период, материал, но и дата, тип снимка, условия оцифровки, фамилия фотографа (соблюдение авторского права), сторона (лицевая/оборотная).

Создатели виртуальных архивов позиционируют их как объективную исследовательскую площадку, позволяющую «ученым работать с полностью идентичной подлиннику электронной копией рукописи, познакомиться с особенностями почерка, нажимом пера, последовательностью и непоследовательностью записей, всем тем, что называется «живой текст» [3]. Однако набор указанных описательных данных к документам не позволяет сделать вывод о степени адекватности электронной копии подлиннику, ее полноты, достоверности и репрезентативности. Авторы проектов фактически приравнивают доступ к архивным документам с помощью сайтов к научным публикациям, который должен заменить работу с подлинником. Представляется, что на публикации электронных копий документов в сети Интернет должны распространяться соответствующие требования, предъявляемые к традиционным способам ввода архивных документов в научный оборот (согласно «Правилам издания исторических документов в СССР», переработанным и дополненным в 1990 г. [4]).

Литература

1. *Крайнева И. А.* Архивные ИС – инструмент актуализации исторической идентичности и реконструкции биографического нарратива // Исторические исследования в цифровую эпоху: информационные ресурсы, методы, технологии: материалы XV Междунар. конф. Асс. «История и Компьютер». Москва–Звенигород, 7–9 октября 2016 г.
2. Свитки Мертвого моря // Фонд Леона Леви. Израильское управление древностями. URL: http://www.deadseascrolls.org.il/learn-about-the-scrolls/scrolls-content?locale=ru_RU (дата обращения 10.03.17).
3. Портал «Автограф» [Электронный ресурс]. URL: <http://literature-archive.ru/ru> (дата обращения 10.03.17).
4. Правила издания исторических документов в СССР / Главархив СССР, ВНИИДАД, АН СССР, Ин-т истории СССР, Археогр. комис. ИМЛ при ЦК КПСС, Гос. ком. СССР по печати, МГИАИ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1990. 187 с.

Кризис индивидуализма в современном мире как симптом отторжения глобализма

В XX веке за глобальное доминирование боролись три масштабных идеологии: либерализм, социализм и фашизм. Либерализм вышел победителем и утвердился в качестве норматива, а в награду получил право представлять модерн. Неотъемлемой чертой либерализма и одной из его главных ценностей является индивидуализм. Индивидуум, от латинского *individuum* – неделимое, понятие, имеющие свои корни в атомарной теории Демокрита и его материалистической философии. Кроме того, индивидуализм неотделим от свободы. В итоге идеальный тип индивидуализма это: свободный рациональный собственник, созидаящий себя в своем историческом развитии [1]. Но критический поход к исследованиям индивидуализма позволяет увидеть его кризис. Выражается он в широком спектре негативных социальных явлений.

Во-первых, это появление новых депривированных групп. NEET (Not in Education, Employment, or Training) – индивиды без образования работы и трудовых навыков, термин, использующийся в западной и восточно-азиатской (Южная Корея, Япония, Тайвань, Китай) социологии, наряду с термином хикикомори, распространенным преимущественно в Азии. Эти люди вырваны из социальной жизни и одна из причин этого фактора – либеральная глобализация.

Во-вторых, это та неясность и неопределенность, которая преследует людей. Британский социолог З. Бауман пишет о ней как о переходе от структурированного мира к миру гибкому, текучему. Это можно выразить как кризис личности, самоидентификации. Признаками можно считать: кризис института семьи, социальную отчужденность и одиночество отдельного

человека, особенно в крупных городах, а также тенденции в развитии частной психологии.

Капиталистический ритм жизни вместе с образом свободного индивидуума, основой которого является получение прибыли, не оставляет людям времени остановиться, сбавить темп, задуматься о том, куда они мчатся. Так, по мнению российского философа А. Г. Дугина, это дорога в бездну. Кризис индивидуализма, выраженный данными факторами – это симптом неприятия глобализма. При этом важно отметить, что проявляются эти симптомы не только в обществах максимально далеких от западной цивилизации, таких как китайское или японское общество, но и в европейских странах. В этом контексте показательна Италия, где численность молодежи принадлежащей к страте NEET составляет 21,2 % [2].

Глобализация диктует образ независимых, атомарных индивидов, при унификации наций и государств по одному, западному образцу. Мультикультурализм с ярко выраженной доминантой западных ценностей обхватывает все человечество. Как может существовать свободный индивид в общей массе безликой культуры, сваренной в общем котле? Еще Н. Я. Данилевский писал о недопустимости формирования общечеловеческой цивилизации как губительной для человечества. Это подталкивает нас к выводу о необходимости стремления к многополярному миру с опорой на суверенное государство и отдельные цивилизации со своими собственными уникальными культурами. Многополярный мир – естественная альтернатива мировой глобализации и унификации. Кризис индивидуализма лишь один из признаков неприятия глобализма на цивилизационном уровне.

Особенно остро стоит проблема кризиса индивидуализма и глобализации для России. Будущее России будет зависеть от того, насколько правильно решится проблема ее самоидентификации [3]. Российское общество и государство перенесло болезненные трансформации в 90-е годы прошлого века, когда западные институты были поспешно перенесены на российскую почву. И до сих пор Российское общество и отдельная личность в нем не нашли

своего места в «новом мировом беспорядке» [4]. Поиск этого места, по нашему мнению, будет связан с сопротивлением глобализму и борьбой за многополярный мир.

Литература

1. *Галкин Д. В.* К антропологии индивидуализма: судьбы этики и проблемы морального самоопределения в условиях культурной динамики (пост)современности // Вестник Томского гос. ун-та. 2004. № 282. С. 133.
2. *Жвितिашвили А. Ш.* Новые социальные группы на западе: общее и особенное // Власть. 2016. № 1. С. 120.
3. *Семьянинов П. В., Семьянинов В. П.* О тенденциях глобализации // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 1. С. 157.
4. *Бауман З.* Национальное государство – что дальше // Журнальный зал: Отечественные записки. 2002. № 6.

**Позднеримские императоры в военных кампаниях:
аспекты и практики лидерства в армейском социуме**

Конфликты периода «кризиса III века» способствовали росту военного фактора в жизни Римской империи и, как следствие, привели к усилению значения армии в обществе. Вооруженные силы становились единственной опорой, на которую могли рассчитывать императоры, поэтому было необходимо обеспечивать лояльность солдат и командиров правящему режиму, также важная роль отводилась поддержанию боеспособности воинских частей. Укрепление боевого духа осуществлялось в том числе и посредством демонстрации положительного личного примера военным лидером.

Августы, которые были верховными главнокомандующими, создавая иллюзию близости и видимости непосредственного контакта с рядовыми, стремились добиться расположения воинов, обеспечив популистскими акциями их преданность. Вместе с тем, по замечанию М. Стюарта, «сосредоточив представления о героической мужественности в фигуре императора, имперская идеология создала портрет идеального императора как модель «истинной» мужественности для всех стремящихся подражать мужчинам» [1]. Правители Ранней империи, например, Траян (98–117 гг.) и Адриан (117–138 гг.), делили с рядовыми бойцами трудности походной жизни (Dio Cass. LXVIII. 14. 1; SHA. Hadr. 10. 2). Примечательны свидетельства Геродиана о том, что легионеры восхищались Каракаллой (211–217 гг.), питавшимся солдатской пищей и наряду с ними участвовавшим в упражнениях (IV. 7. 4). Уже в IV в. Юлиан II (361–363 гг.) в присутствии воинов совершенствовал навыки ведения ближнего боя, довольствовался солдатским рационом, заботился о подчиненных (Amm. Marc. XXI. 2. 1; Lib. Or. XVIII. 216; Zos. III. 5. 3).

Привлекает внимание и пример Максимиана Фракийца (235–238 гг.): в бою с германцами он в критический момент ринулся в болото, увлекая за собой солдат, переломив в итоге ход боя (Herod. VII. 2. 6–7; SHA. Max. duo. 12. 1). Юлиан II также лично принимал участие в штурме Пирисаборо, воодушевляя воинов (Amm. Marc. XXIV. 2. 14). Характерно и то, что под началом Клавдия II (268–270) особенно храбро сражались далматы, считая его своим земляком (SHA. Claud. 11. 9). Помимо прочего, известно, что штурмовавшие в 360 г. Безабду воины сняли шлемы, чтобы Констанцию II (337–361 гг.) было проще запомнить отличившихся бойцов (Amm. Marc. XX. 10. 12). Как отмечал Дж. Лендон, «солдаты лучшим образом сражались в присутствии полководцев и императоров» не только для того, чтобы продемонстрировать свою преданность и самоотверженность, но также ради наград и повышений по службе [2].

Нежелание заниматься военными вопросами, неудачные решения полководца могли вызвать недовольство солдат. Так, воины, опасаясь угрозы голода, бранили Юлиана, назвав его «изнеженным азиатом, хвастливым греком, обманщиком, дураком под видом философа» (Amm. Marc. XVII. 9. 3; пер. Ю. А. Кулаковского). Он же, страшась обвинений со стороны подчиненных в трусости, был вынужден действовать против Констанция II более решительно (Amm. Marc. XX. 10. 1). Неспособность Александра Севера (222–235 гг.) дать отпор варварам стоила ему жизни: бойцы, возмущенные решением принцепса купить мир у германцев, убили его (Herod. VI. 7. 10; 9. 7). Гордиан III (238–244 гг.) так же пал от рук взбунтовавшихся воинов, страдавших от недостатка съестных припасов (SHA. Gord. tres. 29–30; Zos. I. 19. 1). С неповиновением франкских федератов столкнулся Валентиниан III (425–455 гг.), удалившийся от государственных дел (Greg. Tur. Hist. Franc. II. 9).

Важными способами добиться одобрения воинов были личные обращения к армии перед сражениями или на сходках. Неслучайно право на речь перед всем войском было исключительной прерогативой августов (Amm. Marc. XVI. 12. 29). Порой императорам приходилось прибегать

и к искусству убеждения: Константин II сумел благодаря щедрым дарам и ораторскому мастерству уговорить солдат узурпатора Ветраниона низложить их лидера (Zos. II. 44. 3–4).

Милитаризация позднеримского социума нашла выражение и в придворной моде: некоторые императоры носили популярные в армейской среде предметы одежды, заимствованные у паннонцев и германцев [3]. Однако декларируемое сближение с солдатской массой сопровождалось растущим отчуждением между августом и гражданским населением, что отразилось в пышных церемониальных практиках, вошедших в обиход при Диоклетиане (284–305 гг.): «подданные должны видеть непреодолимую грань между императором и любым другим человеком» [4].

В заключение следует сказать, что подобного рода поведенческие стратегии и паттерны были естественной реакцией на стремительно меняющиеся реалии позднеантичной эпохи. Социокультурные трансформации в обществе Поздней Римской империи и в военной сфере, в частности, размывали фундамент традиционных идеологий. В таких условиях только стремление взять ситуацию под личный контроль и возможность осуществлять его могли гарантировать политическую стабильность. В немалой степени этим и объясняется сокращающаяся дистанция между позднеримскими императорами и рядовыми воинами.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-00027.

Литература

1. *Stewart M. E.* The Soldier's Life: Early Byzantine Masculinity and the Manliness of War // *Byzantina Symmeikta*. 2016. Vol. 26. Athens. P. 22.
2. *Lendon J. E.* Empire of Honour: the Art of Government in the Roman World. Oxford, 1997. P. 259.
3. *MacMullen R.* Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambridge, 1967. P. 170.
5. *Князький И. Ю.* Император Диоклетиан и конец античного мира. СПб., 2016. С. 33.

Специфика изменения образа будущего: ретроспектива вопроса

Вопрос существования завтрашнего дня и возможности его прогнозирования – универсальный вопрос всех без исключения культур с древнейших времен. Попытаемся дать краткий экскурс в историю вопроса и, как это ни парадоксально, углубимся в историю понимания будущего, ориентируясь в основном на материал европейской цивилизации.

Несмотря на то, что в глубокой древности каждая культурная общность решала этот важнейший вопрос по-своему, прогнозы, которые появлялись в результате, были практически идентичными – конец света неизбежен. Мифологические системы во всех уголках планеты с завидным постоянством выстраивали сценарии гибели всего живого, после которой начнется новый цикл создания и появится новый мир, который также будет уничтожен в свое время. Будущее как одна из основных категорий культуры в данном случае тесно связано с прошлым и понимается весьма условно – в мифологическом мировоззрении оно является неизбежным и предсказуемым результатом самого факта сотворения мира. Тоталитарная предсказуемость еще не произошедших событий не дает нам права говорить о будущем в современном его понимании в рамках мифологической картины мира.

Ситуация изменяется в процессе развития культуры, и следующей важной вехой в развитии концепции будущего становится период формирования и развития религий. Принципиальное отличие от мифологического понимания концепции будущего – преобладающая идея линейности времени и конечности жизни. Несмотря на то, что этот период характеризуется одним из крупнейших футурологов Э. Тоффлером как традиционный и фактически лишенный новаций период [1], можно говорить, что осознание индивидом своей смертности и невозможность с точностью

предсказать будущее – как индивидуальное, так и будущее культуры в целом – стали важным толчком для трансформации идеи будущего культуры.

Будущее же «индустриальной цивилизации» [1] перемещается с небес на землю – основной фокус внимания перемещается в сторону успеха и признания на земле, а не вечной жизни на небе. Кроме того, если раньше человеку требовалась вся жизнь для достижения вечного блаженства в раю, то в эпоху индустриальной цивилизации время, необходимое индивиду для постановки цели и ее достижения, значительно сокращается, что позволяет говорить о том, что именно в этот период будущее действительно становится прогнозируемым и достижимым.

Будущее в понимании представителей цивилизации «третьей волны» – самый актуальный и волнующий вопрос для нас. Важным пунктом концепции Э. Тоффлера является тот факт, что сменяющие друг друга волны и революции требуют последовательно все меньшее количество времени – переход от аграрной к промышленной цивилизации шел несколько тысяч лет, в то время как информационная цивилизация сменила промышленную в гораздо более сжатые сроки. Это увеличение темпа общественного развития напрямую коррелирует с «приближением» будущего и изменением концепции его восприятия на протяжении последних столетий. Однако самые радикальные изменения на этом фронте начали происходить в середине XX века, и этим изменением является возникновение футурологии как науки. В контексте данного исследования мы в основном будем рассматривать футурологию в широком смысле – как «общую концепцию будущего Земли и человечества» [2]. Рассмотрим этот феномен подробнее.

Середина XX века – сложный период человеческой истории, и, естественно, в это время появляется множество идей и концепций, призванных предотвратить или предвидеть глобальные социально-политические и культурные катаклизмы, подобные уже произошедшим, а также попытаться найти основания для культурной общности в противовес идеям господствовавшего в то время культурно-цивилизационного подхода [3–5].

Альтернативой ему в то время стала новая концепция, «синтезировавшая в себе гуманистические идеи, современные футурологические и политологические подходы и развивающая проблематику социально-политического идеала будущего» [6] – футурология. Однако, несмотря на принципиальные различия между футурологическим и культурно-цивилизационным подходами, О. К. Флехтгейм в немалой степени базировался на идеях О. Шпенглера при создании своей футурологической концепции, более того, сам термин «футурология» был впервые использован им в процессе анализа идей его предшественника. Именно тогда О. К. Флехтгейм дает направление, в котором футурология будет в дальнейшем активно развиваться: «футурология пытается ответить насколько возможно объективно на проблемы, ожидающие нашу цивилизацию в течение следующего века» [6].

Резкий толчок в развитии футурологии произошел в 60-х гг. XX в. благодаря социально-политическому кризису, и к концу 70-х гг. появилась наиболее четкая и стройная концепция постиндустриального общества, известными представителями которой являются такие мыслители как Д. Белл [7] и уже упомянутый нами А. Тоффлер. Отметим, что важной чертой концепции постиндустриального общества является не только описание уже существующих явлений, но и прогнозы относительно будущего цивилизации. Для того чтобы убедиться в этом, обратимся к его характерным признакам, которые выделяют сторонники теории постиндустриализма: «решающее значение широкого применения информационных технологий; превращение производства знания в самостоятельную отрасль экономики, а университета – в основное место этого производства; распространение гибких форм мелкосерийного производства промышленной продукции, приходящего на смену унифицированному массовому производству и т. д.» [8].

Очевидно, что каждый из этих признаков уже воплотился в реальность или находится в процессе реализации. Однако прогностическая функция концепции постиндустриального общества работает в большей мере при описании социокультурных процессов: «Собственность как критерий

социальной стратификации общества утрачивает былое значение, уступая место уровню образования, накопленным знаниям. В политической сфере постиндустриализм отличает окончательное утверждение плюралистической демократии при повышении эффективности работы государственных институтов и структур <...>. В отличие от индустриального общества, раздираемого классовыми противоречиями и социальными конфликтами, стадию постиндустриализма, по мнению сторонников концепции, отличает наличие только одного основного конфликта – между знанием и некомпетентностью, эффективностью и неэффективностью» [8]. Таким образом, мы можем утверждать, что образ будущего в эпоху цивилизации «третьей волны» кардинально изменяется, появляется возможность его прогнозирования и оценки этих прогнозов.

Исходя из приведенной выше ретроспективы, мы можем сделать вывод, что образ будущего претерпел значительные изменения в процессе развития культуры, стал сложнее и многограннее, комбинируя традиционные и инновационные представления о данном феномене. Подобное явление требует более тщательного и объемного исследования, которое мы собираемся представить в дальнейшем.

Литература

1. *Тоффлер Э.* Третья волна. М. : АСТ, 2004.
2. *Философский энциклопедический словарь.* М., 2010.
3. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991.
4. *Закат Европы.* Новосибирск: Наука, 1993.
5. *Тойнби А.* Постижение истории. М. : Айрис-пресс, 2000.
6. *Афанасьев В. А.* Гуманистическая футурология О. К. Флехтгейма. М. : Историческая социология, 2009.
7. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия, 1999.
8. *Новая философская энциклопедия* М. : Мысль, 2001.

Челобитные сибирских служилых людей: проблемы и конфликты (по материалам Сибирского приказа)

Служба в Сибири требовала от служилого человека способности находить компромисс и выживать даже в самых трудных условиях. Отдаленность региона от центра обуславливала необходимость решать насущные проблемы непосредственно на месте, не дожидаясь ответа из вышестоящих инстанций. Лишь немногие вопросы, в основном касающиеся службы, жалования и земли, неукоснительно должны были согласовываться с Сибирским приказом.

Документом, в котором служилые люди выражали свои просьбы, были челобитные. Они несут в себе широкую информацию о жизни и деятельности служилых людей [1, с. 136]. Как правило, формулируя текст челобитной, служилый человек упоминал обо всех своих заслугах, тщательно описывал все детали служебных посылок.

Чаще всего служилые люди просили о выдаче или прибавке к жалованию. Так, в 1662 г. о выдаче жалования били челом царю Алексею Михайловичу «из Сибири тюменского города головы и ротмистры, и дети боярские, и сотники стрелецкие, и атаманы казачьи, и ясаулы, литва, и конные и пешие стрельцы, и казаки, пятидесятники и десятники, и рядовые, и ружники, и оброчники, и юртовские служилые татары» [5, л. 283]. Иногда просьба о жаловании соседствовала с желанием быть поверстанным на службу в определенный чин или должность, а также с попыткой подняться вверх по социальной лестнице. Посланные в Москву с государевой казной или собирающиеся отправиться на дальнюю городовую службу били челом о поводах, проезжей грамоте или отпуске обратно в свой гарнизон. Для подтверждения того или иного решения просили у царя прислать

государеву грамоту, причем порой это приходилось делать не раз. Обращаясь к царю с личной просьбой, не касающейся службы, служилые люди ходатайствовали о записи челобитья в приказе и отсылке в Москву. Также встречаются разнообразные прошения, относящиеся к повседневной жизни, служебным проблемам, хозяйственному состоянию, взаимоотношениям с другими ратными людьми.

Служилые люди часто вступали в конфликты с представителями центральной власти – воеводами. Отметим, что корпус начальных людей комплектовался из местной служилой элиты и был тесно связан с остальными, поэтому чаще всего в конфликтах с воеводами головы и другие должностные лица вставали на сторону служилых людей [4, с. 71].

Много споров вызывало назначение на ту или иную должность. Взаимоотношения между сибирскими служилыми людьми долгое время носили черты, характерные для вольных казаков. Нередко служилый мир просил назначить на командные должности выбранных ими лиц. Воеводы же стремились верстать в начальные люди верных себе людей, исходя из собственных соображений. Часто нарушалась последовательность в замещении должностей: из рядовых сразу в пятидесятники, а также назначение вместо выбывших десятников людей, вообще не состоявших до этого на службе [3]. Такая практика, естественно, вызывала недовольство рядовых. Проводились масштабные сыски незаконных верстаний и самовольных приращ к жалованию.

Процветало взяточничество и прямые злоупотребления воеводской администрации. В результате судебной волокиты некоторые служилые люди рисковали полностью лишиться не только жалования, но и всего имущества. Вдобавок их легко могли подвергнуть различным поборам, вычитавшимся из оклада, или заставить выполнять службы в личных целях воеводы. Случались ситуации, когда, вернувшись с дальней посылки, казак или стрелец находил свое место уже занятым. Единственный выход был бить челом и просить о справедливости далекого государя.

Однако не стоит думать, что только начальные люди пользовались своим служебным положением. Нередко сами служилые люди, движимые личной ненавистью к воеводе, обвиняли его в несуществующих злодеяниях. По мнению И. Л. Маньковой, для подобных обвинений «было достаточно даже формальных проявлений самовольства воевод, присвоения ими чисто внешних атрибутов почитания, свойственных царской власти» [2, с. 211].

Естественным явлением для Сибири было бегство. Причинами этого являлись: и наличие постоянной военной опасности, и перебои с жалованием, и трудности в обзаведении хозяйством, и суровость наказаний за проступки, и постоянная необходимость быть в разъездах, и, конечно, взяточничество начальных людей. Интересно, что иногда бежали даже в самые восточные области, надеясь на лучшую долю и меньшее разорение. Из-за проблем с поставкой жалования к концу XVII в. количество лиц, оставивших службу, только увеличивалось. Это усугубилось и учреждением в Сибири в 50–60-х гг. XVII в. рейтарского, солдатского, а затем драгунского полков. Воеводская администрация пыталась принимать меры по борьбе с бегством, устраивала постоянные сыски беглецов, ведь от полного комплектования полков и гарнизонов зависело успешное выполнение поручений, но все эти меры не были малоэффективны.

Таким образом, мы видим, что чаяния служилых людей Сибири в большей мере, чем в других регионах страны, зависели от географии. Любая, даже бытовая, деятельность наталкивалась на проблемы, связанные с отдаленностью от Центра, и следовавшую из этого приказную волокиту. Служилым людям необходимо было находить такие механизмы взаимодействия с царской администрацией и служилой корпорацией гарнизона, чтобы скоро и максимально выгодно для себя решать насущные проблемы.

Литература

1. Бродников А. А. Документальные источники о взглядах служилых людей Восточной Сибири XVII в. на свои права и обязанности // Источники

по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 134–147.

2. *Манькова И. Л.* Представления сибирских служилых людей о государственном интересе (по материалам следствия в Сургуте 1646 г.) // Ежегодник историко-антропологических исследований 2001/2002. М. 2002. С. 200–212.
3. *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск: Наука (Сиб. отделение), 1988. 254 с.
4. *Пузанов В. Д.* Роль русской военной политики в колонизации Западной Сибири в XVII веке // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28 (166). С. 65–71.
5. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 561.

Личностные особенности пользователей компьютерных онлайн- и офлайн-игр

Компьютер был изобретен относительно недавно, однако сегодня он стал неотъемлемой частью повседневной жизни многих миллионов людей, а если учесть, какими темпами развивается видеоигровая индустрия, можно с уверенностью утверждать, что она так же завоевывает все большую аудиторию.

Создан целый ряд классификаций компьютерных игр, например, по жанрам (самая многочисленная), количеству игроков, стилистике, платформам. Н. С. Полутина делает акцент на психологической классификации компьютерных игр, которые ввиду их воздействия на самые разные сферы личности, позволяют удовлетворять множество зачастую противоположных потребностей [1]. Однако проблема классификации видов компьютерной зависимости, специфики их воздействия на личность остается актуальной и требует дальнейшего изучения, т. к. технические возможности компьютерных игр постоянно расширяются, рынок предлагает все новые варианты, растет число аддиктов, причем во всех возрастных группах [2].

Актуальность проблемы способствует возрастанию исследовательского интереса. Проводятся исследования феномена компьютерной зависимости, личностных особенностей игровых аддиктов [3], изучается влияние на личность игр разных жанров с участием одного или нескольких игроков, например, онлайн-игр, в частности, массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр (MMORPG) [4, 5]. Однако в работах, как правило, не учитываются различия между онлайн- и офлайн-играми, хотя часть пользователей предпочитает игры первого типа, а другая – второго.

Возможность взаимодействия между игроками, на наш взгляд, имеет принципиальное значение, т. к. во многие видеоигры, изначально предназначенные для одного игрока, встраивается мультиплеер, позволяющий увеличить число участников, причем многопользовательские игры в последнее время набирают популярность.

А. А. Юрков типологизирует онлайн-игроков по трем факторам: фактору достижений (продвижение в игре, игровая механика, соперничество), социальному фактору (социализация, дружба, командная работа) и фактору погружения (страсть к новым открытиям, ролевая составляющая, эскапизм) [5]. Данная типология интересна тем, что первый и третий факторы можно экстраполировать на игроков офлайн-игр (хотя и не все составляющие этих факторов). Некоторые игроки проходят игру только для того, чтобы, например, познакомиться с сюжетом, или их привлекла реализация игровой механики: то, как устроено и функционирует игровое пространство.

Играть в офлайн-игры более склонны индивиды, которые видят в них культурную ценность (игры с сюжетом), ищут в игре убежище от социума (подразумеваем отсутствие взаимодействия с людьми в однопользовательской игре). Онлайн-игры – прерогатива общительных людей, для которых важно общение даже в виртуальном пространстве. Также для онлайн-игроков может быть характерно преобладание соревновательного компонента (именно он лежит в основе киберспорта).

Понимание причин распространения видеоигровой аддикции, разработка эффективных технологий ее коррекции требуют дальнейшего изучения мотивации и других личностных особенностей игроков в онлайн- и офлайн-видеоигры, а также создания надежного диагностического инструментария. Возникает множество вопросов. В каких случаях видеоигры оказывают позитивное влияние на обучение и развитие пользователей, способствуют приобретению ими нового опыта, а в каких, напротив, ведут к деградации личности? Какие игры в большей степени несут в себе угрозу формирования

компьютерной зависимости у пользователей? На эти и другие вопросы еще предстоит ответить исследователям.

Литература

1. Полутина Н. С. Актуальные направления исследований в психологии компьютерной игры // Интеграция образования. 2010. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-napravleniya-issledovaniy-v-psihologii-kompyuternoy-igrы> (дата обращения: 20.04.2017).
2. Андреева О. С., Еришова И. А., Русяева И. А. Исследование связи интеллекта и креативности со степенью вовлеченности в компьютерные игры у детей дошкольного возраста // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 3 (153). С. 120–127.
3. Еришова И. А., Чудинов Т. А., Пермякова М. Е. Личностные особенности подростков с разными стадиями компьютерной зависимости // Известия Уральского федерального ун-та. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 2 (150). С. 91–98.
4. Griffiths M. Problematic online gaming: issues, debates and controversies // Медицинская психология в России. 2015. № 4 (33). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problematic-online-gaming-issues-debates-and-controversies> (accessed: 02.04.2017).
6. Юрков А. А. Типологизация пользователей онлайн-игр и их мотивация // ЗПУ. 2012. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologizatsiya-polzovateley-onlayn-igr-i-ih-motivatsiya> (дата обращения: 02.04.2017).

Работа местного комитета Свердловского областного государственного архива в 1941 г.

Архивный отдел Управления Народного комиссариата внутренних дел по Свердловской области был создан в 1939 г. на базе ликвидированного Архивного бюро при Свердловском областном исполнительном комитете. Отдел был призван руководить государственными архивами на вверенной ему территории, контролировать правильность постановки делопроизводства в архивах действующих учреждений и проводить научно-издательскую работу [1].

В Советском союзе профсоюзам отводилась особая роль, так как они «являются важнейшей опорой партии в борьбе за строительство коммунизма» [2]. Исключением не был и Архивный отдел УНКВД. В его структуре существовала профсоюзная организация – местный комитет. Продолжительное время местком не имел стабильного членства в связи с регулярными «чистками» сотрудников Архивного отдела и государственных архивов, которые прокатились по всей стране [3]. Последним крупным изменением в составе работников Архивного отдела УНКВД было в 1941 г. и было вызвано начатой эвакуацией архивов. В этих обстоятельствах Главное архивное управление НКВД СССР эвакуировало отдельных сотрудников [4]. С сентября численность и состав коллектива стабилизируется окончательно.

Деятельность комитета можно разделить на три основные сферы: организация работы самого комитета, разбор производственных вопросов и культурно-массовая, воспитательная работа [5].

Организовывать работу месткома приходилось во многом с нуля по причине вышеупомянутой «текучки». Однако комитет быстро наладил регулярную работу, что подтверждает исправная отчетность перед членами профсоюза и дневник месткома. При комитете быстро были организованы

такие добровольные общества как ячейка воинствующих безбожников, организация помощи борцам революции (МОПР), касса взаимопомощи, общество содействия обороне (ОСО), комиссия содействия (комсод) и культкомиссия [6].

В области производственной работы комитет наладил последовательную деятельность. Например, за январь-март 1941 г. заседаний месткома по текущим профсоюзным вопросам было восемь, одно из них посвящено вопросам трудовой дисциплины. Также прошло заседание «Об общественной дисциплине», где были утверждены больничные листки и листки о трудовой дисциплине [7]. В конце года комитет дал производственной работе положительную оценку, так как из 37 работающих человек взяли социалистические обязательства 22 человека, а количество ударников труда достигло 12 человек, из них отличников – 2 человека [8].

Культурно-массовая работа в коллективе была основным «фронтом» деятельности Местного комитета. Начало Великой Отечественной войны потребовало от профсоюза активизации пропагандистской и агитационной работы в организации. Примером могут служить митинги, проведенные коллективом Архивного отдела и Свердловгосархива в 1941 г. Если в первой половине года митинги сотрудников собираются по вполне ординарным поводам (например, открытие XVIII Всесоюзной Партийной конференции), то после начала войны их количество увеличивается. Проведенные митинги были посвящены следующим событиям: фашистскому нападению на Советский Союз (24 июня 1941 г.), готовности к защите Отечества (4 июля 1941 г.), «варварскому налету» на Москву (23 июля 1941 г.), сбору теплой одежды бойцам на фронт (13 сентября 1941 г.), докладу И. В. Сталина в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (8 ноября 1941 г.) [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что деятельность профсоюзной организации Архивного отдела и Свердловгосархива отражала общую ситуацию, сложившуюся в архивном деле в СССР. Проблемы с трудовой

дисциплиной являлись следствием репрессий, а период Великой Отечественной войны поставил перед архивистами совсем иные задачи.

Литература

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 648. Л. 3.
2. История профсоюзов Урала. 1905–1984 гг. М. : Профиздат, 1984. С. 3.
3. *Корнеев В. Е., Копылова О. Н.* Архивист в тоталитарном обществе: борьба за чистоту архивных кадров (1920–30-е годы) // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 40–41.
4. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 2. Д. 300. Л. 3–4.
5. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 5. Д. 3. Л. 15.
6. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 5. Д. 3. Л. 14.
7. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 5. Д. 3. Л. 16.
8. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 5. Д. 3. Л. 19 об.
9. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 5. Д. 7. Л. 4–13.

Религия и война в философских концепциях рубежа XIX–XX веков

Философия жизни, которая легла в основу культурно-философского контекста предвоенного и военного времени (последняя четверть XIX века – 1939-й год), принадлежит к иррационалистскому течению философской науки, отличающемуся интуитивизмом и предрасположенностью к изучению человека как волевого индивида. Главной темой этого течения стала сама жизнь, которая представлялась как полноценная динамичная реальность, управляемая человеком. «Прадедушкой» этого течения стал Артур Шопенгауэр, который изложил понятия о воле и возможностях человека в труде «Мир как воля и представление» [1].

Первым представителем философии жизни стал Фридрих Ницше: он в трудах «Воля к власти» и «Веселая наука» изложил концепции, которые легли в основу не только философии жизни, но и в дальнейшем постмодернизма («бог умер») [2, 3].

В труде «Так говорил Заратустра» Фридрих Ницше с особой скрупулезностью излагает концепцию «сверхчеловека» – идеального человека, в основе сущности которого лежат три ипостаси: эгоцентрик, творец, миротворец (в сущности, своеобразная форма божества). Такими Ницше представлял и обозначил прототипами «сверхчеловека» Гая Юлия Цезаря, Наполеона Бонапарта и Александра Македонского. В противовес такому человеку он обозначил людей «современных», христиан и «прочих нигилистов» [4].

В видении Ницше человек представляет собой сложный самодостаточный мир, внутри которого он может создавать, разрушать, проповедовать и строить свои границы нравственного в соответствии со своими представлениями о таковых. Человек, в понимании философа, перестает быть зависимым от «внешней» метафизики, следовательно, и от бога тоже.

На лицо эпохи в значительной мере повлиял обширный труд Освальда Шпенглера «Закат Европы», в котором ученый дает подробное описание развития ряда выделенных по особым критериям цивилизаций, особо заостряя внимание на том, что европейской цивилизации грозит гибель и поражение Германии в Первой Мировой войне есть лишь шаг к этому. Гибель же, в понимании философа, является закатом духовной составляющей культуры. Культура представляет собой синтез национальных и религиозных основ, в центре которых находятся философия и искусства. Говоря о закате Европы, Освальд Шпенглер также имеет в виду и религиозный закат, и война здесь имеет первостепенное влияние [5].

Анри Бергсон вводит понятия статической и динамической религии, каждая из которых не является определяющей духовной скрепой человека. Религия, по мнению философа, является результатом творческого порыва, начавшегося с сотворения мифа и завершившегося более упорядоченной и систематизированной религией. Та, в свою очередь, является комплексом сказаний, идентичных тем, которые человек слушает в качестве «сказок на ночь». Общество рассматривается идентично дарвиновской теории – как живой и дискретный организм, где ради наивысшего блага целого один элемент может принести себя в жертву, следуя неосознанному закону преемственности. В синтезе две эти концепции дают в результате нивелирование духовности до уровня материального мира, где религия является лишь средством интеграции человека в общество, а моральный долг – оправдание непоправимой жертвы [6].

Сборник статей немецкого философа и культуролога Альфреда Вебера «Германия и кризис европейской культуры» гласит, что предпосылки кризиса явились еще в прошлом столетии, задолго до начала Первой Мировой войны. Проявились они в резком переходе от аграрной формы производства к индустриальной, что породило множество значительных достижений науки и техники и, как следствие, вызвало напряженность внутри социума относительно нового жизненного пространства. Если ранее базисом общества были духовные и нравственные ценности, то в эпоху индустриального

производства в основе европейского общества лежал экономический критерий, шедший наперерез традиционным устоям. Это, в сущности, и заключено изначально в названии эпохи – «модернити». [7]

Эдмунд Гуссерль говорит о падении европейского идеала, о кризисе рациональности и европейской науки. В статье «Философия как строгая наука» (1910) он представляет широкий взгляд на социокультурную характеристику эпохи и констатирует, что подлинная сущность Европы – духовные идеалы – разрушается. Признаки распада европейской культуры, по Гуссерлю, заключены в распространении утраты веры в традиционные культурные и духовные институты (в том числе церковь) [8].

Литература

1. *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений в пяти томах / пер. Ю. И. Айхенвальда; под ред. Ю. Н. Попова; прим. А. Л. Чанышева. М. : «Московский клуб», 1992. Т. 1.
2. *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык [и др.]. М. : Культурная Революция, 2005. 880 с.
3. *Ницше Ф.* Веселая наука. URL: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/svasian/> (дата обращения: 12.05.2015).
4. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/nitzf01/index.htm> (дата обращения: 12.05.2015).
5. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. С. 262.
7. *Бергсон А.* Два источника морали и религии / пер. с фр., предисловие и прим. А. Б. Гофмана. М. : «Канон», 1994. 384 с.
8. *Вебер А.* Германия и кризис европейской культуры // Культурология: XX век. С. 286.
9. *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000066/st000.shtml> (дата обращения: 18.05.2015).

Пограничность VS ограниченность субъекта в «воображаемой логике» Н. А. Васильева

Основная интенция философии после «лингвистического поворота» – большой интерес к языку, поэтому закономерно возвращение логики на арену передовых философских направлений. Новый этап в истории логики базируется на рефлексивной и критической установке относительно непреложности и универсальности законов классической логики. Подобные реформистские установки были осознаны еще Кантом и Гегелем, однако последовательная теоретико-логическая критика «аристотелевских» принципов логики начинается только с Н. А. Васильева, чьи авангардные работы предопределили паранепротиворечивые, парapolные, комбинированные, многомерные [1] и иные неклассические логики, и потому сегодня о нем говорят как о «звезде первой величины в логической мысли человечества» [2, с. 10].

Принципиально новым в работе российского логика является сам факт сомнения в незыблемости законов классической логики. Метод построения воображаемой логики аналогичен методу построения неевклидовой геометрии Н. И. Лобачевским и состоит в следующем: «Необходим способ проверить, какие из законов логики суть законы мысли, т. е. зависят от мыслящего субъекта, и какие суть законы реальности, т. е. зависят от познаваемых объектов. <...> Если какое-нибудь логическое основоположение может быть отброшено и заменено воображаемым без того, чтобы вместе с этим исчезла возможность логического рассуждения, то это будет служить верным признаком того, что данное логическое основоположение покоится на эмпирической основе и зависит от познаваемых объектов» [3].

Ревизия классической логики начинается с основополагающей аксиомы – с закона исключенного третьего, который, по мнению

Н. А. Васильева, является законом реальности, а не мысли. Васильев Н. А. утверждает, что мыслительному процессу соответствует закон исключенного четвертого: «относительно каждого понятия, взятого как субъекта, и любого предиката мы можем образовать три различных суждения: одно – о необходимости данного предиката для данного понятия – утвердительное; второе – о невозможности данного предиката для данного понятия – отрицательное; третье суждение – о возможности данного предиката для данного понятия – акцидентальное. Одно из этих суждений должно быть истинным, а четвертого суждения образовать нельзя» [3]. В. А. Смирнов трактует такой подход как «модальную трактовку номологических суждений» [4, с. 159], схема которой соответствует схеме модальных утверждений.

Кроме того, Васильев предлагает три вида высказываний: помимо классических простого утверждения (S есть P) и простого отрицания (S есть не- P) вводится индифферентное суждение (S есть одновременно P и не- P). В топологической интерпретации воображаемой логики под простым утверждением понимается « S принадлежит внутренности P », под простым отрицанием – « S принадлежит внутренности не- P », индифферентное суждение трактуется как « S лежит на границе P и не- P » [4, с. 163].

Казанский логик, а позже Я. Лукасевич развивали многозначность от классической двухмерной через революционно построенную трехмерную к n -мерным логикам. А значит, граница между значением истины и значением лжи может быть расширена и включать в себя $n-2$ других истинностных значений.

Стоит отметить, что интервал между «истиной» и «ложью» может быть прочитан не только как функция, приводящая к пресыщенности значений, но и приводящая к их провалу. Формализация систем с такими значениями происходит в рамках выстраивания паралогик. Так, и логика Н.А. Васильева сегодня находит множество интерпретаций: она может быть прочитана как первая паранепротиворечивая логика [5], как доказательство нереализуемости

закона исключенного третьего на бесконечных последовательностях, даже как один из первых и своеобразных вариантов многозначной логики.

Литература

1. *Смирнов В. А.* Многомерные и комбинированные логики // Логико-философские труды В. А. Смирнова. Разд. V. М. : Эдиториал УРСС, 2010. С. 215–269.
2. *Бажанов В. А.* Прерванный полет. История «университетской» философии и логики в России. М. : Изд-во МГУ, 1995.
3. *Васильев Н. А.* Воображаемая логика // Избранные труды. М. : Наука, 1989. С. 126–131.
4. *Смирнов В. А.* Логические идеи Н. А. Васильева и современная логика // Логико-философские труды В. А. Смирнова. М. : Эдиториал УРСС, 2010. С. 148–172.
5. *Arruda A. da Costa N., Chuanqui R.* On the Imaginary Logic of N.A. Vasil'ev // Non-Classical Logic, Model Theory and Computability. Amsterdam: North Holland, 1977.

О наступлении «эпохи морских офицеров» в истории Русской Америки

Вопрос о роли и характере российской буржуазии XIX в. до сих пор остается проблемным и дискуссионным. Существует несколько точек зрения на этот счет, однако доминирует (и небезосновательно) позиция, согласно которой российская буржуазия находилась «в прямом подчинении у государства», не имела свобод и не была самостоятельной [1]. Удачным примером взаимодействия государства и купечества является история Российско-американской компании. Это первое акционерное общество империи изначально было совместным проектом чиновничества и торгового сословия.

После основания (1799 г.) торговой компании все ключевые посты (совет четырех директоров и главный правитель колоний) были заняты представителями купеческого сословия. Но к моменту продажи владений компании (1867 г.) на этих же должностях находились уже исключительно представители бюрократии и военные чины империи [2]. Почему произошла такая перемена? Н. Н. Болховитинов утверждает, что перемена связана с изменением характера самой компании. Если в начале XIX в. на первом месте в деятельности РАК стояли экономические задачи, то к 1818 г. их заменили политические вопросы, а заморские территории стали «своего рода разменной картой в руках русских дипломатов» [3]. Символическим рубежом в процессе превращения торговой компании в составную часть государственного аппарата стал 1818 г., так как именно в этом году купец А. А. Баранов покинул пост главного правителя колоний, а его место занял морской офицер Л. А. Гагемейстер. С этого времени данную должность занимали исключительно морские офицеры. В историографии данное событие воспринимается как закономерный итог предыдущих событий, как нечто

заранее предрешенное. Американский историк А. Мазур пишет: «государственная политика по установлению контроля над колониальной администрацией и сосредоточению власти в руках морских офицеров достигла апогея в 1818 г.» [4]. Современный отечественный исследователь А. В. Гринев считает: «то, что сменил А. А. Баранова именно морской офицер, было, конечно, не случайно...» [2]. В недавно переведенном на русский язык исследовании историк И. Виньковецкий вообще пишет о некоем «установлении правительства», согласно которому главным правителем колонии должен был быть именно морской офицер, но без отсылки к источнику [5].

Однако вышеперечисленными учеными остался незамеченным один важный документ – письмо главного правления РАК помощнику главного правителя колоний Кириллу Тимофеевичу Хлебникову, отправленное из Санкт-Петербурга 19 сентября 1819 г. Адресатом был выходец из кунгурского купечества, начавший свою карьеру в компании простым приказчиком, а в 1818 г. благодаря личным заслугам ставший помощником Л. А. Гагемейстера, который заменил А. А. Баранова в этом же году [6]. Руководство компании излагает в письме свое видение будущего колоний и самого Хлебникова. Судьба, по их мнению, приготовила Кириллу Тимофеевичу роль будущего главного правителя компании: *«Теперь ободритесь – забудьте прошедшее (директора простили Хлебникову все долги; курсив здесь и далее мой – П. П.) и, прося Бога в помощь, приготовьтесь к будущности... За сим препоручаем вас Провидению...»* [7]. В тексте отсутствует прямое предложение должности, но намек дан вполне отчетливо. Главное правление указывает на осведомленность Хлебникова в вопросах управления колониями, а также на рекомендацию от действующего управителя колонии Л. А. Гагемейстера. Директора завершают письмо убежденностью в том, что Хлебников справится с делами колонии: *«если же от вас единственного то (решение различных вопросов – П. П.) зависеть могло»*. Таким образом, представление о будущей судьбе компании директора в 1819 г. видели совершенно иначе, нежели современные исследователи. Неминуемость передачи власти морским

офицерам не была установлена ни в 1818, ни даже в 1819 гг. То, что К. Т. Хлебников не стал главным управителем колоний, было, скорее всего, его личным решением. Незадолго до написания этого письма Хлебников заявил Гагемейстеру, что не намерен оставаться в колониях более чем еще три года (по состоянию здоровья). В такой ситуации вопрос о назначении Кирилла Тимофеевича главным правителем больше не поднимался.

Таким образом, передача власти военным офицерам над колонией в 1818 г. не была заранее подготовленным актом. На эту должность главное правление выдвигало представителей купеческого сословия и до отставки А. А. Баранова, и после. Тот факт, что после Л. А. Гагемейстера главными правителями колоний были исключительно военные офицеры, первоначально объясняется стечением обстоятельств. Можно предположить, что на основании нескольких случаев уже позднее сложилась традиция назначения главного правителя колоний из морских офицеров, хотя это предположение требует дополнительного документального подтверждения.

Литература

1. *Кашианов С. М.* Московское царство и Запад: Историографические очерки. М., 2015. С. 324.
2. *Гринев А. В.* Динамика высшей управленческой элиты Российско-американской компании // Клио. 2002. № 3. С. 72–84.
3. История русской Америки в 3 т. Т. 2: Деятельность Российско-американской компании 1799–1825 / под. ред. Н. Н. Болховитинова. М., 1999. С. 359.
4. *Mazour Anatole G.* The Russian-american company: private or government enterprise? // Pacific historical review. 1944. № 2. С. 171.
5. *Виньковецкий И.* Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи 1804–1867. М., 2015. С. 109.
6. Русская Америка в «Записках Кирилла Хлебникова». М., 1985. С. 12.
7. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 445, д. 128. Л. 1–2.

**Анализ сквозной модели целей устойчивого развития
в рамках глобальной экономики**

Взаимосвязь между здоровьем, благосостоянием и экономическим ростом в любой стране очевидна. Бесспорно, экономический рост способствует повышению здоровья населения, а более здоровое население своим трудовым вкладом способствует экономическому росту, то есть для отдельного индивида рост дохода способствует укреплению здоровья, а последнее – важнейший фактор высокой производительности труда. Поэтому все более актуальным становится вопрос о реализации следующей политики: международные государственные органы, заинтересованные в экономическом развитии своих стран, должны серьезно задуматься о том, как именно им следует инвестировать в здоровье населения [1]. Последствия игнорирования таких проблем в настоящее время практически не изучены, именно поэтому данное исследование представляется своевременным.

Многочисленный анализ данной темы в различных странах показывает, что состояние здоровья и благосостояния населения – существенный фактор экономического прогресса. Логично предположить, что более здоровые люди за час работы произведут больше продукта. Однако эти исследования достаточно дифференцированы между собой: различаются привязкой к рассматриваемым территориям, временному пространству, переменным, моделям и их методике оценивания. Впрочем, данные оценки влияния демографии, благосостояния населения на экономику в этих странах обладают демонстрированной схожестью и стабильностью, несмотря на то, что эмпирические результаты регрессии обычно имеют малую устойчивость в силу значительной мультиколлинеарности между многими независимыми переменными [2].

Модель исследования, оцененная по методу наименьших квадратов в статистическом пакете для анализа данных STATA 10, представляет собой 100 наблюдений по 25 различным странам. Ввиду того, что плохое здоровье взрослого населения наиболее ощутимо сказывается на экономике (GDP_PER_CAPITA) через рынок труда, в основном были взяты переменные, касающиеся именно здоровья: показатели заражения вирусом иммунодефицита человека (HIV), заражения туберкулезом (TUBERCULOSIS), заражения гепатитом В (HEPATIT_B). Однако, учитывая специфику темы, необходимо рассмотреть также уровень природных катастроф (DISASTER), уровень суицида (SUICIDE) и индекс целей устойчивого развития (SDG_INDEX).

Построенная регрессия выглядит следующим образом:

$$\log(\text{GDP_PER_CAPITA}) = 0,0724 * \text{SDG_INDEX} - 0,06366 * \text{DISASTER} - 0,0121 * \text{HIV} + 0,0261 * \text{TUBERCULOSIS} - 0,0105 * \text{SUICIDE} - 0,01263 * \text{HEPATIT_B}$$

Сквозная полулогарифмическая модель в целом и отобранные регрессоры оказались значимы на 5 %-ном уровне значимости. Данная регрессия описывается на 91,6 %, как показал коэффициент детерминации. Более того, был проведен полный эконометрический анализ, подтвердивший отсутствие строгой мультиколлинеарности, но выявивший наличие гетероскедастичности, которая впоследствии была устранена с помощью робастности. Тест Рамсея отразил правильную спецификацию модели.

Можно сделать следующие выводы по построенной регрессии: увеличение индекса целей устойчивого развития на одну условную единицу повышает ВВП на душу населения (далее – ВВП_{д.н}) в $e^{0,0724}$ раз (приблизительно в 1,075 раз), увеличение уровня природных катастроф снижает значение ВВП_{д.н} в 1,066 раз, увеличение показателя заражения ВИЧ снижает его в 1,012 раз при прочих равных условиях. Соответственно, увеличение показателя заражения туберкулезом увеличивает ВВП_{д.н} в 1,026 раз, увеличение показателя уровня суицида уменьшает ВВП_{д.н} в 1,011 раз, и увеличение показателя заражения гепатитом В снижает его в 1,013 раз при прочих равных условиях.

Стоит также отметить, что некоторые поставленные гипотезы были отвергнуты. Например, ожидалось, что смерть граждан от суицида положительно скажется на ВВП на душу населения, ведь при уменьшении количества человек, живущих в данной стране, ВВП по факту должен увеличиваться. Однако, как показала модель, человек, совершивший суицид, в большинстве случаев был трудоспособным и вносил вклад в производство, что в итоге уменьшило зависимую переменную.

Действительно, глобальное исследование «целей устойчивого развития» является не просто теоретическим проектом, но и важным шагом к практическим решениям многих проблем, связанных с экономическим развитием стран, как ранее подтвердили эмпирические данные [3]. Отрасли, несомненно, должны улучшить обеспечение нуждающегося населения в удовлетворении необходимых потребностей. Нельзя забывать и про природные катаклизмы и о том, что смертность среди трудоспособного населения особенно наносит урон по производству, а это многократно бьет по ресурсам. Безусловно, всем агентам рынка, в особенности государству, необходимо участвовать в процессе использования этой информации в качестве потенциального развития человечества.

Литература

1. *Bloom D., Canning D. Sevilla J.* Health, worker productivity and economic growth. Pittsburgh: Carnegie Mellon University, 2007.
2. *Sala-i-Martin X.* The World Distribution of Income: Falling Poverty and Convergence, Period // *Quarterly Journal of Economics*. 2006. May.
3. Measuring the health-related Sustainable Development Goals in 188 countries: a baseline analysis from the Global Burden of Disease Study 2015 // *The Lancet Journal*. 2016. October.

Общий взгляд на содержание документа о корпоративной культуре в системе государственной гражданской службы Свердловской области

Сегодня у всех на слуху такие понятия как «корпоративная культура» и «корпоративная этика». Появились эти термины в среде бизнеса, но мы собираемся рассмотреть их в контексте системы государственной гражданской службы. В нашей работе мы будем придерживаться следующего определения корпоративной культуры, которое было сформулировано М. Армстронгом: «корпоративная культура – это совокупность убеждений, норм поведения, отношений и ценностей общих для персонала определенной организации» [1]. Армстронг выделяет как одну из составляющих корпоративной культуры «нормы поведения». Для нас это имеет большую значимость, поскольку нормы поведения фиксируются в конкретных нормативно-правовых документах, которые нам доступны.

Кроме того, стоит четко обозначить понятие «государственный гражданский служащий». Ответ на этот вопрос содержится в Федеральном законе № 79 «О государственной гражданской службе РФ». В соответствии с данным нормативным актом «Гражданский служащий – это гражданин Российской Федерации, взявший на себя обязательства по прохождению гражданской службы» [2].

23 декабря 2010 года решением Президиума Совета по противодействию коррупции на федеральном уровне был одобрен Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Уже 10 марта 2011 года указом губернатора Свердловской области Александра Мишарина был утвержден Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Свердловской области (далее – Кодекс этики). С текстом этого документа

можно ознакомиться на официальном сайте Управления архивами Свердловской области.

Кодекс этики очень лаконичен и состоит из трех глав: «Общие положения»; «Основные правила служебного поведения гражданских служащих»; «Общие принципы профессиональной, служебной этики гражданских служащих».

Первый раздел сообщает о том, что все государственные гражданские служащие Свердловской области должны в своей профессиональной деятельности руководствоваться Кодексом этики. Указывается, что Кодекс разработан в соответствии с рядом федеральных и областных законов.

Важно также отметить, что в этом разделе зафиксированы последствия, к которым может привести нарушение норм Кодекса этики: гражданский служащий «подлежит моральному осуждению, а в случаях нарушения им законодательства Российской Федерации и Свердловской области несет ответственность, предусмотренную законодательством РФ» [3]. Скорее всего, при такой формулировке документ не будет иметь большого влияния на действия гражданских служащих.

Нужно сказать о том, что в Кодексе этики имеется уточнение: «Соблюдение гражданскими служащими норм настоящего Кодекса учитывается при проведении аттестации, формировании кадрового резерва для замещения вакантной должности государственной гражданской службы Свердловской области» [3]. Если лица, ответственные за принятие решения о повышении какого-либо сотрудника, действительно руководствуются этим положением Кодекса, значит Кодекс этики имеет силу и работает. Однако, как дело обстоит в реальности, нам неизвестно.

Во второй главе перечисляются основные правила служебного поведения гражданских служащих. Например, в Кодексе говорится о том, что «Гражданским служащим запрещается получать в связи с исполнением ими должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц» [3]. Но это не означает, что если вам хотят подарить открытку, то нужно

неприменно от нее отказаться. Что считать небольшим вознаграждением, каждый сотрудник рассудит по-своему. Третья глава также не дает нам четких разъяснений. В ней перечислены общие принципы профессиональной этики гражданских служащих.

Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Свердловской области нуждается в более детальном анализе, который мы продолжим, но имеет смысл подвести некоторые итоги. Тот факт, что в Свердловской области для государственных служащих имеется Кодекс этики, говорит о том, что мы идем в ногу со временем. Но в силу своего небольшого объема Кодекс этики не дает конкретных рекомендаций, как необходимо поступать в различных ситуациях. Этот факт стоит рассматривать как значительный недостаток данного документа, поскольку такая формулировка дает служащим относительную свободу интерпретации положений Кодекса.

Литература

1. *Устичева Е. Г.* Формирование корпоративной культуры российской государственной службы. URL: <https://bgscience.ru/lib/9747/> (дата обращения: 29.03.2017).
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». URL: https://legalacts.ru/doc/79_FZ-o-gosudarstvennoj-grazhdanskoj-sluzhbe/glava-3/statja-13/ (дата обращения: 17.11.2016).
3. Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Свердловской области. URL: http://mpr.midural.ru/gos/kodeks_etiki_i_sluzhebno_povedeniya/ (дата обращения: 05.04.2017).

**Исследовательский вектор памятников Борисоглебского цикла:
интерпретация мотива гибели**

В последние десятилетия появилась необходимость в актуализации новых направлений в изучении памятников древнерусской литературы, особенно раннего периода. Ученые-медиевисты советского периода зачастую были вынуждены обращать внимание на отражение социальных конфликтов в произведениях Древней Руси. В настоящее время исследователь памятников древнерусской литературы может без идеологической предвзятости изучать тексты произведений, рассматривать позицию автора в контексте времени, что выявляет необходимость в новых подходах.

Большую сложность представляет изучение ключевых памятников литературы, в отношении которых часто распространено мнение о пределах исследований: кажется, что наука сделала достаточно подробный разбор всех вопросов. К числу таких произведений принадлежат памятники Борисоглебского цикла XI–XII вв. Так, особого подхода требует интерпретация изображения убийства Бориса и Глеба, которая получила свое развитие в ряде работ последних лет.

Огромное значение представляет исследование русской святости В. Н. Топорова [1], в которой рассматривается феномен вольной жертвы Бориса и Глеба, восходящей к жертве Христа. Современные ученые часто обращаются к этой работе, однако мысли автора не всегда бесспорны. Например, Топоров заявляет, что преступление Святополка предопределено греховностью его рода, но Л. Г. Дорофеева [2] оспаривает эту позицию, указывая на то, что преступление Святополка – его сознательный выбор и исходит из понимания категории христианской свободы. С другой стороны, возникнут естественные вопросы: какая позиция была свойственна для человека того времени; когда

вопросы христианской морали стали волновать его больше, чем единство с родом? Топоров апеллирует к мифологическим корням и интерпретирует «Сказание о Борисе и Глебе» при помощи мифологических мотивов. Но остается вопрос: что было причиной для таких обращений со стороны христианского книжника?

Б. А. Успенский [3] уделяет внимание возможной необходимости осмысления русской истории как библейской аналогии. В рамках этой концепции Святополк поступает, как Каин, убивший Авеля. Канонизация Бориса и Глеба как первых русских святых, по мнению Успенского, знаменует начало «священной истории избранного народа», которое аналогично началу истории еврейского народа, положенному братоубийственной жертвой. Однако исследователем не была доказана реальная историческая необходимость обращений к настолько отдаленным библейским событиям.

Весьма интересна статья С. Ю. Темчина [4], который показывает на широком историческом материале, что Борисоглебский культ был необходим Ярославу Мудрому, на жизнь которого Святополк покушался подобно тому, как Ирод – на жизнь младенца Иисуса Христа. Борис и Глеб соотносятся с Вифлеемскими младенцами, а вовсе не с Авелем или христовой жертвой. Однако остается неясным: могло ли только это сравнение обеспечить культу такую популярность? Одно только «Сказание о Борисе и Глебе» было распространено на Руси более чем в 220 списках. Возможно, были и другие причины для канонизации братьев и, соответственно, для их почитания.

Герменевтическая многоплановость культа очевидна: во многих произведениях древнерусской литературы братья являются в образе защитников Руси. С другой стороны, их культ нашел воплощение в историях об исцелении людей. Смирение Бориса и Глеба перед насильственной смертью было актуализировано в житии Андрея Боголюбского. Фольклорный характер имеет другая линия развития: ко дням памяти святых в некоторых землях Киевской Руси были приурочены работы земледельческого цикла. Наконец, добровольная смерть Бориса и Глеба действительно отсылает к смерти Христа,

что порождает мотив спасения души и ее восшествия в небесное царство. Из трех упомянутых интерпретаций самой аргументированной представляется версия Темчина, который выявляет историческую необходимость предложенной интерпретации Борисоглебского культа.

Трагическая история святых была воспринята с таким откликом среди людей, что имеет смысл задуматься, как соотносятся Борисоглебский культ и ментальность русского народа. Филологический подход в изучении культа Бориса и Глеба актуализирует такие направления как зависимость христианской семантики от фольклорных и дохристианских смыслов, авторское мировосприятие, языковой контекст, сопоставление текстов. Однако этих средств недостаточно, что видно по названным работам. Уместно предположить, что отмеченные выше проблемы было бы оптимально разрешить, обратившись к достижениям исторической науки. Использование филологических и исторических методов в их единстве способно выявить некие закономерности в формировании национального самосознания на раннем этапе его становления.

Литература

1. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре : в 2 т. Т. 1. М., 1995. С. 490–508.
2. *Дорофеева Л. Г.* Образ Святополка в «Сказании о Борисе и Глебе»: предопределение или свобода выбора? // Журнал ВАК: Вестник БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2012. С. 108–111.
3. *Успенский Б. А.* Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 43–47.
4. *Темчин С. Ю.* Се несть убийство, но сырорезание // Именослов. История языка. История культуры / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 216–230.

**Новаторы в рекламе. Языковое и иллюстративное выражение
суггестивного компонента в рекламных текстах рубежа XIX–XX вв.**

(на примере рекламных текстов фирмы Ван Гутена

«C. J. van Houten & Zoon, Weesp»)

Исследование посвящено обзору способов языкового и иллюстративного воплощения суггестивного компонента в рекламных текстах фирмы Ван Гутена. Материал взят из ежедневных региональных изданий, а именно газет «Уральская жизнь» (1902–1903 гг.) и «Ирбитский ярмарочный листок» (1893 г.). В рамках нашего материала выделяется корпус из двенадцати объявлений, рекламирующих какао фабрики Ван Гутена, в которых представлены различные приемы речевого воздействия на потенциального покупателя. В рекламном пространстве российских региональных СМИ реклама Ван Гутена отличается преобладающей суггестивной составляющей. При рассмотрении рекламного массива рубежа XIX–XX вв. нами было выделено три типа воздействия автора на потенциального покупателя: нейтральное (текст максимально информативен, экспрессия и суггестивный компонент отсутствует), ненаправленное (текст экспрессивен, обращен как бы ко всей аудитории в целом, а не к конкретному читателю), направленное (в тексте важен суггестивный компонент, он направлен как бы на каждого читателя отдельно). Следует указать, что в исследуемый период общий рекламный фон создавали тексты нейтрального типа. Среди всего массива, насчитывающего около 850 объявлений, они составляют более 60 %. Выражение других интенций: экспрессии, суггестии (во всех их разновидностях) носит характер новаций. Рекламные объявления Ван Гутена всегда строятся на побудительной модальности или на использовании большого числа экспрессивных форм, что выделяет их на общем фоне, кроме

того, активно используется иллюстративное оформление, которое не только подкрепляет текстовую часть, но и вносит новые оттенки смысла.

Остановимся на способах выражения направленного воздействия в рекламах Ван Гутена. Для данных объявлений характерно наличие побудительной модальности в такой ее разновидности, как совет. Совет выражен при помощи следующей формулировки: каждому (всякому) следовало бы поставить себе за правило пить (пить на завтрак) укрепляющее какао Ван Гутена. Побуждение здесь смягчено условным наклонением глагола (следовало бы), но определительное местоимение «каждый» (или «всякий») помогает адресовать совет каждому конкретному покупателю, усиливая суггестивный эффект. Также задействуется модальность долженствования (этот напиток «должен находиться в каждом хозяйстве»). В формулировке «один опыт убедит каждого» мы видим скрытое побуждение к действию, выраженное в форме утверждения. Автор рекламного текста уверен, что «опыт убедит» потенциальных покупателей, тем самым побуждая к покупке хотя бы с целью проверки его слов. В разных текстах Ван Гутен варьирует степень воздействия, переходя от более мягкой формы условного наклонения (следовало бы) к более сильному глаголу с семантикой долженствования (должен находиться). Интересно, что перечисленные выше формулировки задействуются в целом ряде текстов, а это позволяет говорить о клише, но за счет различий в деталях текста и его оформлении нет ощущения повтора. Помимо суггестивного компонента часто задействуется экспрессивная составляющая текста (ненаправленный тип воздействия), например, в текст активно вводится лексика с семантикой превосходности (очень дешевый, превосходное средство). Все это вместе оказывает сильное воздействие на потенциального покупателя.

Обратимся к иллюстративному оформлению в рекламе Ван Гутена. В ряде случаев иллюстрация представляет собой декоративный фон, выполняющий только функцию привлечения внимания. Но в других случаях мы видим сюжетные рисунки: дедушка или бабушка с внуком, держащие

в руках банку с какао; ребенок с плакатом, на котором написан текст рекламы; девушка, пьющая какао; рабочий, читающий объявление о достоинствах напитка. Иллюстрации в этих примерах с одной стороны дублируют текст рекламы, а с другой – развивают рекламный сюжет. Мы видим изображения представителей различных групп потенциальных покупателей. Таким образом Ван Гутен создает образ товара «для всех», причем необходимого, каким какао изначально не является. В каждом рекламном тексте производитель обращается к разным группам потенциальных покупателей: детям, их бабушкам и дедушкам, молодым девушкам, рабочим людям. Из этих групп наименее типичными потребителями какао являются рабочие, потому что какао обычно воспринимается не как продукт, необходимый для восстановления сил («укрепляет и освежает организм», «напиток, всесторонне укрепляющий человеческий организм»), но, скорее, как лакомство для детей, причем из состоятельных семей. Расширяя потребительскую аудиторию, Ван Гутен пробует изменить существующие представления о товаре, создавая образ общедоступного продукта, который помимо хорошего вкуса обладает еще и общим укрепляющим эффектом.

Можно говорить о следующих новациях в рекламе Ван Гутена: 1) отсутствие текстов, содержащих только объективную информацию о товаре, не нагруженных экспрессивными и суггестивными компонентами; 2) активное использование клише; 3) использование иллюстративного оформления, которое позволяет разнообразить клишированные формулировки, делая каждое объявление уникальным. Следует отметить, что клише свойственно рекламе рубежа XIX–XX вв., но обычно такие формулировки используются не в основной части текста, а для сообщения общеизвестной информации (цены без запроса, прейскуранты высылаются бесплатно). Новация Ван Гутена состоит в использовании клише в основной части рекламного текста.

Политика «мягкой силы» в отношениях между Россией и странами СНГ

Современный этап развития международных отношений предполагает отказ от политики военного вмешательства, и все чаще используются инструменты «мягкой силы».

Впервые определение «мягкой силы» дал Дж. Най – известный американский политолог. Он считает, что «мягкая сила» – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения и выплат. В сравнении с «жесткой силой», ориентированной на военное принуждение со стороны государства, «мягкая сила» предстает своего рода «транслятором», культивирующим привлекательный образ того или иного государства среди иностранной аудитории путем согласованных действий всего госаппарата.

В современной России активно используется практика «мягкой силы» для решения следующих стратегических задач: обеспечение национальной безопасности, сохранение государственного суверенитета, территориальной целостности, создание условий для решения внутренних проблем и для ведения активной внешней политики.

Приоритетным направлением в этой области для Российской Федерации являются страны СНГ, так как это основные наши партнеры во многих сферах, а также эти государства имели общее прошлое как с Российской империей, так и с СССР. Перечислим основные методы, которые использует Россия в рамках политики «мягкой силы» в странах СНГ:

1. Консолидация и организационное оформление деятельности русскоязычной диаспоры как основной ресурс осуществления данной политики. Примерами являются создание глобального Координационного совета в большинстве российских общин и Института

диаспоры и интеграции, который занимается исследованием социально-политических и экономических процессов, а также проблемами российских соотечественников на постсоветском пространстве.

2. Сохранение и укрепление русскоязычного пространства вдоль границ Российской Федерации на основе добровольного принятия народами дружественных и братских республик факта общности многовековой истории, общего настоящего и будущего, которые основаны на экономической, политической и культурной взаимозависимости соседствующих государств. Одним из способов осуществления этой цели является работа по сохранению роли русского языка как средства межнационального общения мультикультурной общности стран СНГ и дальнейших шагах по популяризации его.
3. Развитие культурно-гуманитарного сотрудничества как одного из приоритетных направлений аккумуляции «мягкой силы» России на постсоветском пространстве. Такое сотрудничество может принести ряд положительных факторов в образовательной деятельности граждан стран СНГ, а также укреплению их осознания того, что мы связаны общей историей и культурным наследием.
4. Развитие образовательных программ, которые направлены на обмен студентами и изучение соседями русской культуры и русского языка и формирование у них положительного отношения к России. Также открываются центры по изучению и исследованию русского языка в странах СНГ.
5. Используется метод распространения информации по всемирной паутине, что дает возможность нашим соседям изучать различные статьи и материалы, а также вступать в дискуссии с их авторами, что способствует как популяризации русского языка, так зачастую и приятельским отношениям между нашими государствами.

6. Еще одним методом является создание «Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному сотрудничеству», которое занимается продвижением русской культуры в мире, а также сохранением и распространением русского языка в странах СНГ, что способствует укреплению отношений с нашими соседями.

Использование этих методов не до конца покрывает весь потенциал России как державы, способной решать свои проблемы не только силовым давлением, но и «мягкой силой», и хотелось бы назвать несколько вариантов осуществления этого вида внешней политики, которые помогли бы в распространении влияния России как в странах СНГ, так и в государствах Дальнего зарубежья. Во-первых, особого внимания заслуживает вопрос о развитии публичной дипломатии как самостоятельного и действенного сегмента государственной политики и разработки стратегии по формированию позитивного облика России в мире. Для этого необходимо создание системы публичной дипломатии, которая сочетала бы в себе как традиционные взгляды, так и новые маркетинговые подходы в целях достижения долгосрочного эффекта на зарубежную аудиторию. Также нужно использовать возможности российских инвесторов и имеющиеся наработки в сфере глобального пиара, чтобы иметь возможность воздействовать на лидеров в сфере СМИ и пропагандировать научно-популярные, спортивные и культурные события нашей страны.

Таким образом, проанализировав данную проблему, хотелось бы сделать вывод: в современных международных отношениях использование «мягкой силы» становится все более и более актуальным. Россия стремится применить ее в первую очередь в странах СНГ, так как они являются соседями и основными партнерами нашей страны. «Мягкая сила» способствует выстраиванию конструктивного диалога, но, к сожалению, не все методы ведения этой политики используются нашим государством. Кажется, что эта тематика будет развиваться все сильнее и сильнее

в ближайшем будущем, и вскоре мы увидим эффект, оказываемый проведением данного вида внешней политики.

Литература

1. *Филимонов Г. Ю.* Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России: монография. М. : РУДН, 2015. 582 с.
2. *Jr. Nye, S Joseph*, Soft power: the means to success in world politics. P. 147.

История глобализации мирового финансового рынка

Конец XIX века ознаменован таким событием, как начало первой волны глобализации. С приходом в нашу жизнь телеграфа и железной дороги мир начал меняться во всех сферах. Промышленная революция привела к снижению издержек на транспорт и развитию торговли между странами, к становлению промышленности и появлению крупнейших мировых корпораций [1]. При этом одним из основных достижений можно назвать начало глобализации движения капитала через границы стран во второй половине XX века [2], которая с каждым годом увеличивает темпы, вовлекая в этот процесс все большее количество стран, имеющих большой экономический и инвестиционный потенциал, а также нуждающиеся в инвестициях в собственные перспективные идеи. Благодаря этому начали исчезать барьеры между национальными и международными финансовыми рынками, что привело к развитию мирового финансового рынка и появлению финансовых центров, которые способны контролировать растущие потоки капитала и преобразовывать их в рост мировой рыночной экономики.

В статье рассмотрены произошедшие структурные изменения, которые коснулись мирового фондового рынка с приходом третьей волны глобализации, потому что именно она глубоко проникла в деятельность фондового рынка.

В первую очередь обратим внимание на то, что в течение последних 20 лет менялась модель рынка. Если еще в конце прошлого века можно было проследить, какой модели фондового рынка (банковской, небанковской или смешанной) придерживается та или иная страна, то развитие транснациональной торговли акциями на различных площадках всего мира привело к размыванию этих границ. В банковской модели, зародившейся в Германии, посредниками выступают банки, в свою очередь, в небанковской

модели, которая родом из США, посредниками выступают небанковские компании по ценным бумагам. Смешанная модель появилась в Японии и предоставляет возможность работать с обоими посредниками [3]. В результате глобализации некоторые отличительные признаки названных моделей исчезли, что ведет к их дальнейшему объединению, а также повышению активности населения на фондовом рынке.

Другой тенденцией является то, что мировой фондовый рынок стал намного активнее пользоваться современными информационными технологиями, которые позволяют работать в любой части мира. Если вспомнить биржи конца XX века, когда для участия в торгах требовалось личное присутствие, а торги велись «методом выкрика», то они ярко контрастируют с современными электронными площадками, когда для работы на бирже требуется лишь компьютер и стабильное интернет-подключение.

Таким образом, появление компьютеров и интернета вывело работу на фондовом рынке на новый уровень, позволив повысить количество участников в тысячи раз.

Далее стоит отметить, что в течение последних 20 лет наблюдается рост доли рынка ценных бумаг за счет снижения доли денежного рынка, чем объясняется постепенное уменьшение обращаемой денежной массы [4]. Также было выявлено, что акции компаний занимают большую долю среди всех финансовых инструментов на крупнейших фондовых рынках мира.

Глобализация затронула и инфраструктуру платежей, где наибольший вклад внесла Швейцария, создав международную расчетно-платежную межбанковскую систему SegalInterSettle (SIS), которая на данный момент охватывает более 80 стран мира [5]. Данная система занимается обслуживанием различных банков, страховых компаний и инвестиционных фондов, а также поддерживает своих клиентов в кризисные времена.

Таким образом, благодаря перечисленным изменениям, произошедшим в ходе глобализации мирового финансового рынка, крупнейшие на данный момент мировые биржи прошли путь от локальных торговых площадок

с высокой степенью различных ограничений, низким уровнем использования технологий и контроля до современных международных альянсов с развитой инфраструктурой и огромным капиталом, а участникам рынка предоставилась возможность торговать любыми акциями на любой торговой площадке мира через любого посредника.

Литература

1. *Baldwin Richard E., Pliliooe M.* Two waves of globalisation: superficial similarities, fundamental differences // National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA 02138. January. 1999.
2. *Ноздрев С. В.* Основные характеристики международного финансового рынка // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 12. С. 86–92.
3. *Абрамов А., Радыгин А., Чернова М.* Регулирование финансовых рынков: модели, эволюция, эффективность // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 33–49.
4. *Касимов Ю. Ф.* Финансы и инвестиции. М. : Анкил, 2008. С. 232.
5. *Асаул А. Н., Асаул Н. А., Фалтинский Р. А.* Основы бизнеса на рынке ценных бумаг: учебник / под ред. д-ра экон. наук, профессора А. Н. Асаула. СПб. : АНО «ИПЭВ», 2008. С. 207.

Исходы дидактогенического воздействия и их влияние на профессиональные характеристики человека

Рассматривая дидактогеническое воздействие как сложную ситуацию психологического взаимодействия с высокой степенью риска травматических последствий, мы охватываем значимое направление исследования. В актуальных условиях современного общества высок спрос как на профессионализм, так и на формирование психологического благополучия человека в обществе, и оба направления затрагиваются в проблеме дидактогений в высшем образовании.

Опыт исследований прошлых лет показывает, что дидактогении являются многогранной проблемой, требующей детального изучения [1]. Более того, эти данные необходимы не только для составления полной картины проблемы, но и описания способов ее качественной коррекции, профилактики.

Мы продолжаем цикл работ, посвященный данной тематике. В этой работе нами рассматривается влияние дидактогенического воздействия на индивида в области его профессиональной сферы. Ситуационные компоненты появления дидактогений в среде высшего образования, причины и результаты ДВ были более подробно освещены в трудах, посвященных данным аспектам [3–5].

Общая картина ДВ в образовательной среде выглядит как критика обучающегося преподавателем или другим лицом, имеющим более высокую квалификацию [2]. В условиях этой картины возможно проявление нескольких закономерностей, которые зависят от ситуативных факторов и индивидуальных особенностей участников. Далее мы обозначим и кратко опишем основные тенденции, возникающие в ситуациях дидактогенического воздействия и после него, делая акцент на деформациях профессиональных характеристик

индивида, в частности, будущего специалиста, получающего высшее образование.

Итак, при возникновении дидактогенического воздействия относительно профессиональной сферы индивида, проявляются следующие изменения.

С одной стороны, если индивид отвергает предположения о собственной некомпетентности, основываясь на опыте или актуальной ситуации, то прямого воздействия на картину представлений человека о собственных профессиональных и личных качествах не происходит, или оно выражено слабо. То есть можно констатировать, что в данной ситуации ДВ происходит отрицание критики профессиональных характеристик. В момент самого дидактогенического воздействия это ограждает человека от нарушения его представлений. Но ситуация дидактогении как значимая для индивида сохраняется в его опыте, что ведет к последующему невниманию, к объективным недостаткам профессионального воздействия и возможностям улучшения соответствующих аспектов. Индивид, имея в опыте ситуацию дидактогении, в которой он оказал сопротивление возложенной на него критике, предполагает в дальнейших ситуациях похожую картину. А это означает, что объективная критика может быть интерпретирована как нападки и не рассмотрена. Примером данному стечению обстоятельств в сфере высшего образования может служить нежелание контактировать с преподавателем и деформации образовательного процесса и межличностного взаимодействия.

С другой стороны, при рассмотрении индивидом данной критики, при наличии в прошлом опыте представлений о ее несоответствии действительности, происходит несколько другая последовательность событий, можно констатировать интервенцию критики профессиональных характеристик. Появляется реакция защиты сложившихся ранее представлений, стремление, направленное к доказанию их правильности, эталонности, что приводит к ригидизации профессиональных качеств и возможному упусканию ситуационных моментов конкретных профессиональных случаев в сторону «эталона».

С третьей же стороны, в ситуации принятия критики профессиональных характеристик, возможно проявление угасания выполнения профессиональных задач. Принятая критика, если она неправомерна, наносит прямой ситуативный вред. Также это верно и для тех случаев, когда критика не учитывает возможности улучшения навыков, а лишь ставит человека в патовую ситуацию.

Также стоит заметить, что стремление вернуть, заново сформировать профессиональные компетенции также имеет один подводный камень на стадии исполнения. Такая ситуация может привести к воссозданию и претворению ригидной схемы представлений о профессионализме, которая не учитывает альтернативные возможности и инновационные методы выполнения задач. Однако это во многом зависит уже от дальнейших действий индивида и должно рассматриваться отдельно как вопрос обретения профессионализма в контексте соотношения поиска и развития профессиональных качеств.

Безусловно, вышеперечисленные исходы обладают многими негативными результатами, что еще раз показывает необходимость избегать появления дидактогенического воздействия в среде высшего образования.

Наиболее результативным в ситуации дидактогенического воздействия будет понимание картины происходящего и причинно-следственных связей в ней, когда констатируется ситуационная грамотность участников и избегание нежелательной ситуации. Это позволяет индивиду качественно оценить собственные возможности и действия, сохраняя объективные представления о собственных навыках и знаниях, а также в дальнейшем продолжать благоприятное для сторон общение без неприятных следов в опыте.

Литература

1. *Игнатова В. В.* Дидактогения как психолого-педагогическая проблема. Цифровой репозиторий ХНУГХ им. А. Н. Бекетова, 2013.
2. *Платонов К. К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М. : Высшая школа, 1984. 174 с.

3. *Свердлов С. А.* Включенность преподавателя в ситуацию формирования дидактогенического воздействия // *Пространство повседневности: границы и смысл: сб. тезисов докладов Всерос. науч. конф. студентов-стипендиатов Оксфордского Российского Фонда.* Екатеринбург: УрФУ, 2016.
4. *Свердлов С. А.* Факторы и результаты дидактогенического воздействия в среде высшего образования на профессиональные качества индивида // *Пространство повседневности: границы и смысл: сб. тезисов докладов Всерос. науч. конф. студентов-стипендиатов Оксфордского Российского Фонда.* Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 480–483.
5. *Свердлов С. А.* Дидактогении в среде высшего образования // *Тренды гуманитарных исследований в глобальном мире: тезисы докладов и сообщений Всерос. науч. конф. студентов-стипендиантов Оксфордского Российского Фонда.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 373–375.

Религиозные основания танца Кечак в постановке В. Шписа

Самобытность балийских религиозных воззрений формировалась под воздействием индо-буддистского конгломерата культур, переосмысленных в контексте специфического комплекса местных верований: «Религия Бали заимствовала основной пантеон богов из индуизма. Во главе этого пантеона стоит божественная троица – Брахма, Вишну и Шива. Они представляют олицетворение одного и того же божества и означают, соответственно, созидание, сохранение и разрушение природы. <...> Балийцы ввели в этот пантеон своих местных богов и духов, почитание которых возникло на основе древнейших анимистических представлений. <...> Высшее божество Санг Хьянг Види создало Вселенную и всех основных богов» [1]. Балийский индуизм, сформировавшийся примерно к XVI в., сочетает в себе элементы индуистского культа с чертами анимизма, культа предков, буддизма и называется Агама Хинду Дхарма. Голландская экспансия Индонезии, начавшаяся в XVI в., на прямую коснулась Бали только в начале XX в. и до этого времени никак не влияла на внутреннюю самобытную культуру острова.

В формировании культуры Бали большую роль сыграли этническая близость и длительные контакты с соседними феодальными государствами Явы, на которые, в свою очередь, значительное влияние оказала Индия: «Индия (как совокупность всех древних государств) оказалась той лабораторией, в которой вырабатывались иконографические правила и каноны, а также основная религиозная символика, которая по мере ее освоения на периферии и в других культурных центрах быстро получала местное истолкование, продолжавшее собственные древнейшие традиции» [2].

Считается, что на сложение канона балийского танца оказало влияние танцевальное искусство юга Индии, где танец также был изначально сакральным и был призван имитировать божество. «Легенда гласит, что Шива подарил людям танец, чтобы танцуя, они могли возносить ему почести. Около 200 в до н. э. на индуисткого брахмана снизошло вдохновение, и он записал сведения об искусстве танца – «Натьяшастра». Этот трактат содержит, в том числе описания девяти чувств (раса) и различное положение рук (мудра), предназначенных для выражения определенных символов в танце» [3]. Балийский танцевальный канон складывался в большей мере под влиянием яванской танцевальной школы, таким образом, индийские заимствования были опосредованными. Однако важно учесть, что: «Многие балийские танцы очень древнего происхождения. Они ведут свое начало доиндуистских ритуальных обрядов. Некоторые танцы могли произойти в результате трансформации ритуальных жестов, совершаемых священнослужителем во время богослужения» [1]. В качестве сюжетной основы танцев на Бали часто использовались индийские эпосы, такие как «Рамаяна» и «Махабхарата». В то же время необходимо отметить, что индийские сюжеты имеют на Бали свою местную интерпретацию, отличаясь от первоисточников, а также от яванских вариантов.

Танец как в прошлом, так и в настоящем времени играет огромную роль в жизни балийского общества, одна из его главных функций – обеспечивать связь между земным и потусторонним мирами. «Искусство на Бали является важным элементом в поддержании гармонии священных мест. <...> Творчество рассматривается здесь как инструмент, предназначение которого – соорудить мост между людьми и сущностями из другого мира: божествами, предками и духами» [3].

На научной конференции 1971 г. на Бали в рамках программы сохранения культурного наследия были утверждены три группы танцев: *вали* (в пер. с индонезийского «святой, защитник») – сакральные танцы, которые могут быть использованы исключительно во внутреннем дворе храма и только

для ритуала, *бебали* – сакральные танцы, исполняемые в наружном дворе храма, при этом допускаются зрители, *балих балдахин* – светские танцы, исполняемые для широкой публики и требующие от танцора высокой квалификации.

Одним из сакральных танцев Бали является *Сангхьянг дедари*, основанный на идее вхождения «высшей силы» в тело исполнителя, находящегося в состоянии транса. Главная задача *Сангхьянга дедари* – совершение ритуала очищения для освобождения жителей деревни от болезней и зла. Именно танец *Сангхьянг дедари* глубоко впечатлил русско-немецкого эмигранта, художника, музыканта, этнографа Вальтера Шписа (1895–1942), прибывшего на остров в 1927 г., с чьим именем связывают становление современного искусства на Бали: «Эти святыя танцы <...> – величайшее впечатление моего пребывания на Бали» [4].

Танцевальная постановка *Кечак*, столь популярная сейчас на Бали, создана Вальтером Шписом в период 1927–1935 гг. на основе ритуального танца *Сангхьянга дедари* с большим количеством преобразований и, вероятно, впервые исполненная в 1930 г. Название *Кечак* (*Kecak*) является звукоподражанием, взятым из простого слога *чак*, являющегося основой для взаимосвязанного вокального рисунка, создающего ударно-вокальную «музыку» голосов. *Кечак* сопровождает мужской хор (до ста человек), сидящих в кругах вокруг своего рода канделябров. Для танца используются только мужские голоса, хоровое исполнение заимствовано из *Сангхьянг дедари*. Б. Де Зоет пишет в 1936 г.: «Кечак известен каждому туристу на Бали, но потрясающее впечатление, которое он производит на зрителя, никогда, кажется, не станет меньше. Репетиции, с предельной точностью до мельчайших деталей, продолжались в течение нескольких месяцев подряд. Хор Чак сохранил атмосферу ритуального характера, который он имел в качестве сопровождения трансового танца Сангхьянг дедари» [5].

Хор певцов *Чак* называется *пенгекак* (*pengesak*), он делится на группы из двух или трех человек, поющих вместе. Исполнители сидят рядом, чтобы

слышать друг друга для получения синхронного результата. Внутри этих групп каждый человек поет одну из трех частей, называемых *польос*, *сангсих* и *санглот*, постоянно повторяющийся в течение двух ударов звук. Ритм, в свою очередь, задается отдельным человеком. Слово, которое он выкрикивает, называется *панг*, это имитация звука Каджар (*Kajar*) – инструмента, используемого в балийском *гамелан-ансамбле*. Самый важный человек хора – *Юру Тарек* (*Tarek* означает в балийском языке «тянуть»). Он выполняет функцию вызывания громче, чем остальные, чтобы задать хору темп и подать сигнал для перехода от одной части к другой. Его голос (*чак-слог*) можно слышать, например, каждый раз перед тем, как хор запускает новый «круг»: *Юру Тарек* кричит два громких «Чак-Чак» или один длинный «чааак» в темпе, которому должен следовать хор. Таким образом, музыкальное сопровождение танца *Кечак* состоит из хора, тройки лидеров-исполнителей и двух солистов.

Драматическая часть *Кечак* представляет собой танец в исполнении от шести до двенадцати танцоров (мужчин и женщин), визуализирующих сцены из индийского эпоса «Рамаяна». История сосредотачивается на похищении принцессы Сита по приказу Раваны, короля демонов. Сита в конце спасена своим мужем Рамой, его братом Лакшманой и их союзниками, которые уничтожили Равану и его царство. Танцоры, в том числе изображают войско обезьян, сражающееся с войском демонов-раксас, возглавляемым Раваной. Слог «чак», который выкрикивает хор, призван имитировать крик обезьян.

Танцорам предписаны сложные костюмы: каждому персонажу соответствует собственный узнаваемый наряд и грим, в отличие от хора, члены которого одеты в простые черно-белые саронги при обнаженном торсе. С семантикой костюмов, дифференцированными движениями танцоров, позиционированием артистов в хореографическом пространстве и их жестами связана дополнительная образно-символическая передача смыслов.

Важную роль играет *даланг* – закадровый чтец текстов, а также *Юру тембанг* (*tembang* можно перевести как «песня»): их партии напрямую связаны с танцорами. Главной задачей соло-певца (*Юру тембанг*) является озвучивание для аудитории слов персонажей, поскольку сами танцоры не разговаривают, их язык составляют жесты и пантомимы.

Таким образом, диалоги либо вербализируются *далангом*, либо переданы стихами, синхронно спетыми с *Юру тембанг*. И пение, и танец должны быть синхронизированы, хореография выверена в мельчайших подробностях; имеется только несколько участков, в которых допускается импровизация во время танца.

Оригинальный танец *Сангхианга дедари* был экранизирован в фильме «Остров демонов» (1930–1931) немецкого кинорежиссера Виктора фон Плезена (1900–1980). Этот фильм посвящен культуре и искусству Бали, нетронутых влиянием западной цивилизации. Шпис работал над этим фильмом по приглашению В. фон Плезена в качестве помощника режиссера, а также художественного руководителя, постановщика танцев и консультанта по этнографическим вопросам, в том числе относительно аспектов традиционной балийской музыки и драмы. В финальной сцене фильма, во время большого праздника в храме, Шпис решает показать полный обряд танца (без демонстрации сакрального момента входа духа в тело человека по этическим причинам), включающий двух танцовщиц, входящих во время исполнения танца в транс, женский хор, сопровождающий танцующих, а также мужской хор.

В центр хора была помещена горящая лампа, что, возможно, было обусловлено необходимостью дополнительного источника света, необходимого для съемки фильма. Лампа с огнем была явным новым изобретением, которое Шпис использовал тогда впервые, но сегодня это неотъемлемая часть танца *Кечак*. Несмотря на то, что Шпис включает в «Остров демонов» лишь незначительные элементы *Кечак*, фильм является важным документальным памятником, иллюстрирующим появление нового танцевального жанра.

Светский характер танца *Кечак* принес ему огромную популярность: уже почти девяносто лет он демонстрируется гостям острова, наряду с традиционными светскими балийскими танцами, а также является музыкально-драматической визитной карточкой Бали за его пределами.

Литература

1. *Демин Л. М.* Остров Бали. М. : Наука, 1964.
2. *Муриан И. Ф.* Боробудур и типы архитектурно-скульптурного синтеза в средневековой Индонезии // Синтез в искусстве стран Азии. М. : Наука, 1993.
3. Искусство Восточной Азии / сост. Фар-Бекер, пер. Е. С. Бушуева. М., 2006.
4. *Stepputat K.* The Genesis of a Dance-Genre: Walter Spies and the Kecak. [Электронный ресурс]. URL: http://ethnomusikologie.kug.ac.at/fileadmin/media/institut13/Dokumente/Downloads/Stepputat_Walter_Spies_and_the_Kecak.pdf
5. *Zoete B., Spies W.* Dance and Drama in Bali. London: Faber and Faber, 1938.
6. *Маретин Ю. В.* По поводу индийских влияний в балийской культуре // Страны и народы Востока. Индия – страна и народ. 1967. Вып. 5.
7. *Stowell J.* Walter Spies: a life in art. Jakarta: Afterhours books, 2010.

Цвет и фактура в японской архитектуре второй половины XX века

Цвет – одно из самых сильных средств выразительности в искусстве, воздействующее непосредственно на наше эмоциональное восприятие. Но говоря о различных способностях цвета, хотелось бы затронуть тему, которая подчеркнет его многофункциональность, а именно способность цвета наделять архитектуру добавочными смыслами. В японской архитектурной традиции цвет был связан с фактурой материала, что в совокупности придает экстерьеру здания цельный визуальный образ. В данной статье будет освещена история взаимодействия цвета и фактуры материала в японской архитектуре второй половины XX века.

Древние японские строители с особым вниманием относились к древесине, которая являлась воплощением синтоистского бога Такаги-но Ками. Поверхность обрабатывалась, но не красилась из уважения и почтения к природе. Впервые японская архитектура обретает цвет в период Нара (710–794 гг.), данный период времени изобилует контактами с Китаем, благодаря чему возрос интерес к китайской художественной жизни, в частности, к архитектуре. Алый цвет – символ огненных стихий в Китае – одним из первых проникает в японскую архитектуру и надолго закрепляется в различных сочетаниях с белым и черным. В период Муромати (1336–1573) строится буддийский храм Кинкаку-дзи, также его называют «Золотым павильоном». Здание храма было покрыто тонкими пластинами сусального золота и защитным японским лаком. Золотой цвет как символ солнца, величия, великолепия, силы является знаковым для буддизма, но в японской архитектурной традиции золото встречается очень редко. Так же как и сплошное золочение, «всплески» пестрого многоцветия в архитектуре Японии так или иначе были связаны с китайским влиянием. Наряду с этим,

с XVII века вплоть до конца XIX века японские архитекторы сочетают разные сорта деревьев в строительстве, создавая с помощью фактур и текстур натуральных материалов цветовые контрасты.

В конце 1950-х годов в Японии появляется группа японских архитекторов под названием «Метаболизм», куда входили Кисе Курокова, Кензо Танге, Киенори Кикутакэ, Фумихико Маки и др. Благодаря используемым материалам (бетон, сталь, железобетон) можно утверждать, что в архитектуре метаболистов видное место занимает серый цвет. Иногда поверхность серого по своей природе железобетона дополнительно покрывали серой краской для достижения матового эффекта, однако отметим, что в манифесте метаболистов не были обозначены четкие положения, касающиеся цвета.

После 70-х гг. XX в. метаболисты и их последователи стали использовать зеркальные гладкие поверхности. Метаболизм как архитектурное течение сохранялся, но с этого времени архитекторы стали обращать внимание на поверхность строения и на ее возможности. Отражающее стекло как теплопроводный и прозрачный материал начал преобразовывать городскую среду: здание становилось коммуницирующим, где люди обращали внимание на жизнь города за стеклом.

Иначе цвет в архитектуре Японии начал появляться на рубеже XX–XXI веков – архитекторы стали акцентировать внимание зрителя на одной цветной детали в здании. Появившийся цвет имел точечный и выборочный характер, где он не доминировал, а лишь являлся необычным декоративным решением. Монохромные цвета в архитектуре продолжали сохраняться, но само появление яркого цвета в зданиях было необычным средством выразительности для зданий. Однако эксперименты с цветом в скором времени прекратились: робость или чужеродность традициям не позволили архитекторам выйти за рамки.

На сегодняшний момент японские архитекторы находят иные способы передачи взаимодействия фактуры и цвета в здании. Современные архитекторы (Шигеру Бан, Ито Тойо и Кенго Кума) активно экспериментируют с такими

материалами, как дерево, картон, переработанная бумага, используя натуральный цвет материала, они покрывают его лишь защитными красками или лаком. Таким образом, положения синтоизма касающиеся трепетного, священного отношения к природе и окружающему миру не потеряли актуальности и сегодня. Японские архитекторы вдумчиво относятся к выбранной породе дерева и другим натуральным материалам. Исчезнув из конструкции архитектурных объектов, их цвет и фактура привносят в лучшие современные здания Японии частичку глубокой национальной традиции.

Литература

1. *Иттен И.* Искусство формы. М. : Издатель Д. Аронов, 2001.
2. *Грибер Ю. А.* Пространство в японской городской колористике // Урбанистика [Электронный ресурс]. 2016. № 4. С. 81–85. URL: http://e-notabene.ru/urb/article_21144.html (дата обращения: 08.04.2017).
3. *Пьянкова М. С.* Мифологическое мышление основа японской эстетической традиции // МНКО [Электронный ресурс]. 2010. № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskoe-myshlenie-osnova-yaponskoy-esteticheskoy-traditsii> (дата обращения: 11.04.2017).

**Роль испано-марокканского соглашения о реадмиссии 1992 года
как одного из главных инструментов испанской политики
экстернализации пограничного контроля**

Современный миграционный кризис в Европе стал пугающим явлением: миллионы смертей, столкновение культур, террористические атаки – это главные угрозы мировой безопасности. Страны Европы пытаются бороться с этой проблемой – наблюдается ужесточение иммиграционной политики ЕС в отношении проверки нелегальной иммиграции и создания периметра безопасности. Европейская программа в области миграции 2015 года, разработанная Комиссией ЕС, является ответом на все вызовы, с которыми сталкивается ЕС в период миграционного кризиса. Политика ЕС по вопросам миграции, сформулированная в Программе, основана на четырех основных принципах: снижение стимулов для незаконного передвижения мигрантов, пограничный контроль, общая политика в отношении предоставления убежища и новая политика в вопросах легальной миграции [1].

Первый пункт, как правило, реализуется посредством политики экстернализации убежища, для которой основным условием является использование соглашений о реадмиссии. Соглашения о реадмиссии основаны на концепции «безопасной третьей страны» и гарантируют, что страны транзита принимают депортированных, высылаемых из ЕС, и таким образом предотвращают поток беженцев в ЕС [1].

В контексте экстернализации границ Европы Испания заслуживает особого внимания, поскольку она стала эффективным «жандармом», который охраняет и контролирует южную границу Европы [2]. Испания приняла только 1 % людей, которые ходатайствовали о предоставлении убежища в Европейском союзе в 2016 году [3]. Политика экстернализации Испании

может быть изучена в рамках политики «Испанской комиссии по оказанию помощи беженцам» (CEAR). Больше внимания следует уделить «Соглашению о реадмиссии между Испанией и Марокко 1992 года» в контексте политики экстернализации пограничного контроля Испании как члена ЕС, поскольку после этого соглашения испано-марокканская граница стала объектом усиленного надзора и контроля, что имело значительные последствия для беженцев.

Таким образом, статья содержит ответы на следующие вопросы:

1. Какую роль играют двусторонние соглашения о реадмиссии в пределах ЕС и, в частности, в рамках политики Испании в области экстернализации пограничного контроля?
2. Что лежит в основе соглашения 1992 года о реадмиссии между Испанией и Марокко?
3. Какие последствия для беженцев имело данное двустороннее соглашение?

Так, анализируя миграционную политику Испании до и после двустороннего соглашения с Марокко 1992 года, автор статьи констатирует тот факт, что ситуация с пограничным контролем в данном регионе изменилась, что имело значительные последствия для беженцев, принимая во внимание то, что единственная европейская страна, граничащая с Африкой через испанские анклавы Сеута и Мелилья, не столкнулась с проблемой потока беженцев и мигрантов во время европейского миграционного кризиса 2015–2016 годов.

Литература

1. *FitzGerald D., Ruhrmann H.* The Externalization of Europe's Borders in the Refugee Crisis, 2015–2016 // Working Paper. San-Diego: Center for Comparative Immigration Studies. 2016. № 194. (accessed: 20.04.2016).
2. The externalization of borders and the right to asylum / The Spanish Commission for Refugee Aid, or CEAR. 10 January 2017. URL:

https://vk.com/doc56843768_440458241?hash=23ea70207d3870f975&dl=3a5d5088cad22fa704.(accessed: 20.04.2016).

3. Situation of refugees in Spain and Europe / Executive Summary, The Spanish Commission for Refugee Aid, or CEAR. 10 January 2017. URL: <https://www.cear.es/wp-content/uploads/2013/05/Executive-Summary-2016-Report-CEAR.pdf>. (accessed: 20.04.2016).

Форма Белой башни как новация в авангардном строительстве

В последние годы в Екатеринбурге усилился интерес к архитектурным памятникам авангарда. В связи с этим внимание исследователей привлекли разрушающиеся примеры всемирно известного стиля конструктивизм. Так, несколько лет назад началось восстановление Белой башни, и вспомнили имя архитектора – Моисея Вениаминовича Рейшера.

Моисей Вениаминович Рейшер (1902–1980 гг.) – выдающийся уральский архитектор. Вся его жизнь и творчество неразрывно связано со Свердловском. Первый период своей творческой карьеры с 1928 по 1935 годы он работал в организации Уралмашинострой, создавая проекты архитектуры конструктивизма. В 1930-х годах на смену конструктивизму пришли пышные формы тоталитарного барокко и надменная избыточность сталинского неоклассицизма. Тогда Рейшер оставляет стиль и свой главный, но не единственный шедевр в наследие авангарду – Белую башню.

Архитектурный образ водонапорной башни – классический пример объединения функции, конструкции и формы, в котором раскрыты функциональные особенности конструкции и композиция частей. Объемы сооружения подчеркнуты формами оконных проемов – круг и прямоугольник, опоясывающих бак сверху и снизу и образующих вертикаль и горизонталь на объеме лестничной клетки. Бак завершен плоской кровлей с парапетом [1]. По своему месторасположению башня является высокой доминантой и служит точкой схождения трех улиц Культуры, Донбасской, Бакинских комиссаров. Исходя из этого, на вершине башни Рейшер предусмотрел две смотровые площадки – на кровле бака и в маленьком консольном объеме, венчающем лестницу и бак [1]. Общая высота сооружения равна 35 метрам. Высота четырех железобетонных колонн, держащих плиту, равна 20 м. На плите

установлен бак для воды объемом 700 кубов. В 1931 г. это был самый большой бак в мире.

Проект металлического бака-резервуара разработали в бюро металлических конструкций Уралмаша под руководством С. Короткова. Водный резервуар – металлический бак «Инца» был впервые в практике советского строительства выполнен методом электросварки, вместо клепки.

Это инженерное сооружение вошло во многие отечественные и зарубежные издания и учебники как яркий пример авангардной архитектуры [2]. Железобетонная башня Рейшера записана в один ряд со стальной Шуховской башней в Москве (1922 г.) и признана выдающимся произведением инженерного искусства промышленной архитектуры.

Подобное отношение к этому проекту связано с самой историей архитектурного проектирования подобных сооружений. На протяжении всего XIX столетия водонапорные башни по виду напоминали скорее крепостные башни, нежели утилитарные сооружения. Совсем иную художественную трактовку они получают в 1920–30-е годы – эпоху конструктивизма, который внес сильные акценты в индустриальную архитектуру.

Важнейшим памятником этого направления стала новая часть фабрики «Красное знамя» (1926–1930 гг.), спроектированная немецким архитектором Эрихом Мендельсоном в сотрудничестве с ленинградскими коллегами.

Смелая по пластике композиция воплощает постулат автора «функция плюс динамика» – в прямоугольный блок врезаны с торца три закругленных объема водонапорной башни, имеющие разный диаметр.

Рейшер в проекте водонапорной башни УЗТМ вплотную подходит к концепции динамики экспрессии и остроте композиции.

С момента ее постройки в 1930 году практически во всех справочниках для техников и строителей она приводилась как образец промышленного зодчества. Таким образом, уже тогда у нее появляются «переработанные» копии и аналоги.

Первой переработкой стала водонапорная башня канатного цеха завода «Красный гвоздильщик» в Ленинграде (1930–1931 гг.), построенная по проекту Я. Г. Чернихова. Архитектор берет за образец проект башни Рейшера. Объем башни представляет собой не оригинальную композицию цилиндрического по форме бака, врезанного в него с северо-запада более высокого параллелепипеда лестничной клетки на свободно стоящих квадратных в сечении опорах. В конструкции башни четко прослеживается то же сочетание двух геометрических объемов, однако Черников воплощает первоначальную задумку Рейшера – выступ цилиндрического бака опирается на две тонкие опоры. В 1928 году в прочности железобетона еще сомневались и боялись использовать новый материал в таких конструкциях, тогда главный инженер Уралмаша В. Ф. Фидлер доработал, на его взгляд, непрочную конструкцию двух опор Белой башни, добавив две дополнительные колонны.

И это далеко не единственный пример использования проекта Башни Рейшера. В 1931 году на территории Уралмаша строят здание ТЭЦ, которое по своим формам напоминает башню. В проект нового завода «Средуралмедьстрой» авторами также введена «Белая башня». Появлялись подобные сооружения и вне территории СССР, например в Северном Китае. На сегодняшний день по Белой башне существует много публикаций, но большинство из них – это журнальные и газетные статьи, которые пересказывают одни и те же факты. Автор статьи попытался выявить специфические особенности башни Рейшера и привести все собранные материалы в научную систему.

Литература

1. *Токменинова Л. И.* Донбасская/Культуры // Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 1. Екатеринбург / отв. ред. В. Е. Звагельская. Екатеринбург : Изд-во Сократ, 2007. С. 192–193.
2. *Хан-Магомедов С. О.* Архитектура советского авангарда : В 2-х кн. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения. М. : Стройиздат, 1996. 709 с.

Католическая Реформация: исторический контекст и проблема человека

Возрождение как культурно-историческая эпоха считается судьбоносным для Европы временем ввиду того, что именно Возрождение обратило внимание на человека [1, с. 9]. Принято считать, что культурные акценты значительно смещаются: центром Универсума теперь становится индивид, его земная жизнь и чувственность реабилитированы в качестве значимых явлений бытия.

В числе причин, вызвавших к жизни необходимость пересмотра прежних концепции о человеке, наряду со всплеском интереса к Античности называют так же движение по обновлению церкви [1, с. 67]. Несмотря на сложное отношение к ренессансному гуманизму и неоднородность в своей природе, реформаторское движение в порыве к низведению значимости римско-католической церкви в жизни мирян находило с ним многие параллели.

И именно здесь необходимо подчеркнуть то, что видится проблематичным. Не менее бурная деятельность иерархов католической церкви того времени в отечественной историографии до сих пор носит название Контрреформации и, как правило, оценивается как предприятие реактивное (в уничижительном смысле) по характеру. Создание новых орденов, открытие сети школ, коллегий и университетов по всей Европе, активная проповедническая деятельность, острая полемика по вопросам теологии и общественной жизни с проponentами протестантизма по-прежнему изображается как яростное обострение антипрогрессистских умонастроений.

Между тем, как пишет о том Ж. Делюмо [2], Контрреформация (в западной историографии используется термин «католическая Реформация» [3]) как комплекс мер, принимаемый Церковью, имела перед собой те же задачи, что активно решались апологетами протестантского обновления. Ввиду этого,

видится необходимым (и полагаемым в качестве цели данного исследования) обратиться к этой малоизученной стороне духовной жизни Европы той эпохи.

Аналізу предлагается подвергнуть проблематизацию человека в рамках теологии, этики и общественной мысли деятелей католической Реформации. В частности, интересным выглядит антропология «второй схоластики», широко распространившейся в Испании XVI–XVII вв. Так, известный теолог Луис де Молина в знаменитой полемике с доминиканцами отстаивает свой вариант согласования божественной и человеческой воли, оставляющей за человеком право определения собственной судьбы, в противовес преддетерминизму доминиканцев [4, с. 95]. Не менее примечательной в качестве предмета острой дискуссии являлась также концепция этики пробабиллизма, служившая в качестве руководящего практического принципа для членов ордена иезуитов. Д. Шмонин, например, замечает, что для христианской этики пробабиллизм иезуитов является выразителем предельно мыслимой освобожденности человеческой воли [4, с. 100].

Важным антропологическим вопросом интеллектуальной жизни Европы в то время становится проработка философского базиса отношений становящегося светского государства и гражданина. Главная фигура теоретического авангарда католической Реформации, испанский философ Франсиско Суарес, в работе «Защита католической и апостольской веры против заблуждений англиканской секты» формулирует свой вариант теории естественного права, согласно которому, именно одобрение поданных является источником легитимности монарха [4, с. 155]. В «О законах и о Божезаконодателе» Суарес прямо указывает на законное право народа на неповиновение в случае несоблюдения договора между ним и сувереном [4, с. 157].

Теория между тем не была простым отвлечением. Сама ситуация предполагала быстрое практическое реагирование, к чему Церковь не замедлила прибегнуть. Новые антропологические концепции получали «обкатку» в системах образовательных учреждений, находили свое

практическое выражение в ходе проповеднической и миссионерской деятельности [5]. Охватившая большую часть Европы сеть образовательных учреждений (иезуитские коллегии и университеты) прямо и опосредовано в течение почти века влияла на европейский интеллектуальный климат.

Эпоха Возрождения – бурное время, обрисовавшее контуры будущего европейской культуры, задавшее вектор ее развития на многие столетия. Тем не менее традиционно изображаемая расстановка интеллектуальных, духовных и политических сил нуждается в существенном дополнении. Концепты и образы, коренные для европейской культуры, собирались под действием многих силовых линий, не всегда должным образом освещаемых в исследовательской литературе.

Литература

1. *Антисери Д., Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта. СПб., 2002.
2. *Делюмо Ж.* Цивилизация Возрождения. Екатеринбург, 2006. С. 137.
3. *Birley R.* The Refashioning of Catholicism, 1450–1700. A reassessment of Catholic Reformation, 1990. P. 3.
4. *Шмонин Д. В.* В тени Ренессанса: вторая схоластика в Испании. СПб., 2006.
5. *Дубровская Д. В.* Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М., 2000. С. 58.

Применение политических технологий в Интернете (на примере социальной сети Twitter)

Компьютерные технологии и Интернет с каждым днем прочнее закрепляются в нашей жизни. Сложно найти ту сферу деятельности человека, которая существовала бы «оффлайн». Не является исключением и политика.

Изменения, охватившие сферу политического, трансформируют политические технологии и придают им специфические свойства. Стоит отметить следующие черты современных политических технологий, применяемых в сети Интернет: экстерриториальность, интерактивность, мультимедийность, оперативность, таргетированность [1]. Данные особенности связаны с развитием источников информации и компьютерных технологий.

Наиболее распространенными на сегодняшний день являются венационные технологии. Суть их заключается в том, что управление процессом осуществляется политическим технологом – специалистом в области Интернета, который создает разветвленную сеть организационных ячеек и лишь координирует их действия «сверху», предоставляя им самостоятельность [1].

Венационные технологии охватывают широкую сферу применения: от разработки сайтов политическим организациям до создания интернет-партий. Однако наиболее распространенным полем их применения являются социальные сети.

Одной из самых популярных социальных сетей, а также одной из наиболее удобных в плане применения политических технологий является Twitter. Данный сервис представлен в большинстве стран мира, что обеспечивает широкий охват аудитории. Также в числе особенностей данной социальной сети стоит выделить легкость распространения информации

посредством цитирования других пользователей и хэштегов, что позволяет быстро набирать активистов на политические акции [2].

Так, во время оппозиционных митингов в России весной 2017 года была использована технология рекрутинга посредством политического хэштега. Организаторы призывали оставлять в различных социальных сетях заметки о дате, времени и месте проведения митинга, а также вести трансляцию происходящих событий, что привлекало внимание других пользователей. Примером хэштегов, используемых в социальной сети Twitter во время организации весенних митингов, могут служить следующие: #26марта; #всенамитинг; #тверская и другие. Результатом данной агитации посредством социальных сетей стали протестные акции в 97 городах России. Подобная технология не является новаторской и уже использовалась во время президентских выборов в Иране (2009) и во время неудачной попытки «цветной революции» в Молдавии (2009).

Удобство и эффективность распространения информации в Twitter обуславливает использование еще одной венационной технологии – ведения аккаунтов политических движений, партий и лидеров. Свое представительство в Twitter имеют все ведущие политические партии России, различные министерства и ведомства, а также должностные лица и оппозиционные силы страны. Яркими примерами служат аккаунты Президента России В. В. Путина, Председателя Правительства Российской Федерации Д. А. Медведева, а также лидера партии ЛДПР В. В. Жириновского.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в связи с трансформацией политики, вызванной развитием Интернета, претерпевают изменения и политические технологии. Основой их применения становятся социальные сети. Пример распространения информации о протестных митингах через социальную сеть Twitter показывает, что простота и скорость передачи информации, а также охват широкой аудитории делают социальные сети основным инструментом рекрутинга и координации действий оппозиционных сил как в России, так и за рубежом.

Литература

1. *Федорченко С. Н.* Венационные политические технологии [Электронный ресурс]. URL: http://piooss.net/blog/management_and_pr/4765.html (дата обращения: 28.03.2017).
2. *Гапич А. Э., Лушников Д. А.* Технологии «цветных революций». М. : РИОР, 2010. С. 101.

Личность художника

в качестве контекста исследования наивного искусства

С определением наивного искусства, которое можно было бы считать окончательным, затрудняются ведущие исследователи. В настоящее время невозможно провести четкие границы между наивом и авангардом или творчеством аутсайдеров, найти абсолютное тождество с самостоятельным творчеством, народным искусством или примитивизмом. Наив как искусство народного типа отличается подвижностью и изменчивостью в зависимости от этапа исторического развития и особенностей региона, что в свою очередь затрудняет научную кодификацию. Наивное искусство с трудом укладывается в традиционные рамки стилей и школ во многом потому, что не воплощается в уникальных сюжетах и редко выражает индивидуальную авторскую позицию, в том числе из-за того, что наиву присущи общие темы актуальные для всего народа. Это подтверждается и словами исследователей: «Авторство и уникальность не являются первостепенной ценностью в наивном искусстве – у него другие идеалы и цели» [1].

Однако исследователями предпринимались попытки определения истоков наива, а также систематизации художественных направлений наивного искусства [2]. Очевидно, что истоки лежат в социальной действительности, которая имеет значительные различия в российской и европейской реальности. Истоки наива также – и в особенностях визуальной культуры. В этом контексте наив может рассматриваться как художественный язык периферии и фольклор эпохи.

Задача определения наивного искусства, периодически возвращаясь к нам, каждый раз формулируется заново. Его рассматривали в разных контекстах: поиска новых художественных языков и форм в период зарождения

модернизма; творчества народных масс советского периода; самоидентификации и рефлексии личной и коллективной истории в постсоветский период; патологии и акцентуации личности и в ряде других. Вновь возникающая перед исследователем задача сейчас формулируется так: «что мы изучаем, описывая, осмысляя и представляя искусство наивных художников?».

Во-первых, от исследователей и коллекционеров требуется оправдание и предъявление его как художественной ценности. Это необходимо в силу самоочевидности его отличия от привычного, классического искусства, и эта необходимость будет возникать периодически.

Во-вторых, нас должна интересовать личность художника по следующим причинам:

- 1) самобытность и непохожесть многих из них, отсутствие определенного стиля, непринадлежность к какой-либо школе и, как следствие, невозможность объяснить творчество конкретного автора в контексте более общих категорий и процессов;
- 2) произведения наивных авторов являются заявлениями об идентичности, и это высказывание является основным смыслом и содержанием произведения [3];
- 3) невключенность в привычные институты рефлексии творчества (арт-критика, монографии, биографии) побуждает обращаться напрямую к личности художника.

Когда рассуждают о наивном искусстве, его чаще всего противопоставляют профессиональному искусству со свойственной последнему технической изощренностью и углубленным выбором и построением сюжета [4]. Профессиональный художник, как принято считать, последовательно выстраивает индивидуальный стиль и манифестирует авторские позицию и послание. Из этого следует, что наиву как подобию фольклорной живописи, отражающей архетипические черты эпохи и тяготеющей к анонимности, а значит, и наивному художнику не присущи

поиски средств художественной выразительности, отвечающих замыслу и необходимости в самовыражении собственной идентичности.

Достижение профессионализма возможно двумя направлениями: один путь, когда художник перенимает технические и идеологические возможности мастера, у которого проходит непосредственное обучение, другой путь – изнурительная работа человека над собой, рефлексия и самоанализ, поиск экзистенциальных истин внутри собственного сознания. Если следовать второму пути обретения профессионализма, то процесс визуальной репрезентации обретенных ответов будет отличен от передачи аналогичного содержания художниками первого пути. Это профессионализм, рождающийся в затворничестве, лишь изредка являющий свету плоды мучительных поисков символов и метафор и кропотливой работы совершенствования. В результате этих внутренних поисков зритель оказывается перед произведениями, неподдающимися описанию и интерпретации без включения контекста, а именно личности художника.

Литература

1. *Бобрихин А. А.* Наивное искусство Урала [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/154493020.pdf> (дата обращения: 05.02.2017).
2. *Авдеева В. В.* Истоки наивного искусства Урала: специфика художественной традиции // Искусство наивных художников в контексте отечественной мировой художественной культуры: материалы науч. конф. М. : НИЦ «Академика», 2013. С. 89–97.
3. *Суворова А. А.* Аутсайдерское искусство постсоветского периода в контексте кризиса индентификации // Искусство наивных художников в контексте отечественной мировой художественной культуры: материалы науч. конф. М. : НИЦ «Академика», 2013. С.51–57.
4. *Голынец Г. В.* Профессиональное, самодеятельное и наивное искусство: о границах // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 3 (116). С. 129–132.

Ментальная структура «склеенного» концепта ВИНА – РАСКАЯНИЕ – ПОКАЯНИЕ – СОЖАЛЕНИЕ

Исследуя концепты РАСКАЯНИЕ, ПОКАЯНИЕ, СОЖАЛЕНИЕ, ВИНА по модели анализа, предложенной Л. Г. Бабенко [1], мы обнаружили, что данные концепты имеют пересечения во всех зонах и, следовательно, могут быть представлены как «склеенный» концепт, включающий в себя зоны, в которых названные концепты будут иметь абсолютное пересечение и периферию, где будут находиться когнитивные признаки, присущие тому или иному концепту внутри «склеенного» ментального конструкта. Вопрос о соотносительности концептов друг с другом является малоизученным и представляется интересным для исследования. В исследовании мы используем контексты, выбранные из Национального корпуса русского языка [2].

С помощью метода концептуального анализа, основанного на обобщении семантического комплекса сем определенной группы слов с целью определения когнитивных признаков, *в зоне ядра концепта* можно выделить общие когнитивные признаки (далее – КП) для имен концептов: «внутреннее психическое состояние человека» и «намеренное действие человека, нарушающее какие-либо нормы или правила поведения».

В *приядерной зоне* также находим общие конкретизирующие признаки. Так, для концептов РАСКАЯНИЕ ВИНА, ПОКАЯНИЕ, СОЖАЛЕНИЕ обязательным является КП субъекта, в качестве которого может выступить как один человек, так и группа людей. Рассматриваемые концепты имеют КП антропоцентричности. Объектом описываемых состояний является проступок, грех или самовольное нарушение чего-либо. При этом для СОЖАЛЕНИЯ объектом, помимо перечисленных источников, может быть, например, какое-либо событие, явление, которое могло бы произойти, но не произошло. Источником вины может быть как

проступок, ошибка человека, совершенные преднамеренно или случайно, так и нечто хорошее, чем обладает субъект и чем не обладают другие, или даже отсутствие какого-либо проступка: *«Он чувствовал себя смутно виноватым за то, что не он вчера положил конец мерзостям Изотова...»* (Д. Быков).

Все названные эмоции могут быть проявлены в большей или меньшей степени, искренне или фальшиво. Общим желаемым результатом концептов РАСКАЯНИЕ, ПОКАЯНИЕ, ВИНА является прощение со стороны пострадавшего человека или со стороны окружающих людей.

В зоне ближайшей периферии рассматриваемые концепты сопрягаются с болью, стыдом, муками и угрызениями совести, грустью, страхом. Концепт ВИНА сопрягается с уникальными эмоциями (неловкостью или стыдом перед тем, кого обидел) и интеллектуальными состояниями (гложащим ощущением собственной неправоты по отношению к другому человеку или к самому себе, а также ощущением изоляции от человека, перед которым индивид провинился и ожиданием его возможной реакции). ПОКАЯНИЕ может переживаться вместе с эмоцией радости и интеллектуальным состоянием отречения от прошлой греховной жизни. СОЖАЛЕНИЕ сопрягается с интеллектуальным переживанием сомнения, неуверенности.

Раскаяние, сожаление, покаяние и чувство вины имеют сходное проявление: могут быть выражены невербально. Так, раскаяние может быть проявлено улыбкой, выражением глаз: *«Пьер с кроткой улыбкой сожаления и раскаяния <...> стоял перед Долоховым»* (Л. Толстой). При покаянии человек может отводить взгляд в сторону, падать на колени, плакать: *«Наконец упал на колени, покаялся в своей ошибке с надбавкой и расплакался»* (К. Петров-Водкин). Сожаление часто проявляется в интонации человека, манере говорить; если сожалеющий субъект испытывает волнение, то он может задыхаться: *«...звучит в ее словах нотка сожаления»* (Ю. Никулин); *«Я смотрел ей вслед, почти задыхаясь от сожаления»* (Г. Газданов). Невербальными показателями вины являются мимика, походка, которые субъективно признаются воспринимающим как виноватые: *«Хозяин засеменял из кабинета какой-то виноватой походкой»* (Д. Мамин-Сибиряк).

Для рассматриваемых эмоций существуют устойчивые речевые формулы вербального выражения, которые в большинстве случаев являются общими (*и сам не рад, виноват, бес попутал* и др.).

В зоне ассоциативно-образных компонентов пересечением являются типичные метафорические представления эмоций как живых существ, как огня, сжигающего и разрушающего душу и сознание человека. Часто подчеркивается активная роль чувства, его воздействие на человека. Типичным для имен эмоций метафорическим образом является представление эмоции как жидкости: *«Раскаяние из сердца выплеснем»* (В. Шершеневич); *«Скорей омой / Себя водою покаянья»* (А. Хомяков). *«Смутная грусть и сожаление наполняли глупую голову Семена»* (Л. Андреев). Эмоции предстают как жидкость, которая наполняет человека, его сердце, голову, при этом актуализируется степень, глубина и полнота испытываемого чувства.

В области дальнейшей периферии анализируемых концептов наблюдается пересекаемость в зоне эмоционально-оценочной реакции окружающих. Проявление эмоций, названных именами концептов, приводит либо к прощению проступка, ошибки, либо к желанию наказать провинившегося в случае, если его эмоция кажется неискренней, фальшивой, или если его вина субъективно воспринимается как тяжелая.

Таким образом, рассмотрев концепты РАСКАЯНИЕ, СОЖАЛЕНИЕ, ВИНА, ПОКАЯНИЕ в их соотносительности и пересекаемости, мы считаем, что можно говорить о существовании особого ментального образования – «склеенного» концепта.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02005).

Литература

1. Бабенко Л. Г. Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации. Екатеринбург, 2010. С. 11.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

Международная защита коренных народов

За последние десятилетия можно отметить значительные достижения в изменении правового статуса коренных народов в мире – принятие множества конвенций и деклараций, создание и совершенствование различных особых механизмов.

По-прежнему актуальным остается вопрос формулирования определения понятия «коренной народ». Но еще более важной задачей можно назвать обеспечение надлежащего уровня защиты прав аборигенов.

Несмотря на то, что долгое время коренные народы страдали от бед разного характера, можно отметить прогресс в признании их прав на международном уровне. В глобальном масштабе отмечается тенденция к привлечению внимания, обсуждению и поиску решений существующих проблем в сфере защиты прав коренных народов.

Международные организации, такие как МОТ, ООН и другие являются своеобразными гарантами системы сотрудничества акторов разного уровня. Расширяются и укрепляются обязательства государств по улучшению положения коренных народов. Можно отметить наличие набора международных механизмов и методов урегулирования спорных вопросов в данной области.

Разумеется, сохраняется достаточное число проблем. Бросаются в глаза низкие показатели социального развития. Но это стимулирует международное сообщество к дальнейшему сотрудничеству и усилиям по разрешению ситуации.

Можно с уверенностью заявить, что сегодня отмечается эволюция правового статуса коренных народов как на глобальном, так и региональном уровнях. Приоритетное положение занимает вопрос обеспечения прав

и интересов в направлениях деятельности государств и правительств. Провозглашается и поддерживается право коренных народов на самоопределение, самоуправление и сохранение своей идентичности.

В результате активных действий коренных народов, гражданского общества, международных механизмов и государств на местном, региональном и международном уровнях за последние три десятилетия права коренных народов стали важным компонентом международного права и политики. Центральное место в процессе этих изменений отводится механизмам, нормативным актам и политике правозащитной системы Организации Объединенных Наций, при этом ведущую роль играют такие органы, как Рабочая группа Организации Объединенных Наций по коренным народам, Совет по правам человека и его механизмы в сотрудничестве с другими ключевыми участниками, включая Постоянный форум Организации Объединенных Наций по вопросам коренных народов.

Права коренных народов в международном законодательстве были разработаны на основе норм действующего международного права, включая международные договоры о правах человека для учета конкретных особенностей коренных народов, а также их приоритетов, таких как права на их земли, территории и ресурсы, на самоопределение.

За последнее десятилетие правовые изменения на региональном уровне значительно содействовали развитию международной судебной практики в отношении коренных народов. Все более активно идет процесс формального включения прав коренных народов в национальные правовые системы. Суды также способствовали применению провозглашенных на международном уровне прав коренных народов при рассмотрении внутренних дел. В более широком смысле и зачастую благодаря участию национальных правозащитных учреждений права коренных народов, предусмотренные международными договорами о правах человека, все больше учитываются в государственной политике, затрагивающей коренные народы.

Кодекс министра Великобритании как этический кодекс госслужащего

В XXI веке общество проявляет интерес не только к уровню профессиональных навыков «слуг» государства, но и обращает особое внимание на вопрос нравственного воспитания таких работников. Желая искоренить коррумпированность в обществе, правительства многих прогрессивных стран принимают особые законодательные акты, призванные поднимать административную этику людей, исполняющих обязанности в соответствии с занимаемой должностью на государственной службе.

Но что следует понимать под административной этикой? Если под этикой принято понимать нормы поведения, совокупность нравственных правил среди членов какого-нибудь общества, общественной группы или профессии, то под административной этикой же понимаются правила, позволяющие реализовать определенные этические идеалы и представления в ежедневной практической деятельности и поведении государственных служащих. Получается, что «управление административной этикой» – это определение того, что является должным поведением для государственных служащих, разработка связанных с этим стандартов и правил поведения, а также создание процедур по их реализации [1].

Введение административной этики считается одним из действенных способов повышения эффективности государственной службы, регулирования конфликта интересов, противодействия коррупции. Вопрос о разработке и совершенствовании специальных отдельных этических стандартов наиболее остро встал во время проведения реформ государственной службы конца XX – начала XXI вв. Государственный менеджмент как новая форма государственного управления предполагает повышение роли ценностных,

морально-этических регуляторов деятельности и поведения государственных служащих [2].

Например, такое «традиционно правовое» государство как Великобритания, где чтут нормы и традиции, еще в 1997 году приняла уникальный и не имеющий аналог документ – Кодекс министра – этический кодекс государственной службы, регулирующий деятельность высших должностных лиц государства.

Работа над ним началась еще в 1994 году, когда был создан независимый консультативный Комитет по стандартам публичной сферы (англ. Committee on Standards in Public Life) под председательством лорда Нолана. В задачи Комитета входили «изучение и оценка норм поведения всех руководителей общественных учреждений, включая все действия, относящиеся к их финансовой и коммерческой деятельности», выработка рекомендаций по улучшению моральных критериев участников «публичной жизни». При этом Комитету рекомендовалось не рассматривать частные случаи нарушения стандартов поведения, а сосредоточиться на формировании общих принципов достойного участия в общественной жизни.

В результате своей работы в 1995 г. Комитетом были сформулированы так называемые «Семь принципов публичной жизни» (англ. The Seven Principles of Public Life) [3] государственной работы чиновников, представляющих собой своеобразный кодекс поведения: нестяжательство, неподкупность, объективность, подотчетность, открытость, честность, лидерство.

Кодекса министра заменил «Вопросы процедур для министров» – некий «свод правил поведения» в различных служебных ситуациях. Впервые Кодекс был издан в 1992 г. Лейбористское издание Кодекса, выпущенное в 1997 г., содержит, помимо ряда дополнений, еще одно существенное новшество – личное краткое предисловие бывшего в те времена премьер-министром Т. Блэра [3]. Кодекс содержит десять разделов, в которых правовые нормы переплетаются с нормами этическими. Это подчеркивает мысль о наличии

в государственном управлении этических принципов, проведенных в жизнь через юридические документы.

По этическим правилам, принятым в Великобритании, все подарки, предлагаемые служащему в связи с исполнением официальных обязанностей, должны им отвергаться. Исключение делается для рождественских подарков, если они «представляют собой календари, записные книжки, предметы канцелярского обихода скромной стоимости и имеют на себе название или знак компании, что делает возможным рассматривать их в качестве рекламных материалов». Государственный служащий может оставить с разрешения руководителя ведомства подарок от иностранного представителя, чтобы не показаться невежливым.

В заключении хотелось бы отметить, что ценность таких нормативных актов как этические стандарты еще не до конца изучена. Многие страны, в том числе и Российская Федерация, продолжают свой путь «проб и ошибок» на пути построения нового, не коррумпированного класса государственных служащих.

Литература

1. *Ирхин Ю. В.* Возрастающая роль этических кодексов государственной службы в управленческих парадигмах и практиках: сравнительный анализ // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. № 6. С. 94–104.
2. *Клинышанс Е. В.* Профессиональная этика государственных и муниципальных служащих. Этика государственной и муниципальной службы. URL: <http://www.distanz.ru/videoLecture/3419/> (дата обращения: 01.04.17).
3. Committee on Standards in Public Life. URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/the-committee-on-standards-in-public-life> (accessed: 01.04.17).

Визуальный образ города Екатеринбурга (на примере социальной сети Instagram)

Современная жизнь характеризуется стремительностью социальных изменений, и во многом это происходит благодаря новым информационным технологиям и процессам виртуализации современного общества [1]. Человек уже не может представить свою жизнь без включения в виртуальное коммуникативное пространство. Современный город, а тем более мегаполис, оказывается той средой, в которой социальная и культурная виртуализация достигают максимума, проявляя себя с особой силой, интенсивно влияя на действительность [2].

Произошедший «визуальный поворот» на рубеже XX–XXI веков позволяет говорить о нарастающем господстве образов. Глобальные информационные технологии позволили создать виртуальные сети, распространяющие визуальную информацию. Самой популярной «визуальной» социальной сетью Интернета на данный момент является Instagram. Это приложение предполагает быстрый и простой обмен фотографиями, чем завоевало популярность в среде молодежи (71 % пользователей Instagram – молодые люди в возрасте от 18 до 34 лет). Визуальный метод в социологии раскрывает смыслы, заложенные в фотографиях. Фотография как средство репрезентации картины мира является основным объектом визуальной социологии и одновременно новым и малоизученным полем для исследования. Фотография – это вид документа, к которому применимы социологические методы исследования: качественный и количественный [3]. Качественный анализ фотографических документов заключается в интерпретации сведений, содержащихся в документе, их толковании. Количественный метод направлен

на выделение элементов, существенных для исследования, частоты их появления, а затем выполнения анализа количественных результатов [3].

Для исследования фотографий как средства визуализации образа города нами был выбран количественный анализ (визуальный контент-анализ). При проведении подобного исследования необходимо соблюдение следующих этапов:

1. Определение задачи и объекта анализа. Задачей исследования является анализ фотографий в сети Instagram как средства визуализации образа Екатеринбурга. Объектом выступают наиболее популярные аккаунты сети Instagram, публикующие фотографии города Екатеринбурга: @t4.ekaterinburg (52 тысячи подписчиков), @ekbgram (25.5 тысяч), @nashekb (32,2 тысячи).

2. Определение выборки. Для анализа в каждом из аккаунтов мы выбрали первые 30 фотографий. Хотя количество опубликованных фото значительно превышает выборку, необходимо учитывать визуальное «перенасыщение».

3. Определение категорий и единиц анализа. Для проведения исследования нами были выделены следующие категории: 1) Екатеринбург как деловой центр (объекты категории – башня «Исеть», гостиница «Hyatt», БЦ «Высоцкий»); 2) исторические места города и архитектурные композиции (объекты категории – Храм-на-Крови, Храм «Большой златоуст», дом Н. И. Севастьянова, старые постройки и памятники); 3) природа и ландшафт (объекты категории – ЦПКиО им. Маяковского, Дендропарк, фотографии парков и водоемов).

4. Подсчет частоты появления каждой единицы на фотоснимках и замер популярности фотографий путем подсчета отметок «Мне нравится».

Результаты анализа показали, что образ делового Екатеринбурга и образ Екатеринбурга как исторического центра представлены одинаково (44 %). Природа и парки Екатеринбурга фигурируют на снимках заметно реже (11 %). То же можно сказать о некоторых символах Екатеринбурга – небоскреб «Высоцкий», а также здание Администрации города (4 % и 3 % соответственно). Наибольшей популярностью пользуются ночные виды города и изображения делового Екатеринбурга – Башня «Исеть», БЦ «Высоцкий»

и Ельцин-центр. Стоит отметить, что на фотографиях присутствует только центральная часть города, в то время как фотографии более отдаленных районов отсутствуют. Предпочтение отдается фотографиям в летний период времени, тогда как осенние «серые» изображения в сети не фигурируют.

На основании полученных данных можно сделать вывод, что визуальный образ города гармонично сочетает в себе как историческую преемственность, так и новации современных мегаполисов. В социальной сети Instagram Екатеринбург изображается как крупный развитый мегаполис с большим количеством многоэтажных построек, деловых зданий и бизнес центров. Нельзя оставить без внимания тот факт, что отсутствует в Сети другая сторона города: отдаленные районы, старые здания, производственные предприятия, множественные стройки. Следовательно, визуальный образ Екатеринбурга складывается из отдельных, наиболее привлекательных частей города, которые составляют лишь малую его часть.

Литература

1. *Баткаева Е. Р.* Феномен виртуализации: социологический аспект // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 35–37.
2. *Туркина В. Г.* Виртуализация городского пространства // Вестник ВолГУ. 2008. № 2. С. 64–67.
3. *Дягилева Н. С., Журавлева Л. А.* Методологические основы применения визуального метода в социологических исследованиях // Вестник ЧелГУ. 2012. № 4 (258). С. 75–79.

Ключевые факторы инновационного развития регионов России

Четвертая промышленная революция, о начале которой было объявлено в 2016 году на Всемирном экономическом форуме в Давосе, коренным образом изменила философию мирового бизнеса: от представлений производства большего количества товаров по более низкой цене к созданию нового и иного [1]. Подобный подход привел к возрастающей значимости бета-труда как вида человеческой деятельности по созданию, нового, инновационного продукта. В связи с этим внимание государства и бизнеса было направлено на создание условий для развития новой экономики, которую определяют как «экономику знаний», или инновационную экономику. Большой вклад в изучение инновационной экономики внесли работы Г. Чесбро [2], С. Стерховой [3] и др. В рамках нашего исследования нас интересуют механизмы создания региональных инновационных систем (далее – РИС). Здесь наблюдается некая неопределенность среди авторов относительно того, какие факторы влияют на их развитие.

Целью нашего исследования является определение и обобщение теоретических подходов к определению основных центров приложения усилий для развития РИС. Рассмотрим существующие исследования в области определения ключевых факторов развития региональных инновационных систем. Так, академик Я. Б. Данилевич пришел к выводу, что ключевым фактором развития инновационной экономики является понимание знаний в качестве непосредственного объекта-товара и его продвижение на рынок, т. е. включение в производственные цепочки [4]. Тезис подкреплен статистикой о том, что долю новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании, подготовке кадров, организации производства приходится от 70 до 85 % прироста валового внутреннего продукта стран [5]. Но только ли развитие

человеческого капитала влияет на формирование региональных инновационных систем? А. Ганеева, помимо научно-исследовательской работы, выделяет необходимость развития нормативно-правового, финансового, информационного и организационного развития РИС [6]. Л. Гуриева определяет развитие РИС как взаимодействие нормативно-правовой и исполнительной власти страны с властью региона [7].

Для самостоятельного определения доминантных факторов развития РИС России обратимся к рейтингу инновационного развития субъектов Российской Федерации [8], который позволяет провести разностороннюю оценку инновационного развития региона в контексте 38 факторов, сгруппированных по различным категориям.

В рамках эконометрического исследования была поставлена задача: выявить значимые на 1, 5 и 10 %-ных уровнях значимости факторы развития РИС и проследить их взаимосвязь. Проанализировано 3154 значения по 38 факторам в 83 субъектах России. Интерпретация полученных значений позволила нам разделить все факторы на три ключевые точки приложения сил для развития РИЦ, а также разместить их в логической последовательности.

Государственные и внутрифирменные усилия (значимость на 1 %-ном уровне) подразумевают создание условий для развития инновационных производств: территории опережающего развития, налоговые и административные преференции, инвестиционный маркетинг территорий и т. д. В рамках предприятия учитывается число занятых в высокотехнологичных отраслях, средства, затрачиваемые на исследования и разработки и др. 5 %-ный уровень значимости показали факторы, связанные с фундаментальными и исследовательскими разработками. Здесь создается теоретическая база, которая оказывает опосредованное влияние на развитие РИС, путем дальнейших прикладных разработок на предприятиях.

Проведенное исследование подтверждает правильность более ранних работ в этой области и одновременно дополняет некоторые модели, приводит их общему знаменателю, показывает последовательную взаимосвязь между

всеми стейкхолдерами и необходимость целенаправленности и консолидации усилий всех заинтересованных структур в развитии региональных инновационных систем.

Литература

1. *Маслов В. И.* Инновационный менеджмент в XXI веке. М., 2012. С. 87.
2. *Чесбро Г.* Открытые бизнес-модели. IP-менеджмент. М., 2008. С. 79.
3. *Стерхова С.* Инновационный продукт: инструменты маркетинга. М., 2009. С. 296.
4. *Данилевич Я.* Имидж ученого: современные PR-технологии в экономике знаний // Вестник Российской академии наук. 2005. № 1. С. 32–35.
5. *Груздева Е.* Финансирование инновационного бизнеса. М., 2011. С. 156.
6. *Ганеева Г.* Формирование региональной инновационной системы как приоритетного направления развития региона // Проблемы инновационно-инвестиционной деятельности в России: сб. материалов Росс. науч.-практ. конф. Уфа : БАГСУ, 2005. С. 94–97.
7. *Гуриева Л.* Стратегия устойчивого развития региона // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 2. С. 46–57.
8. *Гохберг Л.* Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. М. : Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2016. Вып. 4. С. 248.

Междисциплинарность и проблема метода в искусствознании

Проблема метода искусствознания как гуманитарной дисциплины заключается в том, что изучая объекты – артефакты, она сталкивается с необходимостью изучать еще и способы их создания. В таком случае предметом изучения здесь становится исследуемый с помощью относительно «научного» метода метод «творческий». Вопрос наличия строго «научных» методов в гуманитаристике часто вызывает много споров в среде специалистов, но не меньше споров вызывает и вопрос существования каких-либо методов в искусстве, основой которого считается категория стиля.

Согласно социологу Дж. Ло [3], для того чтобы описание через исследовательский метод человеческого опыта и повседневных методов в нем было действительно полезным, необходимо создание гибких «методов-сборок» и выстраивание симметрии между языками описания и «языками» изучаемых реальностей. Иначе попытка с помощью метода упорядочить запутанный реальный мир с его множеством противоречивых схем и методов вносит в него еще больше хаоса. Не учитывающее этого исследование, даже имеющее «научные» параметры, на деле часто обречено на эпистемологическую путаницу и потерю онтологических оснований.

Творческая деятельность является опытом человеческого сознания, но открытым остается спор о бессознательных и иррациональных началах в ней. Может ли «метод» этой деятельности быть схвачен в словах, или на него можно лишь указать, подобно религиозному, мистическому или духовно-телесному, уникальному опыту? Можно ли с помощью науки описать индивидуальный опыт личности, превосходящий любой типовой и социальный опыт?

Для структурного анализа творчества как вида деятельности уместно применять некоторые социологические и эмпирические методы, но для анализа художественного произведения как феномена трудно обойтись без «творческого», уже не строго «научного» и еще не художественного, а гуманитарного метода, призванного быть гибким, аллегоричным, интерсубъективным, метафоричным, суггестивным и понимающим. Думается, применение таких методов более разумно, чем отказ от методов вообще, и их существования не признается в некоторых видах деятельности, таких как искусство, лишь по той причине, что методы якобы обрекают его на догматичность и подражание естественно-научным идеалам. Но и в строгих науках известны воззрения «эпистемологического анархизма» [4], однако они акцентируют критику скорее на неправильном применении метода как методики, технологии или приема. Сам метод, на деле являясь культурным и созидательным образом мышления, может выступать важным элементом критериального аппарата, столь необходимым в критике искусства, однако важным пунктом здесь является его свобода от ангажированности политического дискурса.

Литература

1. *Бахтин М. М.* К философским основам гуманитарных наук. М., 1997. С. 8.
2. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1998. 704 с.
3. *Ло Д.* После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015. 352 с.
4. *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания. М., 2007. 413 с.
5. *Schmarsow A.* Grundbegriffe der Kunstwissenschaft. Leipzig, 1905.

Народная кукла как носитель культурной памяти: проблема аутентичности

Поиск смысла жизни, гармонии с самим собой и окружающим миром относится к числу базовых духовных потребностей человека. Одним из наиболее значимых факторов, объединяющих социальную общность, является коллективная память, которая обеспечивает устойчивость социума на протяжении длительного времени [4].

Исследователи выделяют разные виды памяти. Если коллективная память существует в пределах одного поколения, то для постоянной трансляции и актуализации культурных смыслов, знаний о себе и своей идентичности на протяжении многих поколений формируется память культурная [1]. Прошлое непрерывно воссоздается настоящим, приспосабливается к нему и функционирует, вбирая в себя новые культурные смыслы. Носителями культурной памяти являются не только современники «актуального сообщества вспоминающих», но и особые объекты, выступающие хранителями и носителями традиции [1]. Такими носителями могут быть, например, праздники, скульптурные монументы, обычаи и обряды. В российской культуре к их числу принадлежит и народная тряпичная кукла.

Уже в традиционной культуре существовала потребность в объяснении мира и осмыслении существования человека в нем. Все окружающие человека предметы выполняли эту функцию. Не была исключением и «аутентичная» [3] народная кукла. Она несла в себе символику рода и являлась средством объединения предков с потомками, установления связи между поколениями. Этим объясняются и особенности ее формы, и способы производства. Идея продолжения рода воплощалась в своеобразной андрогинности куклы, символизировавшей не только женское (условное изображение женской

фигуры), но и мужское (тулово столбообразной формы) начало. Для сохранности родовой силы ее одежда изготавливалась из ношеной материи, а она сама была безлика и безымянна.

К XIX веку интерес к миру уступил место интересу человека к самому себе и социуму. На смену условной фигуре тряпичной куклы пришло стремление сделать ее более правдоподобной. К этому времени у нее появляются нарисованные углем или вышитые черты лица, руки-палочки, привязанные по бокам, нашитая на голову коса [2]. Кукольные наряды теперь отражали социальный состав населения всей страны, все чаще появлялись куклы, изображающие мальчиков. Однако несмотря на формальные изменения облика, семантика «аутентичной» куклы в основе своей остается прежней, служить родовым этническим кодом.

Революция 1917 года с идеей построения абсолютно нового общества, свободного от пережитков прошлого, привела к исчезновению традиционной народной куклы из быта русского человека. Ее семантика и особенности функционирования в дореволюционную эпоху не смогли адаптироваться к новым идеологическим и педагогическим установкам, а ее способность аккумулировать опыт и память многих поколений не была востребована советской культурой, не нуждавшейся в сохранении культурной памяти.

Возрождение интереса к народной кукле происходит в постсоветское время. Главной особенностью эпохи считается установка на мобильность, способность приспосабливаться к быстро меняющимся условиям окружающей среды. Новый тип куклы, названный М. А. Мишиной «реконструированная» [3], отвечает этим потребностям. Во-первых, выполненная современными мастерами в точном соответствии с региональными традициями она выступает инструментом изучения культуры предыдущих эпох. По ее облику можно воссоздать повседневные и обрядовые практики народа, объяснить некоторые его особенности. Во-вторых, кукла имеет этнотерапевтический и этнопедагогический эффект: она используется в коррекционной работе с детьми-инвалидами и взрослыми людьми

с ограниченными возможностями, является эффективным средством обучения детей традициям русского народа. Некоторые куклы создаются специально для игры и развития ребенка. В-третьих, кукла выступает предметом интерьера и коллекционирования. Вместе с тем ее делают для продажи на ярмарках, фестивалях и фольклорных праздниках в качестве сувенира. Особое внимание уделяется эстетической стороне облика куклы. Конкурировать на рынке с другими куклами ей позволяет все возрастающая декоративность. Поэтому реконструированная кукла обильно украшается, для ее изготовления используют новые материалы. В обществе, где важен профессионализм, она выполняется не любителем, но специально подготовленным для этого человеком – мастером, который старается создать индивидуализированную куклу для каждого заказчика.

В результате расширяется функционал народной куклы. Если в традиционной культуре она зачастую была монофункциональна (например, служила элементом обряда), то в наши дни одна и та же кукла может выполнять разные функции: ее можно подарить, сделать объектом коллекционирования, играть с ней, использовать в обучении и т. д. Но хотя функционал современной реконструированной куклы достаточно разнообразен, наиболее востребованы в современной культуре ее мемориальная и эстетическая функции, которые зачастую входят в противоречие друг с другом. Мемориальная функция нацелена на установление символической связи с предшествующими культурными эпохами, в то время как эстетическая функция сориентирована на соответствие современным представлениям о прекрасном.

Итак, хотя в наши дни образ реконструированной куклы остается прежним, ее семиотическое значение утрачивается, а традиционная форма наполняется современными смыслами. А это значит, что она не столько воссоздает преемственность культурных эпох, сколько конструирует культурную память о крестьянском прошлом страны с позиций современной культуры.

Литература

1. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. *Дайн Г. Л.* Русская тряпичная кукла. Культура, традиции, технология. М. : Культура и традиции, 2007. 265 с.
3. *Мишина М. А.* Формы бытования традиционной куклы в культурном пространстве постиндустриального общества России : автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2011. С. 1–10.
4. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 264 с.

Концептуализация понятия публичного пространства в работах И. Канта и Ю. Хабермаса

Проблематика публичной сферы получает дополнительный стимул для исследования, так как важно обратить внимание на становление этого понятия в силу набирающей актуальности, связанной со становлением демократических обществ в современном мире. В этом смысле важно понимать ключевые концепты, такие как публичная сфера, коммуникация и их значение для гражданского участия. Речь идет о «проекте Просвещения» в трактовке И. Канта и последующей разработке его идей Ю. Хабермасом. Следует отметить, что они внесли значительный вклад в концептуализацию понятия публичной сферы как политико-философской категории. Рассмотрим далее идеи И. Канта в рамках этой темы, затем покажем каким образом Ю. Хабермас, опираясь на его вклад, внес значительные дополнения, которые определили дальнейшее развитие политических теорий и демократии как таковой.

И. Кант был одним из первых философов Нового Времени, кто задался философским осмыслением понятия публичной сферы. Он задал общий вектор дальнейшего рассмотрения этого понятия, определив его как некое пространство, открытое для публичных высказываний, споров и обсуждений, где каждый гражданин способен выразить свою точку зрения, доступную критике. К такому пониманию он пришел через свою теорию критического суждения, функция которого раскрывается в разуме.

И. Кант под Просвещением понимает «выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине» [1], где несовершеннолетие – это невозможность пользоваться своим разумом. Он формулирует ключевые принципы и черты этого периода. Среди них можно выделить два направления – это самостоятельное и свободное суждение разума.

Способность самостоятельного пользования рассудком стала возможной тогда, когда человек обрел мужество противостоять доминирующей точке зрения: «Имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения» [1, с. 501]. Но без определенной доли свободы такое невозможно. Она представляет собой способность беспрепятственного пользования рассудком, что является главной задачей Просвещения. И. Кант выделяет две формы применения разума: частное и публичное. Отметим, что частная форма пользования разумом ограничивается рамками его использования, в то время как публичная форма ничем не ограничена.

В целом можно выделить такие критерии Просвещения, которые актуализируют проблематику публичного пространства: самостоятельность пользования разумом, открытость для критики и переосмысления. Также важно его деление сфер пользования разумом, так как он, во-первых, постулирует, что разум – это ключевой параметр публичности, который выполняет функцию критики в силу того, что он вышел за рамки частной сферы. Во-вторых, новая сфера применения разума создает нового субъекта политической действительности: это критически мыслящий гражданин, способный к активному участию в общественной жизни, исходя из своих позиций.

Логику этого мышления подхватил Ю. Хабермас, рассматривая в своей работе применимость кантовских идей к современным демократиям [2]. Он пытается обнаружить основания гражданского участия, которые могли бы определить возможность демократического развития. В период Просвещения у многих людей появилась возможность критически осмыслить происходящее в мире в силу совместного нахождения в салонах и других публичных местах, где зарождались оппозиционные взгляды. Эти салоны выполняли три значимые функции для становления публичной сферы: равный доступ к обсуждению, проблематизация многих сфер жизни через критику, открытость для общественного участия.

Просвещение начало формировать гражданское общество, которое становится вписанным в публичную сферу через оппозицию государственной

власти. Если И. Кант исходил из необходимости критически рассуждать в публичном пространстве, то для Ю. Хабермаса важно совместное участие и обсуждение через коммуникацию. Это означает, что Ю. Хабермас пытался обнаружить рациональные основания публичной коммуникации, которые бы позволяли гражданскому обществу вступать в публичное пространство и достигать консенсуса через обсуждение [3]. Именно в публичности XVIII–XIX вв. Ю. Хабермас обнаруживает значимые факторы для последующего развития делиберативной демократии: свободное высказывание, конструктивная критика, открытость, рационализация языка и ясная аргументация. На фоне этого философ формулирует концепцию коммуникативной рациональности [3], которая представляет собой определенную возможность выражения самого себя и восприятия другого через аргументацию, позволяющую приходить к консенсусу.

Таким образом, проблематика публичного пространства обрела большое значение. В общем, сфера публичности – это открытая зона совместного обсуждения гражданами проблем и поиска их решения, где возможны критика и дискуссии, множественность мнений, равенство участников, что приводит к развитию гражданского общества через становление необходимых институтов.

Литература

1. *Кант И.* Ответ на вопрос «Что такое Просвещение?» // Государство. Общество. Управление. М. : Альпина Паблишер, 2013. С. 501–509.
4. *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М. : Весь Мир, 2016. 344 с.
5. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. М. : Наука, 2000. 380 с.

Идеальный брак Юлия Агриколы

В любом обществе есть устоявшиеся представления о нормах и отклонениях, представления об идеале: об идеальном правителе, идеальной жене, идеальном гражданине и т. д. Обратимся к представлениям римлян об идеальном браке, используя отрывок из сочинения Тацита «Жизнеописание Юлия Агриколы».

«Агрикола» является биографическим очерком жизни зятя писателя с яркой хвалебной составляющей, написанным уже после смерти Юлия Агриколы, римского военачальника и полководца I в н. э. Именно панегирики, надгробные посвящения, дают нам возможность реконструировать идеал, потому что они сообщают нам об умерших, и цель их создания – сохранение доброй памяти о человеке, а не его многомерный и всеобъемлющий портрет. Такая особенность источника позволяет понять то, как римляне видели не реальность, а тот недостижимый идеал; естественно, реальность сильно отличалась от этого идеала.

Общество Италии во времена Империи было мобильным. А один из путей возвышения в нем был связан с женщинами, а точнее – с браком. Брак никогда не рассматривался в Риме – особенно в высших социальных слоях – как самоцель, а уже во времена Республики и тем более Империи имел ясную целенаправленность: он служил, во-первых, рождению законного потомства [1], а во-вторых, обеспечению политических союзов. И с правовой точки зрения брак был абсолютно частным делом: он не фиксировался где-либо письменно, не требовал определенных ритуалов. Столь же прост был и развод, как для мужа, так и для жены достаточно было объявить супругу о разводе [2].

В связи с тем, что брак мог помочь построить карьеру и повысить статус семьи в сенаторской среде, на наш взгляд, Тацит и говорит о браке Агриколы

в связи с началом его карьеры: «Hinc ad capessendos magistratus in urbem degressus Domitiam Decidianam, splendidis natalibus ortam, sibi iunxit; idque matrimonium ad maiora nitenti decus ac robur fuit. vixeruntque mira concordia, per mutuam caritatem et in vicem se anteponendo, nisi quod in bona uxore tanto maior laus, quanto in mala plus culpaе est» [3]. (Авторский перевод: После его возвращения для продолжения карьеры в город Рим Агрикола женился на Домиции Децидиане – даме из знатного рода, союз с которой помог обрести ему столь необходимые (для успешной карьеры) поддержку и почет и угодить его амбициям).

Успешный брак призван был либо укрепить социальные связи, либо завязать новые, и Агриколе, как мы видим, это удалось. Тацит отмечает, что он «помог обрести ему столь необходимую (для успешной карьеры) поддержку и почет». Итак, в качестве одного из аспектов идеального брака можно выделить помощь брачных связей карьере молодого человека.

Разводы в Риме не были чем-то необычным, особенно в сенаторской среде. Причины развода могли быть разными: от бесплодия супруги, ее недостойного поведения до, например, неустойчивого положения семьи при том или ином императоре, где развод с девушкой рассматривался как выбор политической позиции. Но, несмотря на простоту развода, единственный брак всегда считался добродетелью, и у Агриколы мы видим также всего одну супругу, что можно считать одной из составляющих образа идеального брака.

Как говорилось выше, одной из целей союза было рождение законного наследника. И данный аспект семейной жизни Тацит отмечает в браке Агриколы и Домиции Децидианы. У супругов было несколько детей, но в живых осталась лишь одна дочь – будущая жена Тацита, и когда Тацит стал зятем Агриколы, он автоматически стал его наследником.

Несомненно, стоит учитывать и личные качества супругов, те отношения, которые складывались в их семье. Тацит говорит о качествах хорошей жены: знатность происхождения, способность рожать детей, покладистый характер: «...vixeruntque mira concordia, per mutuam caritatem et in vicem se anteponendo,

nisi quod in bona uxore tanto maior laus, quanto in mala plus culpaе est» [3]. (Авторский перевод: Супруги жили в завидной гармонии и привязанности, когда каждый из супругов был предан другому, и (в браке) хорошая жена заслуживает большей похвалы так же, как плохая (жена) берет на себя тяжесть порицания).

Таким образом, мы видим, что представления об идеальном браке складывались из нескольких элементов, естественно, маловероятно, что два человека в Древнем Риме могли жить так, как описывает Тацит. И брак Юлия Агриколы просто дает этим идеальным типам имя и лицо и сохраняет эти представления для потомков.

Литература

1. *Shaw B. D.* The age of Roman girls at marriage: Some reconsiderations // *Journal of Roman Studies*. № 77. 1987. P. 43–44.
2. *Коул Ф.* Древний Рим. Быт, религия, культура. М., 2006. С. 72.
3. *Taciti P. Cornelii libri qui supersunt/ E. Koestermann.* Vol. I. Lipsiae, 1962.

Традиции и новации в экономическом исследовании на примере сравнения работ нобелевских лауреатов

Экономическое исследование, как и любое другое научное исследование, должно базироваться на теоретической основе, но вместе с тем оно должно включать практическую часть для применения изложенных в нем теоретических принципов, поскольку экономика – это в большей степени прикладная наука. Для изучения традиций и новаций в экономическом исследовании были проанализированы работы трех нобелевских лауреатов по экономике: за 1970, 1990 и 2010 гг. Таким образом, в выборку попали по одному за временной промежуток в 20 лет, чтобы разница в подходах к исследованию была более очевидной. Для проведения данного исследования за основу были взяты именно работы нобелевских лауреатов, потому что нобелевская премия по экономике – самая престижная премия в области экономических наук, и, следовательно, работы нобелевских лауреатов представляют собой своего рода эталон проведения экономических исследований.

Гипотеза автора заключается в том, что подходы нобелевских лауреатов к практическому исследованию должны отличаться, поскольку со временем математические и эконометрические методы исследования, которые чаще всего применяются в экономике, совершенствуются и становятся все более и более сложными и изощренными. Для сравнения были взяты следующие нобелевские лауреаты и их работы [1]:

1. 1971 г. – Саймон Кузнец (США) – за эмпирическое исследование экономического роста.

2. 1992 г. – Гэри Беккер (США) – за расширение сферы микроэкономического анализа, исследования поведения и взаимоотношений людей.
3. 2013 г. – Роберт Шиллер (США) – за эмпирический анализ изменения цены активов.

Все трое ученых исследуют разные темы, однако общий подход к теоретическому изучению вопроса остается неизменным: исследование не только экономической стороны рассматриваемого явления, но и психологической, социально-культурной и даже биологической. Так, например, Гэри Беккер в своих работах, посвященных экономике семьи, рассматривает решение о рождении детей в семье не только как экономическое решение, но и, что вполне логично, решение, основанное на каких-то биологических характеристиках членов семьи [2].

Такая методология изучения теоретических основ является традиционной в социо-экономическом исследовании, поскольку в какую бы эпоху оно не проводилось, всеобъемлющее изучение вопроса помогает выявить причинно-следственные связи в тех областях, которые, на первый взгляд, кажутся незначимыми для конкретного экономического явления.

Что касается прикладной части исследования, то здесь каждый ученый использует различные методы, помогающие количественно описать изучаемое явление и результаты исследования. Так, например, Стивен Кузнец для описания моделей экономического роста использует дифференциальное исчисление [3], Гарри Беккер использует не только дифференциальное и интегральное исчисление, но и модели спроса и предложения на человеческий капитал для описания решений, принимаемых индивидуумом относительно получения образования [4]. Роберт Шиллер в основном анализирует динамику финансовых индексов во времени, таких как индекс Standard & Poor's, которые характеризуют состояние рынка недвижимости и вообще финансового рынка в целом [5].

Нельзя сказать, что какой-то метод лучше или хуже другого, сложнее или проще. Для каждого исследования целесообразным является применение различных методов. Единственное, что можно сказать, это то, что все методы базируются на применении математики. В 1970-е годы Стивен Кузнец применял «чистую» математику для описания экономических явлений, в 2010-х Роберт Шиллер в своих работах анализирует финансовые индексы, рассчитанные на основе применения математики к каким-то показателям, характеризующим деятельность фирм (например, цена акции).

Можно также проследить небольшую тенденцию к переходу от применения в исследования «чистой» математики к методам, базирующимся на математике, но в то же время учитывающим поведение индивидов, как например, эконометрика, анализ моделей спроса и предложения или теория игр. Так, Оливер Харт и Бенгт Хольмстрем получили в 2016 году нобелевскую премию по экономике именно за вклад в развитие теории контрактов, которая является частью области применения теории игр.

Литература

1. Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. Список нобелевских лауреатов по экономике. URL: <http://megabook.ru> (дата обращения: 29.03.2017).
2. Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению. URL: <http://www.libertarium.ru/68397> (дата обращения: 03.04.2017).
3. *Абрамовиц М.* Саймон Кузнец (1901–1985). The Journal of Economic History. March. 1986. Vol. 46, № 1. P. 241–246.
4. *Беккер Гэри С.* Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение, экономический подход. М. : ГУ ВШЭ, 2003.
5. *Шиллер Р.* Финансы и хорошее общество. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013.

Интроверты и экстраверты в современном обществе: философский аспект

Философским направлениям, известным как эмпиризм и рационализм, соответствует позднейшее неопрейдистское разделение людей на интровертов и экстравертов. Выделение этих двух типов у К. Г. Юнга означает, что раз и навсегда должен прекратиться спор двух философских течений, который длился на протяжении многих веков. Ни эмпиризм, ни рационализм не могут победить, не могут считаться истиной точно так же, как в мире не могут победить ни экстраверты, ни интроверты.

Современное деление постпозитивистской аналитической философии, с одной стороны, и герменевтической философии, с другой, также соответствует делению людей на два психологических типа: экстравертов и интровертов.

Ф. Ницше написал, готовя работу «Утренняя заря»: «Наше отношение к самим себе! Эгоизм вовсе ничего не говорит. Мы направляем на себя все хорошие и дурные страсти, мышление о себе, чувство в пользу себя и против себя, борьбу в себе; мы никогда не смотрим на себя как на индивидуум, но как на двойственность или множественность. Все социальные явления (дружбу, месть, зависть) мы применяем к себе. Наивный эгоизм животного совершенно видоизменяется вследствие наших социальных привычек, мы уже не можем чувствовать единичность *ego*, мы чувствуем только множественность. Мы разбились на части и дробимся все больше и больше. Социальные страсти (дружба, ненависть, зависть), обусловленные множественностью, преобразили нас: мы перенесли «общество» в себя, и «уходить в себя» не значит бежать от общества, часто это значит мучительно мечтать и толковать совершающиеся с нами факты по схеме более ранних переживаний. Не только Бога, но все существа, известные нам,

мы принимаем в себя: мы космос, насколько мы его поняли или вообразили, что поняли. Оливковое дерево и буря, кошелек и газета сделались частью нас самих» [1].

Ошибка современного общества заключается в моральном одобрении экстраверта эмпирика и в осуждении интроверта как эгоиста, уходящего в себя.

На самом деле, интроверт вовсе не уходит от общества, а наоборот, переносит общество в себя, где интуитивно проигрывает внутри себя все конфликты и коллизии. В этот внутренний спектакль он вписывает не только отношения тех людей, которые побудили его это пережить, но и различных персонажей культурного контекста. Он ставит целый спектакль, в котором играют не только люди, но и вещи. У этого спектакля есть свой фон, откуда все происходящее приобретает только свой смысл или отсутствие смысла. Таким фоном оказывается бессознательное Фрейда, бытие Хайдеггера, жизненный порыв А. Бергсона и т. п.

Великую формулу толерантности философии, стремящуюся развести философию интровертов и экстравертов предложил в логико-философском трактате Витгенштейн: «Все, что может быть вообще сказано, должно быть сказано ясно. О том, что не может быть сказано ясно, <...>, лучше не говорить вообще» [2]. Эта формула толерантна и политкорректна. Она разводит в разные углы ранга науку и технологию, с одной стороны, и этику, – с другой.

Таким образом, мнение о том, что сегодня быть экстравертом – наиболее выигрышный вариант для жизни в современном мире, насыщенном разными формами взаимодействия с окружающими людьми, является в корне неверным. Важно понимать, что интроверты не уходят от общества, а наоборот, вбирают его в себя. Нельзя говорить об одном из этих психологических типов, что он является наиболее выгодным так же, как невозможно было признать истинным эмпиризм или рационализм.

Литература

1. *Ницше Ф.* Предварительные работы и дополнения к «Утренней заре» 1880–1881 // Утренняя заря. Переоценка всего ценного. Веселая наука. Минск : Харвест; М. : АСТ, 2000. С. 257.
2. *Витгенштейн Л.* Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 426.

Конструирование идентичности в современном мире и актуальность данной проблемы для России (на примере Кубанского казачества)

Понятие идентичности сегодня является актуальным предметом изучения современных исследователей в различных общественных науках. Возрастание научного внимания к этому понятию можно связывать с кардинальным изменением социальной действительности в XXI веке. Социолог З. Бауман характеризовал ее как «текущую современность», которая повлияла на трансформацию наших традиционных представлений об идентичности.

Исследуя проблему идентификации людей, ученый придерживался эссенциалистского подхода, в котором идентичность рассматривалась как содержимое с неизменным набором качеств и свойств. Важным элементом в процессе идентификации считалось приобщение индивида к социальному опыту и коллективным ощущениям, которые долгое время связывались с такими общностями, как страна, нация, народ, государство.

На сегодняшний день отождествление человека с этими социальными институтами не является определяющим в его социализации и самоидентификации. На их прежнюю общественную роль стал влиять процесс размывания социально-культурных границ, что позволяет индивиду самостоятельно моделировать свою идентичность.

Данный подход применяют представители посмодернистского направления, для которых идентичность – вовсе не единая сущность, а нечто «конструируемое, неоднозначное, подвижное» [1, с. 284]. В связи с этим, стало возможно говорить о множественности идентичностей. Так крупный испанский социолог Мануэль Кастельс выделял следующие разновидности идентичности: легитимирующая идентичность, идентичность сопротивления и проективная идентичность.

Вследствие размывания общественно-культурных границ и связей, проективная идентификация, с помощью которой осуществляется строительство новой идентичности, стала новым вызовом для существования национальных государств. И данная проблема в той же степени затрагивает общественное и государственное устройство современной России.

Многие исследователи приходят к общему выводу, что с отказом от коммунистической идеологии и переходом на демократические принципы организации общества российская элита до сих пор не сформировала целостное смысловое ядро общественной идентичности, которое обеспечивало бы ее культурное, экономическое, политическое и международное развитие. Отсутствие данного механизма не может задавать общественные установки на «восприятие себя как группу, сплоченную общими интересами и противостоящую другим группам» [1, с. 284]. И, следовательно, не способно мобилизовать и побудить людей к коллективному действию.

Непонимание жителей Российской Федерации как соотносить себя с новым определением «российская нация» позволяет нам говорить о вакууме нынешней идентичности. В связи с этим, возникает опасность возникновения разного вида конструктов идентичности россиян, что, в свою очередь, может послужить острым вызовом национальной безопасности страны. И одним из примеров такого вызова является искусственное формирование кубанского казачества в Краснодарском крае.

Для того чтобы выявить характеристики, присущие проективному способу создания идентичности на данном примере, необходимо провести четкое разделение между казаками как военным сословием, сформированным государственной властью и как этнокультурной общностью.

Исторически образованию казаков способствовало массовое переселение крестьян и посадских людей на южные и юго-восточные окраины Российского государства, где из них стали формироваться военные общины. В XVIII в. Российская империя стала использовать данные образования для обороны государственных границ, создав специальные казачьи войска. Следовательно,

самоидентификация этой общности с самого начала определялась социальной принадлежностью и функциональным назначением.

Принципиально новое понимание казачьей общности стало формироваться посредством закона «О реабилитации кубанского казачества», где в качестве главного критерия принадлежности выделяется не культурный, а кровно-родственный признак [2]. Также этому стали способствовать региональные власти, которые 23 марта 2011 года одобрили «Концепцию государственной политики в отношении кубанского казачества» [3], где имеются схожие формулировки из закона 1991 года, и дается право наделять местных казаков особым статусом и возможностями на территории всего региона.

Данный пример показывает, что возможность создания территориальной искусственной идентичности в нынешних условиях становится реальным явлением, которое может привести к сепаратистским тенденциям. Для российской элиты это должно послужить поводом для формирования в общественном пространстве единых культурно-исторических кодов, на основе которых будет создаваться принадлежность к государственной идентификации каждой национальной общности, проживающей на территории Российской Федерации.

Литература

1. *Русакова О. Ф.* Современная политическая философия: предмет, концепт, дискурс. 2012.
2. Краснодарский закон «О реабилитации кубанского казачества». Ст. 4. URL: <http://www.kubzsk.ru/kodeksdb/noframe/law?d&nd=921001168&prevDoc=921047059&mark=3VVVVVA14AO7GK1HSB7PO2H4P58O1LJ7QLG355706I3M.F1IBTQ3UDRIRO>.
3. Концепция государственной политики в отношении кубанского казачества. URL: <http://admkrain.krasnodar.ru/content/492/show/315316/>.

**Семантические дериваты этнонима «русский»
в названиях игр, игрушек, развлечениях**

Под воздействием культурных, политических, экономических факторов у каждого народа формируются определенные стереотипы по отношению к другим народам (и по отношению к себе), так называемые этнические стереотипы. Они могут реализовываться в различных культурных кодах, в том числе и в языковой системе. Стереотипы могут отражать оценку и отношение к реалиям какого-либо народа. В настоящем докладе мы остановимся на представлениях, выраженных в названиях игр, игрушек и развлечений. Исследовались устойчивые сочетания с этнонимическими прилагательными *russian* и русский, функционирующими в английском и русском языках. Далее будут представлены результаты семантико-мотивационного анализа подобных сочетаний.

Уместно судить о том, что во многих названиях присутствует мотив некой предельности, крайности, приписываемый русским. При этом нельзя однозначно определить оценку этому явлению. С одной стороны, появляются такие наименования упражнений, как *russian circles* (жарг. *русские круги*) – «упражнение в хоккее, где игроки катаются с шайбой вокруг пяти кругов, вбрасывая при этом шайбы между друг другом» [1]. Упражнение оценивается как одно из самых трудных и эффективных, что, несомненно, подчеркивает положительную оценку, заложенную в этом сочетании. Упражнение ориентировано на развитие скорости, что может свидетельствовать о выделении быстроты движения доминантным признаком. А с другой стороны, появляется, например, *russian overkill* (жарг. *русское уничтожение*) – «режим в игре, при котором все оружие заменяется мощным супероружием» [2].

Наличие данного сочетания отражает закреплённую в языке характеристику «русского» как чего-либо жестокого, разрушительного.

Отдельно стоит отметить такое сочетание, как *russian roulette* (*русская рулетка*). Кажется, что данное фразеосочетание совмещает в себе полярные коннотации. С одной стороны, русскому приписывается азарт, бесстрашие ввиду условий игры, с другой – жестокость и дикость. Британское издание «The Telegraph» эту игру оценивает как садистскую, так как считает, что появление названия связано с русской тюремной охраной, которая в XIX веке заставляла заключённых проделывать операции, называемые сейчас русской рулеткой [3]. Русский язык тоже фиксирует номинацию *русская рулетка*. Однако есть основания полагать, что она является «отражённой», так как закреплёно это сочетание было лишь в 1967 году, тогда как Oxford English Dictionary датирует первый контекст 1937 годом [4].

В названиях игр, как и в названиях других реалий, присутствуют номинации, приписывающие «русское» играм, главный компонент которых – водка. Такие сочетания обыгрывают мотив пьянства, отражающийся в языке. При этом в таких лексемах зачастую проявляются отрицательные коннотации. Например, игра *russian astronomy* (*русская астрономия*) предполагает, помимо потребления большого количества водки, выливание ее на глаза игрока, что демонстрирует жестокость по отношению к тому, на кого направлены действия.

Нельзя не отметить, что ко многим карточным играм успешно «приклеился» русский «маркер». Язык непоколебим в своем решении закрепить сочетания, отражающие азартность русского человека (*russian bank* – *русский банк* «карточная игра, похожая на солитер» [4], *russian poker* – *русский покер*).

Русский же язык, в свою очередь, отказывается присваивать «русский» элемент названиям игр. В языке практически не находится таких сочетаний. Несмотря на наличие исконно русских игр (лапта, городки, пятнашки, прятки), язык не считает нужным добавлять к ним «русский» маркер. Видимо, потому что у него нет для этого достаточных оснований, ведь носитель и так весьма

легко отличает русские игры от каких-либо других, а потому не нуждается в дополнительной выделенности.

На основании вышеприведенных примеров можно сделать вывод, что главными признаками, проявляющимися в сочетаниях с этнонимическим прилагательным *russian*, являются азартность, пьянство и жестокость, которые приписываются русскому. Также кажется важным отметить, что негативные коннотации появляются у сочетаний, принадлежащих жаргонной лексике и возникших в XXI веке. В сочетаниях, фиксируемых в словарях, резких отрицательных значений не наблюдается. Русский же язык не выделяет традиционные игры, а присутствующие в нем номинации с прилагательным *русский* являются «отраженными».

Литература

1. Jes-hockey. URL: <http://www.jes-hockey.com/index.html>.
2. Urban dictionary. URL: www.urbandictionary.com.
3. What is Russian roulette // Telegraph. Telegraph Media Group Limited, 2011. 12 июля.
4. OED-1989 – The Oxford English Dictionary. Oxford, 1989. 2 ed. Vol. 1–20.

Содержательный минимум концепта «работа» во французском языке

Первый этап нашей работы – компонентный анализ лексем в словарях. Мы решили проанализировать их, так как словари содержат устойчивые/конвенциональные признаки концепта, а сопоставление поможет нам выявить наличие ядерных и периферийных зон.

Под содержательным минимумом мы понимаем общее представление о конкретном концепте как объекте исследования. В данном случае речь идет о концепте «работа».

В качестве словаря мы выбрали *Dictionnaire Larousse* [1].

Теперь проанализируем общие и разные компоненты в лексемах *travail* [2], *besogne* [3], *ouvrage* [4], *service* [5], *labeur* [6]. Также, на наш взгляд, уместно проанализировать глаголы *travailler* [7] и *server* [8], так как от них образовались существительные *travail* и *service*. Все эти лексемы следуют проанализировать и дифференцировать, чтобы выявить содержательный минимум концепта «работа».

Начнем с выявления ключевых компонентов слова *travail*: *activité* (активная деятельность); *ouvrage, résultat* (результат деятельности, конечный продукт); *manière, technique* (способ, метод, техника); *exercice* (осуществление деятельности); *professionnelle* (профессиональная).

Все эти компоненты относятся к социально-экономической деятельности человека, а остальные – к другим отраслям (биология, физика): *modification subie par un milieu, modification, évolution lente due à une cause extérieure, phase de l'accouchement, quantité d'énergie* [2].

Поскольку слово *travail* образовано от глагола *travailler*, нам следует рассмотреть основные компоненты этого глагола: *faire un effort* (делать усилие); *produire, réaliser une production* (производить); *exercer un métier; effectuer*

un exercice (практика, практиковать); fonctionner, servir, desservir (выполнять функцию, служить кому-либо).

Также глагол *travailler* имеет значение *étudier* (учиться).

Вместе с тем он употребляется в терминах виноделия (процесс ферментации), химии и строительства (*se déformer* – деформироваться).

Travail – besogne. Общий компонент – работа. На наш взгляд, основное отличие – наличие внешнего давления и необходимости осуществлять эту деятельность.

Travail – ouvrage. *Ouvrage* – некий результат работы или творческой деятельности человека. В шестой дефиниции существительного *travail* мы находим и семантику готового продукта или результата, что говорит о том, что *ouvrage* – гипоним по отношению к гиперониму *travail*. Также *ouvrage* имеет значения, связанные с архитектурой и металлургией.

Travail – service. Поскольку слово *service* имеет гораздо больше значений, чем *ouvrage* и *besogne*, рассмотрим основные компоненты значений этого слова: *obligations* (обязательства); *fonction* (функция); наличие объекта, для которого осуществляется деятельность (*L'Etat, les clients* и прочее); *activité professionnelle* (профессиональная деятельность); *organisme* (организация).

Также это слово задействовано в разных сферах жизни: религия (празднование богослужения), кулинария (совокупность блюд), техника, спорт (передача мяча), театр и др.

Что касается глагола *servir*, то мы обнаружили следующие компоненты: обязательное наличие объекта, для которого осуществляется деятельность (*s'acquitter envers quelqu'un, apporter à quelqu'un; fournir, donner à quelqu'un* и другие); снабжение кого-либо чем-либо; обслуживание кого-либо.

Общие компоненты лексем *travail* и *service* – профессиональная деятельность.

Дополнительные компоненты значения: обязательное наличие объекта, для которого осуществляется деятельность, обязательное наличие выгодоприобретателя от профессиональной деятельности работника.

Факультативный компонент значения – организация, осуществляющая такую деятельность.

Travail – labeur. Общий компонент – профессиональная деятельность человека.

Мы не встретили в первой дефиниции точных указаний, какого рода должна быть работа. На наш взгляд, здесь слово отличается лишь негативной коннотацией, выраженной в прилагательных *pénible* и *prolongé*. Это тягостная и долгая работа. Второе значение – произведение, выполненное в результате долгой работы.

Теперь сформулируем содержательный минимум концепта «работа». Он может быть выражен в глаголе *travail*, так как он гипероним по отношению к остальным синонимам: профессиональная деятельность, совершаемая с определенными усилиями и тем или иным способом и направленная на производство благ.

Литература

1. Dictionnaire Larousse. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (accessed: 10.03.2017).
2. Travail, travaux // Dictionnaire Larousse. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/travail/> (accessed: 10.03.2017).
3. Besogne // Dictionnaire Larousse. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/besogne/> (accessed: 10.03.2017).
4. Labeur // Dictionnaire Larousse. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/labeur/> (accessed: 10.03.2017).
5. Service// Dictionnaire Larousse. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/service/> (accessed: 10.03.2017).
6. Ouvrage // Dictionnaire Larousse. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/ouvrage/> (accessed: 10.03.2017).
7. Travailler // Dictionnaire Larousse. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/travailler/> (accessed: 10.03.2017).
8. Servir // Dictionnaire Larousse. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/servir/> (accessed: 10.03.2017).

Неклассическая философская антропология в понимании Ф. Гиренка

С содержательной и методологической точки зрения философскую антропологию можно разделить на три основные ветви: классическую, неклассическую и постнеклассическую.

Классическая философская антропология связана с антропологическим поворотом начала XX века, который представлен теориями М. Шелера, А. Гелена и Х. Плеснера. В парадигме классической философской антропологии человек рассматривается сквозь призму социальных и биологических наук, которые дают основания для правильного понимания его природы и перспектив развития.

Постнеклассическая философская антропология определяет человека как симулякр. Человек мыслится как пустая форма, которая вмещает в себя различное содержание в зависимости от конкретной ситуации. По большей части его содержание определяется медийной реальностью, а та, в свою очередь, неразрывно связана с рекламой, модой и другими проявлениями культуры потребления.

Следует также отметить, что большое внимание в данном направлении уделяется тому, что человек мыслится в неразрывной связи с техникой.

Неклассический подход в философской антропологии, который получил свое развитие после революционных идей З. Фрейда, основывается на той идее, что ключом к пониманию человека являются не его приверженность к социуму, не особое место в биологическом царстве, а его особые психические состояния.

Итак, остановимся на более подробном рассмотрении неклассической философской антропологии в понимании ее Ф. Гиренком. Данный мыслитель, анализируя современную философскую мысль, делает акцент на следующих событиях: «...за последние 50 лет в философии произошло несколько важных

событий, а именно: осмысление феномена слепоглухонемых людей, открытие феномена аутизма, а также крах идеи знаков и освобождение идеи символов» [1, с. 107]. При этом Ф. Гиренок имеет в виду «не аутизм медицинский, не аутизм психически больных людей, а аутизм как стратегическую линию в поведении человека, которая описана Никольской, Бородаем и Поршневым. Аутист и видит, и слышит, и может говорить, но отказывается от зрения, слуха, речи, чтобы пребывать в состоянии замороженного покоя» [1, с. 109].

Аутизм, по мысли автора, не является свойством лишь некоторых людей: «Любой человек – аутист. <...> Только мера соотношения аутизма и сознательной мысли у всех разная. К явным аутистам относятся: дети, невротики, художники и первые люди. <...> Всякий опыт ограничен реальным и принадлежащим ему возможным. Выйти за пределы опыта – значит выйти не к трансцендентным или трансцендентальным условиям опыта, а к опыту аутиста, пространству имманенции, в котором воздействуют на себя» [2, с. 89].

Философский концепт аутизма существенно меняет представление и о самом человеке: «Вопрошание о бытии человека в горизонте аутизма открывает неожиданные вещи: оказывается, что человек – это не биологическое существо и не социальное, а грезящее, т. е. нечто третье» [2, с. 85].

Таким образом, распространяя состояние аутизма на антропологическое пространство личности, можно отметить, что в центре изучения находится не болезнь, а именно состояние, когда человек абсолютно исключен из социума и при этом остается человеком, т. е. он не является результатом совместности. В данном случае, когда Ф. Гиренок обращается к аутизму, ему интересен психиатрический материал для того, чтобы это состояние рассматривать уже в рамках философского анализа. Спецификой неклассического подхода в данном случае является то, что человек рассматривается не в исторической проекции, относительно его эволюции, а в его горизонтальной проекции, относительно состояния аутизма. В данной концепции человек – это и не природное существо, и не социальное, и тем более не биосоциальное,

напротив, человек – это существо трансгрессивное, грезящее, воображающее, и в этом смысле асоциальное и внеприродное.

Подводя итоги, отметим, что каждая из трех ветвей является ресурсной, а также то, что внутри каждой из них мы получаем различные модели, относительно того, каким образом мы рассматриваем природу человека. Остановив свое внимание на неклассической философской антропологии в интерпретации Ф. Гиренка, мы получаем определение человека исходя из присущего ему состояния аутизма. Данный подход является интересным в том плане, что, во-первых, он делает попытку более целостного рассмотрения человека, не ограничивая его рамками абстрактно-созданной границы нормы и патологии, а во-вторых, данный подход помогает увидеть, чем является субъект без формирования Другими. В заключение стоит отметить, что практики философствования в данном направлении открывают новые проблемы и новые перспективы для современной философской антропологии.

Литература

1. *Гиренок Ф. И.* О прогрессе в философии за последние 50 лет // Философия хозяйства. 2009. № 3. С. 107–109.
2. *Гиренок Ф. И.* Смена перспектив в философии человека // Человек.RU. 2015. № 10. С. 83–92.

Телепрезентация: проблема дистанции между реальным и виртуальным мирами

Статья посвящена воздействию новых коммуникационных технологий на изменение опыта восприятия и понимания времени и пространства в современности. С помощью постмодернистских теорий П. Вирильо, В. Беньямина, Л. Мановича и Э. Гросс исследуется позиционирование субъекта в реальном и виртуальном мирах. Здесь будет рассмотрено воздействие этих коммуникационных технологий на окружающую среду тела субъекта. В данном контексте тело следует понимать как нечто большее, нежели понятие, отражающее только экстериорную материальную наличность, но также как нечто, обозначающее ощущение внутренней субъективности. Другими словами, здесь мы попытаемся свести физический и психический модус существования тела вместе, не противопоставляя их друг другу.

Для иллюстрации изменений субъектной телесности, человеческого присутствия и наличности, вызванных технологическими преобразованиями, обратимся к идеям Вальтера Беньямина и Поля Вирильо, которые рассмотрены в теории телепрезентации Льва Мановича. Манович утверждает, что работы Беньямина и Вирильо сосредоточены на одной и той же теме – разрушении, вызванном новыми коммуникационными технологиями (кинематограф в случае Беньямина, телекоммуникации в случае Вирильо), привычных способов человеческого восприятия. Иначе говоря, происходит повсеместное вмешательство новых технологий в самую суть природы человека [2, с. 77].

В рамках описания своей концепции ауры, которая является «уникальным ощущением дали, как бы близок предмет ни был» [5, с. 122], Беньямин говорит о том, что современные технологии трансформировали визуальное восприятие в тактильное, они разрушили ауру присутствия воспринимаемого «здесь

и сейчас», которую невозможно изобразить, а тем более транслировать. Больше нет расстояния между зрителем и объектом перцепции, все стало настолько близко, что кажется, будто к этому можно моментально прикоснуться, больше не существует ментального и пространственного зазора между Я и Другим. Вирильо использует понятие дистанции схожим образом: информация из любой точки может передаваться с одинаковой скоростью, и понятия ближнего и дальнего расстояния, границы и измерение физического пространства сами по себе больше не имеют никакого значения, они нивелируются [4, с. 102].

Для Беньямина в индустриальную эпоху каждый перцептируемый объект оказывается смещенным относительно своих первоначальных установок и координат, согласно мысли Верилио же, постиндустриальная эпоха вообще исключает любую возможность измерения пространственных характеристик. Работы Беньямина и Вирильо дают нам историческую перспективу трансформации влияния технологий, здесь происходит постепенное уменьшение и, наконец, полное устранение того, что оба автора считают фундаментальным условием человеческого восприятия, ощущением присутствия в наличной реальности – пространственной дистанции между воспринимающим субъектом и видимым объектом. Или словами Поля Вирильо, мы находимся «ближе к тому, что далеко от нас, чем к тому, находится рядом с нами, постепенно отстраняясь от самих себя» [3, с. 74]. Продолжая эту мысль, можно констатировать низведение человека, его телесной целостности и комплексной полноты во взаимодействии со своей средой обитания до единственного органа восприятия – глаза, придатком которого является пассивный организм. Личность человека оказывается демонтирована из его собственной материально-духовной наличности, он теперь просто реципиент информации, получаемой посредством новых коммуникационных технологий, для которых не существует ни временных, ни пространственных границ. Идеиная основа работ Беньямина и Вирильо заставляют нас ставить под сомнение необходимость расстояния между

«здесь» – центрированном пространством существования Я – и «там», где наличествует Другое.

В данном контексте может быть продуктивным обращение к теории Элизабет Гросс для рассмотрения понятия телепрезентации и исследования современных коммуникационных технологий не только в терминах устранения дистанции между воспринимающим и воспринимаемым, но и в категориях анализа расстояния как такового. Она говорит о том, что дистанция между виртуальным и реальным не может находиться в пространственной системе исчисления, расстояние между этими категориями само себя создает для того, чтобы потом быть преодоленным [1, с. 42]. Виртуальное – это лишь одна из стратегий расширения реального, результат непреодолимой потребности человека расширять горизонты своего существования. Виртуальный мир не представляет никакой угрозы для реальности, если мы будем трактовать виртуальное как трансформацию реального, новый способ беспредельной экспансии и взаимного проникновения виртуального и реального миров. Так, единственное, что обладает присутствием отсутствия в таком случае, это сама дистанция между этими мирами, понятие наличия расстояния. Здесь невозможно определить границы телесного, свести восприятие к одному органу чувств, объективировать Другого, ведь это бесконечное переплетение и диалектика формируют и деформализуют сами себя.

Литература

1. *Grosz E. Architecture From the Outside: Essays on Virtual and Real Space.* Cambridge, Mass: MIT Pres, 2002. 248 p.
2. *Manovich L. The Language of New Media.* Cambridge, Mass: the MIT Press, 2001. 307 p.
3. *Virilio P. The Aesthetics of Disappearance.* NY: Semiotext(e), 1991. 128 p.
4. *Virilio P. The Lost Dimension.* NY: Zone Books, 1991. 146 p.
5. *Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. ст.* М.: РГГУ, 2012. 288 с.

Травма как условие формирования национальной идентичности

Определение травмы достаточно обширно, поскольку подходов к изучению травмы может быть множество. Многие авторы рассматривают травматический опыт своих пациентов как условие ограничения их полноценного психического здоровья, но травма может иметь и продуктивный смысл: она создает новые реалии, новые воспоминания событий, которых в действительности не было. Более того, травма может быть не только частью индивидуальной психики: способность сопереживать и принимать на себя боль других людей позволяет травме проникать и в чужое бессознательное, а если травматический опыт был пережит группой людей, то он может уже считаться коллективным. «Для философии имеет значение не собственно травма как отдельный вид человеческого опыта, но скорее травма как условие становления человека вообще и как предпосылка формирования познавательного интереса в частности. В после-фрейдовском психоанализе, и прежде всего у Ж. Лакана, трагический опыт лишения, нехватки, символической «кастрации» является основополагающим для человека в мире, изначально предполагая расщепленность субъекта и недоступность для него объектов его желания, опосредованных языком» [1].

Коллективная травма может служить не только способом объединения людей (известны случаи, когда люди, выжившие после катастрофы вместе, становились очень близки, они часто встречаются и проводят совместную терапию преодоления травмы), но и способом их отделения: те, кто пережил травму, от тех, кто, условно говоря, там не был. Мы приходим к интересной мысли: коллективная травма может служить объединением людей в группу и их обособлением, выделением, наделением особым статусом по сравнению с «другими». Таким образом, травматичный опыт, ушедший в бессознательное,

воспроизводится зачастую для сохранения единства группы. Это справедливо и для травмы национального масштаба: целый народ может строить свою идентичность на постоянном воспроизводстве (символическом или реальном) опыта травмы и постоянном рассказе (или умолчании) о ней.

Таким образом, может возникнуть вопрос, как исторические события влияют на то, что происходит после них в сферах, напрямую не связанных с локализацией травмы? Это очень интересный аспект: травма, фиксируясь в умах людей, дает им основу для консолидации, для сопоставления и сопереживания своего опыта. От травмы, на самом деле, не избавляются, поскольку ее консолидирующая роль крайне важна для самосознания, для самоопределения нации. «Попытка зафиксировать место и значение травматического опыта в словах, смыслах, вещах или ритуалах нередко приобретает форму травматической телеологии («И пережить ей ужас доведется»). Опыт травмы, т. е. опыт утраты, потери, разрыва, превращается в повествовательную матрицу, в нарратив, придающий логику связного сюжета раздробленным фактам индивидуальной или коллективной биографии. В отличие от травмы-как-утраты травма-как-сюжет является не только поводом для переосмысления утраченного прошлого: травма задает здесь общую систему повествовательных координат. Специфические ситуации жертв или очевидцев приобретают статус авторских позиций, с точки зрения которых репрезентируется прошлое и воспринимается настоящее» [2, с. 9].

Получается, что травма, имея нарративную природу, дает возможность существовать другим нарративам: отрицающим, поддерживающим, переосмысливающим или скрывающим травму. Таким образом, травма может проявляться вследствие того, что она существует только в нарративе, а нарратив требует языка. Язык же, в свою очередь, не существует без Другого. Как только Другой появляется, и с ним есть общение (которое может быть и опосредованным), язык и психика оказываются тесно связаны. А значит, и травма из области психики обязательно так или иначе переходит в язык. «Вероятно, любая одушевленная материя может быть травмирована; реакция

на повреждение защитной системы человека происходит, скорее всего, на общем психосоциальном уровне. Признание и язык есть взаимодействующие социальные процессы; ни психика, ни язык невозможны без другого человека» [3, с. 786]. Итак, травматичный опыт нации, народа или отдельного человека, фиксируется не только в бессознательном, но и в языке; имея нарративную природу, травма рождает множество дискурсов, в том числе и воспроизводящих травму, при этом травматичное событие может стать объединяющим для целой нации.

Обратившись к философскому, культурологическому и психологическому аспектам в теории травмы, мы определили, что травматический опыт может быть описан как условие становления человеческой индивидуальности, как предпосылка формирования познавательного интереса с точки зрения ее интегрирующей и консолидирующей силы, как повествовательная матрица, нарратив. Иными словами, травматичный опыт, ушедший в бессознательное, может служить нарративом для сохранения единства группы, что справедливо и для исследования травмы национального масштаба, так как целый народ может строить свою идентичность на постоянном воспроизводстве опыта травмы, постоянном рассказе или умолчании о ней.

Литература

1. Новая философская энциклопедия // Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. научно-ред. совета В. С. Степин. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3039.html> (дата обращения 20.04.2016).
2. Ушакин С. Нам этой болью дышать? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сб. ст., сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 936 с.
3. Митчелл Дж. Травма, признание и место языка // Травма: пункты: сб. ст. / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 936 с.

**«Мы с тобой» как форма внутреннего монолога
в поэзии позднего О. Мандельштама**

Одной из важнейших характеристик поэзии позднего О. Мандельштама является повышенная коммуникативность. Ю. И. Левин писал: «У позднего Мандельштама доминируют установки на адресанта, адресата и контакт» [1]. Ориентация на адресата выражается в использовании местоимений «ты», «твой», формы глагола второго лица единственного числа и имени существительного в значении апеллиатива. Лирический субъект может обращаться к лицам и не к лицам. Одним из наиболее типичных обращений к лицам в лирике является обращение к возлюбленной [2].

Хотя для позднего О. Мандельштама не характерна любовная лирика в традиционном виде (мы подразумеваем здесь стихотворения, полностью построенные как обращение к возлюбленной и где любовные отношения являются единственным смысловым центром), есть ряд текстов, где адресатом «ты» является женщина: его супруга Надежда Яковлевна, Ольга Ваксель, о смерти которой поэт узнал в Воронеже, скрипачка Галина Барина, поэтесса и переводчица Мария Сергеевна Петровых. В данной работе мы рассмотрим лишь одну особенность обращения к Надежде Яковлевне Мандельштам (далее – Н. Я.).

В большинстве стихотворений, обращенных к Н. Я., используется не просто местоимение «ты», а формула «мы с тобой»: *Куда как **страшно нам с тобой**,/Товарищ большеротый мой!; **Мы с тобой** на кухне посидим; **Мы с тобою** поедem на «А» и на «Б»/Посмотреть, кто скорее умрет; Полуукраинское лето **давай с тобою** вспоминать*. В этом выражается восприятие О. Мандельштамом судьбы Н. Я. как неотделимой от своей, представление об их единстве. Сравним с воспоминаниями Н. Я.: «О. М. не свойственно было бояться за меня – он не представлял себе, что у меня

может быть отдельная судьба или что я его переживу. Скорее, он боялся болезней и смерти. <...> Но для живой – ничего его не пугало: "как со мной, так и с тобой" – это обычная его присказка» [3].

Обращение «мы с тобой» интимно и по-домашнему ласково. Стихотворения, где оно используется, отличаются игриво-панибратским тоном, за которым, однако, прочитывается горечь и страх за судьбу другого. Используются шутливые домашние номинации (*товарищ большепотый мой, целкунчик, дружок, дурак*), языковая игра, выраженная в употреблении окказионализма *полуукраинское*, высказываются по-детски наивные желания (*А мог бы жизнь просвистать скворцом,/Заест ореховым пирогом*). И даже в страшной фразе – *Мы с тобою поедим на «А» и на «Б»/Посмотреть, кто скорее умрет* – описываемое действие представлено как некая забава, игра, на первый план ставится не смерть, а любопытство (это некий семантический сдвиг, диссонанс).

Во всех рассматриваемых текстах описывается домашняя, бытовая или повседневная картина. В стихотворении «Куда как страшно нам с тобой...» речь идет о таких мелочах как крошащийся табак и ореховый пирог, которые превращаются в символы трагической и благополучной судьбы; стихотворение «Мы с тобой на кухне посидим...» построено как противопоставление теплой уютной кухни и холодного вокзала; в стихотворении «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» представлена городская картина с ее особым для О. Мандельштама атрибутом – трамваями; примечателен интимный тон домашнего разговора в строках *Полуукраинское лето/Давай с тобою вспоминать* («Пластинкой тоненькой жиллета...»).

Но внешнее, бытовое оказывается лишь толчком для мысли лирического субъекта. Так, в начале стихотворений «Куда как страшно...» и «Мы с тобой на кухне посидим...» процесс говорения совпадает с происходящим, в первом случае на это указывает настоящее время глагола (*крошится*), во втором – также время глагола (*пахнет*) и чувственно-реалистичное описание картины *Сладко пахнет белый керосин;/Острый нож да хлеба каравай.../Хочешь примус*

туго накачай – лирический субъект сейчас ощущает запах, видит нож и хлеб. Но настоящее время сменяется сослагательным наклонением, то есть мысль лирического субъекта уже занимает не происходящее непосредственно в данный момент, а нечто другое, он как бы отрывается от действительности, вследствие чего создается ощущение, что перед нами не реальная беседа, а внутренняя речь лирического субъекта, его мысленное обращение к адресату.

В стихотворении «Пластинкой тоненькой жиллета...» после обращения *Давай с тобой вспоминать* происходит смена адресата, и лирический субъект обращается уже к вспоминаемым картинам, к своим ощущениям, а не к своему собеседнику. Он лишь приглашает последнего присоединиться к процессу воспоминания, и далее его внимание обращается к другому.

В стихотворении «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» происходит постоянная смена фокализации, в центре оказывается то «я», то «мы с тобой», далее «мы» разделяется: *Ты как хочешь, а я не рискну!* Такое непостоянство точки зрения, фокуса свойственно, скорее, для внутренней работы мысли, которая совсем не обязательно развивается линейно (скорее, ассоциативно), а не для разговора вслух.

Адресат же во всех стихотворениях остается безмолвен, «ты» здесь пассивно. Лирический субъект обращается к нему с констатацией фактов или с предложением выбрать какое-либо действие, но не требует ответа. Это также указывает на то, что данные обращение – внутренние монологи лирического субъекта. Даже при абсолютной интимности обращения, восприятию адресата как «моего "ты"» [4], речь лирического субъекта остается внутренней, он не впускает в свое мысленное пространство другого.

Литература

1. Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 126.
2. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986. С. 96.
3. Мандельштам Н. Я. Третья книга: [воспоминания]. М., 2006. С. 337.
4. Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М. : Согласие, 1999. С. 145.

Репрезентация феноменологической концепции повседневности в фильме Д. Джармуша «Патерсон»

Искусство и философия зачастую неразрывно связаны между собой, искусство очень часто выражает философский взгляд на мир самого художника, оно философично. Для Делеза искусство выступает полем для проверки философских концепций, для их репрезентации, создания искусственной реальности, в которой разыгрываются ценностные и мировоззренческие смыслы. Кинематограф сегодня является одним из ведущих видов искусства, возможности которого позволяют создать образ мира в его не только пространственном, но и временном модусе. Как писал В. Беньямин, кинематограф, выступает по отношению к реальности как хирург, расчленяя ее на составляющие и потом соединяя их воедино, создавая искусственный образ реальности на основе ее частей.

Одним из первых философских течений, в рамках которого мыслители начали актуализировать феномен повседневности, стала феноменология. Цель данной работы рассмотреть, каким образом в конкретном фильме происходит репрезентация феноменологической концепции. С помощью каких приемов, знаков и ценностей режиссер способен акцентировать внимание на характеристиках феномена повседневности, как это делают философы-феноменологи.

В своей работе «Кризис европейских наук» Гуссерль вводит понятие «жизненного мира». «Жизненный мир» [1] отождествляется с миром нашего повседневного опыта, наивной субъективностью. Таким образом, «жизненный мир» – это «особый, концептуальный модус жизненной реальности» [2]. Повседневность для Гуссерля это вот-бытие (*dasein*), бытие непосредственное, нахождение в моменте здесь и сейчас.

Для А. Щюца «жизненный мир», то есть повседневность или особая реальность, это сфера человеческого опыта, особая форма восприятия мира, возникающая на основе деятельности. Естественная установка повседневного сознания – это прагматическая установка. Повседневность – это нечто ускользающее, действия в «естественной установке являются действиями спонтанными» [3], не отрефлексированными. Также очень важно и то, что мир повседневности – это интересубъективный мир, мир погруженности в социальные связи, в культуру. Повседневность – это особая система релевантностей, система координат, в которой человек нерефлексирует, а вещи не замечаются, они сподручны. Они актуализируются сознанием только в тот момент, когда перестают соответствовать своему назначению. Все вышеперечисленные характеристики повседневности присутствуют в фильме Д. Джармуша «Патерсон».

Фильм повествует нам о водителе автобуса в Американском городе Патерсон, самого водителя так же называют Патерсон. Фильм состоит из семи дней, в рамках которых с персонажем происходят одни и те же, ничем не примечательные повседневные события. Мы наблюдаем, как главный герой лежит с женой в постели утром перед самым пробуждением, затем, как он завтракает, идет на работу, водит автобус, возвращается домой, идет гулять с собакой, заходит в бар и затем начинается новый день. При этом Патерсон является поэтом, но о его поэтическом даре знает лишь его жена Лора. Каждый день, во время завтрака, в автобусе перед выездом он пишет стихи, в которых так же речь идет о повседневных явлениях. В одном из них он, например, описывает спичечные коробки, и в конце стихотворения мы узнаем, что оно о любви и посвящено его возлюбленной. Большинство стихотворений в фильме обходятся без рифм и ритма, как и сам фильм, здесь, как пишет кинокритик Долин, сплошь и рядом используется тавтологическая рифма – эпифора. Только с помощью эпифоры можно раскрыть жизнь, состоящую из рутины, из постоянного повторения одного и того же. Самые частые сцены, которые мы можем видеть в фильме, – это как раз элементы такой рифмы, здесь все люди

в автобусе сидят парами, здесь Патерсон всегда идет с работы и на работу одним и тем же маршрутом, он общается с барменом каждый вечер и перед входом в бар привязывает свою собаку к трубе. Мы видим, как он каждый день по тому же маршруту водит свой автобус. Каждый день, возвращаясь домой, Патерсон поправляет столбик с почтовым ящиком у дверей, который раз за разом, толкает пес – Марвин, «... находя в этом свою какую-то неведомую красоту». Предмет – почтовый ящик перестает быть сподручным, а Патерсон вновь рутинизирует его, поправляя. Мир повседневности в данном фильме пронизан интересубъективностью, здесь очень много различных разговоров про культуру и всяческих отсылок. «Здесь говорят о боксере Рубине Картере, Франческо Петрарке, кантри-певице Тэмми Кайнетт...» [4] о поэтах, писателях, об анархисте Гаэтано Бреши, о праотце панк-рока Игги Попе и о многих других, упоминания о них вплетены в ткань повествования, как массовая культура вплетена в ткань нашей повседневной реальности. Герой, как и зритель, начинает любоваться этой реальностью, стоически ее принимает, находит в ней красоту. Фильм можно смело отнести к Поэтическому кинематографу. Фильм является репрезентацией феноменологической концепции повседневности.

Литература

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб. : Владимир Даль, 2004. 405 с.
2. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 1997. С.195.
3. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. С. 401–455.
4. Долин А. Джим Джармуш. Стихи и музыка. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 17 с.

